

**СЛОВО ТВОЕ
ЕСТЬ ИСТИНА**

**ОСНОВЫ БИБЛЕЙСКОЙ
ГЕРМЕНЕВТИКИ**

**ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ**

УДК 274/278
ББК 86.376
С48

В данный сборник вошли избранные статьи из книги George W. Reid, ed., *Understanding Scripture: An Adventist Approach* (Silver Spring, MD: Biblical Research Institute, General Conference of SDA), 2005

С48 **Слово Твое есть истина. Основы библейской герменевтики** : Сборник статей / Сост. сб. и авт. предисл. Е.В. Зайцев ; [пер. с англ. Сулайманкуловой Э. М.] — Заокский : Источник жизни, 2018. — 224 с.

Данный сборник, девятый в серии «Защита библейской истины», посвящен герменевтике — одному из разделов богословского знания и библеистики, изучающему принципы и методы толкования текста Священного Писания. Герменевтика лежит в основе экзегезы — искусства извлечения первоначального смысла текста, заложенного в него автором.

УДК 274/278
ББК 86.376

© Институт библейских исследований, 2018.
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Источник жизни», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Герменевтика: исторический ракурс	14
<i>Е. В. Зайцев</i>	
Предпосылки интерпретации Священного Писания	42
<i>Франк Хазел</i>	
Авторитет Священного Писания	69
<i>Петер М. ван Беммелен</i>	
Текст и канон Священного Писания	89
<i>Геральд Клингбейл</i>	
Рекомендации по толкованию Священного Писания	117
<i>Эккехардт Мюллер</i>	
Толкование ветхозаветных пророчеств	150
<i>Ричард Дэвидсон</i>	
Герменевтика и культура	180
<i>Лазль Цезарь</i>	
<i>Приложение 1. Методология библейских исследований</i> ...	199
<i>Приложение 2. Девять основополагающих принципов адвентистской герменевтики</i>	213
<i>Уильям Джонсон</i>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник посвящен герменевтике — одному из разделов богословского знания и библеистики, изучающему принципы и методы толкования текста Священного Писания. Герменевтика лежит в основе экзегезы — искусства извлечения первоначального смысла текста, заложенного в него автором.

Библия, как известно, — это целый мир, впитавший в себя множество традиций, исторических эпох, разнообразные идеи и образы. Она имеет свой язык, символику, структуру, которые требуют углубленного, проницательного подхода. Библию недостаточно просто читать. Будучи Словом Божиим, она требует благоговейного молитвенного обращения. Вместе с тем это и слово человеческое, подлежащее тщательному изучению. Это изучение необходимо хотя бы потому, что нас отделяют от времени библейских писателей десятки веков. Авторы Библии принадлежали к миру Древнего Востока, великие цивилизации которого — Египет, Вавилон, Ассирия, Финикия — пришли к упадку еще задолго до Р.Х. Но именно они и создавали тот культурно-исторический фон, на котором происходили события, записанные в Ветхом Завете. Культурно-историческим фоном Нового Завета являлся уже греко-римский мир. Если мы хотим глубже проникнуть в Слово Божье, данное нам через библейских авторов, мы должны постараться понять тот мир, в котором жили эти авторы. Эти знания помогут глубже проникнуть в смысл Священного Писания и, как следствие, помогут в понимании того, что хотел сказать нам через Своих посланников Сам Бог.

Адвентистская традиция толкования текста Библии основана на целом ряде фундаментальных герменевтических принципов. Прежде всего, Библия понимается как откровение Божье (Ам. 3:7). Это означает, что библейское повествование представляет собой описание самораскрытия Бога в истории богочеловеческих отношений. Считается, что откровение Бога, содержащееся в Священном Писании, достаточно для того, чтобы человек мог познать Бога и Его спасительную волю относительно этого мира.

Вторым важным принципом, на котором основывается адвентистская традиция толкования, является признание боговдохновенного (богодухновенного — как это слово записано в Синодальном переводе) статуса писаний, входящих в состав Библии (2 Тим. 3:16). Понятие боговдохновенности связано с особой ролью Святого Духа в процессе передачи Божественной воли человеку. Под боговдохновенностью понимается сверхъестественная активность Святого Духа, под влиянием Которого авторы Священного Писания обретали способность записывать так, чтобы это наиболее адекватно отражало то, что Бог замыслил передать человеку. Не имеет значения, получили святые авторы знание обо всем, относительно чего они писали, по откровению или Бог вел их к другим источникам, откуда они получали свои сведения, — все, что записано в Священном Писании, было написано под вдохновением от Святого Духа.

Боговдохновенность — сверхъестественное явление, которое, не лишая книг Библии индивидуальности и авторского стиля, тем не менее делает их книгами Писания во всей полноте Слова Божьего. Боговдохновенность — это всегда процесс взаимодействия Божественного и человеческого. Человеческий фактор в результате этого процесса не подавляется, а активно проявляется. Бог взаимодействует с человеком в контексте завета, и характер этого взаимодействия учитывает слабость и несовершенство человеческого естества после грехопадения. Некоторые расхождения в информации, не имеющие существенного отношения к содержанию

и характеру Божественной вести, ничуть не подрывают боговдохновенности Священного Писания и его авторитетности, а лишь подчеркивают благодать и величие Бога откровения, готового к сотрудничеству даже с падшим человеком.

Третий важнейший принцип, следующий из предыдущего, — подчеркивание Божественного авторитета Священного Писания. Под авторитетом Библии понимается ее способность определять для человека мировоззренческие рамки, другими словами, служить критерием истины в таких основополагающих вопросах бытия, как «что есть мир?», «что есть человек?», «что есть Бог?», «что есть добро и зло?», «в чем смысл жизни?», и др. Будучи авторитетным для человека, Священное Писание определяет содержание его мировоззрения, веры и нравственного поведения. Благодаря своей боговдохновенности Библия продолжает оставаться авторитетной и для современного читателя, обеспечивая мировоззренческие границы его восприятия Бога, мира и самого себя. Авторитет этот не является внешним, т. е. приписанным извне; авторитетность Священного Писания определяется Божественным фактором, присутствующим в Библии благодаря активности Святого Духа во время передачи Божьей вести и ее последующей записи.

Четвертый важнейший принцип адвентистской герменевтики — признание интегрирующей роли Святого Духа, обеспечивающей единство и целостность Священного Писания. Единство Писания подразумевает непротиворечивость и последовательность откровения о Боге, представленного в истории спасения. Единство Писания усматривается во взаимозависимости Ветхого и Нового заветов и преемственности между ними, в исполнении многочисленных пророческих предсказаний, в едином взгляде на проблему греха и спасения, в неизменности нравственно-учения Библии, прослеживаемой во всех книгах Библии.

Наконец, пятый принцип касается признания идеи Божественного просвещения в процессе обращения человека к Священному Писанию.

Возможность восприятия Божественного откровения, записанного в далеком прошлом, обеспечивается благодаря просветительской (просвещающей, научающей) функции Святого Духа, Который помогает понять истинный смысл Священного Писания, остающийся неизменным для всех поколений верующих людей.

Церковь адвентистов седьмого дня признает историческую роль иудаизма в дохристианскую эпоху в составлении канона Ветхого Завета (39 книг) и христианской церкви в составлении канона Нового Завета (27 книг). Бог использовал церковь для того, чтобы собрать и сохранить Священные Писания, в которых Он пожелал дать человечеству Свое спасительное Слово до конца времени. Составляя канон Нового Завета, церковь руководствовалась предшествующим Божиим откровением, выраженным в Ветхом Завете, боговдохновенный статус которого признавали Христос и апостолы. Общепринятая позиция христианской церкви относительно завершенности канона Священного Писания, согласно которой никакой другой документ не может быть равноавторитетным с библейскими книгами, разделяется и Церковью адвентистов седьмого дня.

Авторы статей, вошедших в настоящий сборник, привержены всем перечисленным выше герменевтическим принципам. Все они известные ученые-библеисты, специалисты в области герменевтики. Читателю небезынтересно будет познакомиться с кратким содержанием представленных в сборнике статей.

Первая статья, написанная директором Института библейских исследований и Института перевода Библии в Заокском, знакомит с краткой историей библейской герменевтики, начиная еще с ветхозаветной эпохи. Автор делает краткий обзор тех методов толкования Священного Писания, которые использовались в раннехристианской церкви, в период Средневековья, в эпоху протестантской Реформации, в постреформационный период, в эпоху Нового времени. Подобный исторический обзор призван рас-

ширить представление о герменевтике как науке и искусстве толкования библейского текста, а также увидеть как сильные, так и слабые стороны каждого метода.

Автор следующей статьи — помощник директора Института библейских исследований ГК доктор теологии Франк Хазел рассматривает основные предпосылки в интерпретации Священного Писания и наиболее общие подходы к толкованию библейского текста. Серьезное внимание он уделяет библейскому повествованию о сотворении человека по образу и подобию Божьему как отправной точке в утверждении самой возможности общения человека с личностным Богом. Вместе с тем автор указывает на последствия грехопадения, которые эту возможность значительно исказили. В этих условиях от интерпретатора ожидается открытость и честность, смирение и вера, а также любовь к библейскому тексту как откровению Божьей воли. Хазел проясняет основные герменевтические принципы, которыми руководствуется Церковь адвентистов седьмого дня, истолковывая Священное Писание: *sola scriptura* (только Писание), *tota scriptura* (все Писание), достаточность Писания, единство Писания, ясность Писания, значение контекста. В заключение автор проясняет отношение церкви к известному в протестантизме «христологическому принципу», отмечая, что Писание не может быть поставлено в подчиненное положение даже идее христocентризма.

Профессор Университета Андриуса Петер ван Беммелен в своей статье «Авторитет Священного Писания» обращает внимание на тему, которая в последнее время благодаря влиянию либеральной теологии и библейской критики стала особенно актуальной. Подрыв авторитета Библии как боговдохновенного Слова Божьего и как окончательного критерия веры, учения и жизненной практики заставляет автора еще раз посмотреть на взаимосвязь между авторитетом Писания и авторитетом Самого Бога, на внутренние свидетельства Библии, подтверждающие верховную власть

Писания как Божьего Слова, на масштаб и достаточность авторитета Библии в решении вопросов веры и учения. Серьезное внимание автор обращает на вопрос отношения к проблеме авторитета Библии западно-европейских протестантских реформаторов.

Геральд Клигбейл — профессор кафедры ветхозаветных и древнеближневосточных исследований в своей статье «Текст и канон Священного Писания» касается самой, пожалуй, дискутируемой темы в истории церкви — канонизации библейских книг и их сохранения. Как формировался ветхозаветный и новозаветный канон? Что представлял собой процесс канонизации? Какую роль в этом процессе играли религиозные и социо-культурные факторы? Дошел ли оригинальный текст Писания до нас в неизменном виде? Автор убежден, что библейский канон имеет внутренний источник самоидентификации, коим является факт боговдохновенности (инспирации). Боговдохновенный характер Священного Писания Ветхого Завета признавали Христос и апостолы. На основании откровения, содержащегося в Ветхом Завете, формировался новозаветный канон. Святой Дух не только вдохновлял пророков и апостолов на передачу Божьей вести, но и способствовал сохранению ее содержания в последующих веках. К той же просвещающей силе Святого Духа должен обращаться и современный читатель Библии, чтобы древний библейский текст стал для него понятным, назидательным и спасительным.

Эккехардт Мюллер, помощник директора Института библейских исследований ГК, в своей достаточно практической статье предлагает целый ряд рекомендаций, связанных с грамотным и аккуратным подходом к исследованию Священного Писания. Автор описывает необходимые экзегетические шаги, которые в хронологическом порядке должен проделать любой беспристрастный и объективный исследователь текста Библии, чтобы сделанные им выводы были максимально приближены к первоначальному смыслу текста. Эти шаги следующие: обратиться к Богу с молитвой,

прочсть текст, использовать наилучший вариант текста, перевести текст, исследовать контекст, проанализировать текст, провести богословский анализ, показать применение текста сегодня, использовать ресурсы, не спешить с окончательным выводом.

Профессор кафедры ветхозаветных исследований семинарии Университета Андруса доктор Ричард Дэвидсон предлагает интересный обзор ветхозаветных пророчеств, обращая внимание на конкретные практические шаги, которые должен предпринять исследователь Библии, чтобы его толкование было в рамках Божьего откровения. Автор подчеркивает важность определения исторического контекста, в котором было изречено пророчество; важность анализа литературной структуры пророческой книги или отрывка; необходимость оценки символики и образного языка; важность определения типа пророческого предсказания (мессиянское, пророчество о будущем Израиля, пророчество о других народах, апокалиптическое пророчество и др.). Ветхозаветные пророчества и их исполнение в Новом Завете подчеркивают единство и целостность Священного Писания, указывают на преемственность Божьего откровения, отражают универсальный характер Божьего плана спасения.

Заключительная статья сборника, написанная Лаэлем Цезарем, известным специалистом в области ветхозаветных исследований, помощником главного редактора журнала *Adventist Review*, посвящена достаточно актуальной сегодня проблеме взаимоотношения герменевтики и культуры. Как воспринимать Библию, появившуюся когда-то в условиях семитской культуры, современному читателю, живущему в совершенно ином культурном контексте? Автор приводит примеры культурно обусловленного прочтения Библии, среди которых теология освобождения, «черная теология», феминистическая теология и др. Осознавая деликатность темы и уважительно относясь к национальным, этническим, гендерным факторам, автор тем не менее призывает оттал-

киваться не от многообразия этих факторов и не от личного опыта в трактовке Священного Писания, а от признания боговдохновенного характера Библии и ее непреходящего авторитета как Слова Божьего для любой эпохи и для любой культуры.

В Приложении читатель найдет очень важный документ, который отражает официальную позицию Церкви адвентистов седьмого дня в отношении интерпретации Священного Писания. Документ был разработан Институтом библейских исследований ГК как ответ на вызовы историко-критического метода и утвержден на Годичном совещании Исполнительного комитета ГК в 1986 году в Рио-де-Жанейро, Бразилия. В документе представлены основные методологические принципы, которыми должен руководствоваться исследователь Библии, чтобы максимально корректно истолковать текст Священного Писания. В основе этих принципов лежат следующие предпосылки: утверждение боговдохновенного статуса Священного Писания и признание Божественного авторитета Библии. В Приложение также помещена статья бывшего главного редактора журнала *Adventist Review* Уильяма Джонсона «Девять основополагающих принципов адвентистской герменевтики», впервые опубликованная в марте 1999 года в журнале *Ministry*.

Как Слово Божье Писание, наделенное властью и авторитетом Бога, способствует зарождению и поддержанию веры в Спасителя, о Котором оно свидетельствует, и определяет содержание как внутренней жизни церкви, так и каждого верующего, способствуя принятию всего, чему оно учит. В Священном Писании Бог дал нам запись о Своих могущественных деяниях в человеческой истории вместе с объясняющим все это Словом, без которого мы не смогли бы знать, что через всю сумятицу, столь характерную для течения исторических событий, Бог вырабатывал Свой вечный план для спасения человечества. Когда через Евангелие, провозглашенное в Священном Писании, Святой Дух

призывает грешников к вере в Иисуса Христа, они признают Писание как Слово Божье, которому присуща совершенная цельность всего того, что Бог открыл нам для нашего спасения и наставления. Правильно понять и истолковать это Слово и призвана эта небольшая книга.

*Евгений Зайцев,
доктор теологии,
директор Института
библейских исследований ЕАД*

ГЕРМЕНЕВТИКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

*Е. В. Зайцев, доктор теологии, директор Института
библейских исследований*

С тех пор как появилось Писание, сформировалось множество подходов к его изучению. В настоящей статье предпринята попытка сделать краткий обзор тех методов толкования Священного Писания, которые были предложены в истории. Подобный исторический обзор призван расширить представление о герменевтике как науке и искусстве толкования библейского текста, а также увидеть как сильные, так и слабые стороны каждого метода. Исторический обзор сделан на основании материалов, содержащихся в классических работах по герменевтике, к которым читатель может обратиться для более глубокого изучения.

Герменевтика в ветхозаветную эпоху

История толкования Библии обычно начинается с работы Ездры. Он вместе с помощниками познакомил народ, вернувшийся из вавилонского плена, с текстом Торы: «И читали [Ездра и левиты] из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и *народ* понимал прочитанное» (Неем. 8:8). Возможно, израильтяне за долгие годы жизни на чужбине утратили свой язык, и большинство исследователей предполагают, что Ездра переводил еврейский текст и читал его вслух на арамейском языке, делая при этом какие-то пояснения. Так возникает наука и искусство толкования Библии.

В последующие годы Писание тщательно и внимательно переписывалось, поскольку считалось, что каждая буква текста является вдохновенным Словом Божиим. Столь глубокое благоговение перед библейским текстом при всех своих преимуществах имело и недостатки. Главным недостатком было то, что вскоре раввины стали толковать Писание методами, совершенно отличающимися от того, как обычно толкуется сообщение. Раввины считали, что каждая незначительная деталь текста, каждое повторение, метафора, параллелизм, синоним, слово, буква и даже конфигурация букв обладает своим скрытым значением. Такой буквализм зачастую приводил к тому, что подразумеваемое автором значение текста упускалось из виду, сменяясь фантастическими измышлениями.

Основные правила раввинской экзегетики были разработаны известным законоучителем I века до Р. Х. Гиллелем. Эти правила включали сравнение мыслей, слов, фраз, обнаруженных более чем в одном тексте, взаимоотношение общих принципов с отдельными примерами и важность для толкования контекста. Вместе с тем в этот же период складывается еще одна школа толкования письменной и устной Торы, во главе которой стоял еврейский учитель Шаммай. Шаммаю была присуща тенденция к буквальному пониманию Торы. Он придерживался системы точного грамматического анализа каждого стиха и каждого слова Торы, его толкования законов были тесно связаны с текстом Торы и, как правило, были достаточно строгими. В противоположность школе Шаммая школа Гиллеля отличалась гибким подходом к пониманию Торы. Согласно представлениям этой школы, толкование должно передавать не буквальный смысл написанного, а дух и общие тенденции Торы.

В указанный период утверждается и аллегорический метод толкования библейского текста, согласно которому истинный смысл его лежит за пределами буквального повествования. Суть аллегорического толкования заключалась в замещении прямого смысла иносказательным: библейские

персонажи и образы рассматривались как персонификация нравственных или космических начал, а их взаимосвязи расшифровывались главным образом в этико-психологическом плане.

Популяризатором данного метода был известный религиозный мыслитель, представитель еврейского эллинизма Филон Александрийский (20 г. до Р. Х. — 50 г. по Р. Х.). Филон считал, что буквальное значение Писания рассчитано на уровень понимания духовно незрелых людей, а аллегорическое значение — для мудрецов. Аллегорическое толкование следовало использовать в тех случаях, когда буквальное значение представлялось недостойным Бога, когда казалось, что какое-то утверждение противоречит некоторым другим утверждениям в Писании, когда указывалось, что текст следует понимать аллегорически, когда выражение повторялось или это было повторение уже известного, когда использовались синонимы и предполагалась игра слов, когда было что-то ненормативное в грамматических категориях — в числе или времени и когда присутствовали символы.

Вот пример объяснения Филоном текста, который, кажется, представляет Бога слишком жестоким. «Убивайте каждый брата своего, каждый соседа своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек» (Исх. 32:27, 28). Филон Александрийский объясняет этот текст следующим образом: «Ибо священники не людей убивают, как некоторые думают, но отсекают от своего разума свойственное и любезное плоти, считая, что тем, кто должен быть слугами Единственного и Премудрого, подобает стать чужими всему, что имело возникновение. Поэтому мы убьем брата, но не человека, а брата души — тело. То есть отделим от любящего добродетель и Божественное — от любострастного и смертного. Убьем не соседа, но сборище ощущений...» («О пьянстве», 67–70). То есть,

по Филону, тут на самом деле идет речь о том, чтобы убить свою любовь к мирскому.

Библейские животные и птицы, пресмыкающиеся и рыбы, растения, камни, небесные тела — все имеет у Филона символическое значение и превращается в аллегория какой-нибудь истины. При помощи подобных герменевтических приемов Филон истолковал все Пятикнижие — как его исторические, так и законодательные части.

Иногда аллегоризация Филона и его современников заходила слишком далеко, часто достигая фантастических размеров. Так, неприглядную историю с Агарью в жизни Авраама Филон объясняет следующим образом: Сарра символизирует богословие, а Агарь — философию. Нельзя заниматься богословием, пока ты не изучил философию. Не принесет тебе богословие плод, пока ты не получишь плод от философии. Подобно тому, как Агарь — служанка Сарры, философия — служанка богословия.

Итак, в дохристианскую эпоху в еврейском обществе существовали разнонаправленные течения в подходе к тексту Писания. Еврейские толкователи считали, что Писание представляет слова Божьи и что эти слова имеют важное значение для верующих. Применялось буквальное толкование в рамках школы Шаммая, особенно в сфере судебных и обрядовых вопросов. Многие толкователи использовали правила, выработанные Гиллелем, а также умеренно использовали аллегорическую экзегетику. Филон, стремясь примирить еврейское Писание с греческой философией, чрезмерно развивает метод аллегорической экзегетики, что привело его фактически к отвержению в иудаизме. Однако аллегорический метод толкования найдет в будущем поддержку в христианской традиции в лоне Александрийской богословской школы.

Герменевтика в новозаветный период

Чрезвычайно важное значение в историческом плане имеет осмысление того, каким образом воспринимали и как

толковали Писание (Танах) Христос и апостолы. Исследователи заметили, что почти десять процентов текста Нового Завета составляют цитаты, парафразы и ссылки на Ветхий Завет. Иисус Христос в Своих проповедях и наставлениях постоянно ссылается на Закон, Писания и пророков, что свидетельствует о Его признании Танаха авторитетным Словом Божьим. Историческое повествование Он рассматривал как достоверное изложение событий. Адам, Авель, Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Давид, Соломон воспринимались Им как реально существовавшие люди, оставившие след в истории спасения. Ссылаясь на исторический факт, Христос исходил из буквального, а не аллегорического значения текста. Для Него не было характерно разделять духовную истину на уровни: поверхностный — основанный на буквальном значении текста, и более глубокий — полученный в результате аллегоризации.

Важно подчеркнуть, что как Христос, так и апостолы различали Писание (Мф. 21:42; Мф. 22:29; Мк. 14:49; Лк. 24:27; Ин. 5:39; Ин. 7:42; Ин. 10:35; Деян. 8:32,35; Деян. 18:28 и т. д.), которое они считали боговдохновенным и, следовательно, имеющим силу Божественного авторитета, и предание человеческое — предание старцев, которое представляло собой многочисленные правила и постановления, составленные людьми, и потому являлось небоговдохновенным. Ярким примером тому могут служить слова Христа из Мф. 15:3–6: «Он же сказал им в ответ: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: „почитай отца и мать“; и: „злословящий отца или мать смертью да умрет“. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: „дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, Тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (см. также Мк. 7:1–13). Христос ссылается здесь на авторитетное пророчество Исаии (Ис. 29:13). Иисус однозначно осуждает сложившуюся в Его дни практику подмены Писания преданием старцев.

Священное Писание, будучи откровением воли Божьей, данным через пророков (2 Петр. 1:21), всегда было критерием истины для народа Божьего в силу своей боговдохновенности (Ис. 8:20). Именно это Писание, о котором ап. Павел говорит: «Все Писание богодухновенно» (2 Тим. 3:16), представленное во дни апостолов Законом, Пророками и собственно Писанием, и являлось авторитетом как для Христа, так и для Его последователей. «Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией» (Мф. 22:29). Апостол Павел, убеждая приходивших к нему иудеев в мессианском подвиге Христа, «излагал им *учение* о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их об Иисусе из закона Моисеева и пророков» (Деян. 28:23). Критерием истинности той вести, которую Павел проповедовал в Коринфе, являлось Писание Ветхого Завета («Христос умер.... по Писанию», 1 Кор. 15:1–3). Именно Писанием «благоразмысленные верующие» в Верии, где Павел и Сила проповедовали в синагоге иудейской, проверяли слова апостолов. «Они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так» (Деян. 17:10, 11).

Исследователи заметили, что при использовании Ветхого Завета новозаветными авторами часто изменяется редакция оригинала. Насколько это оправдано герменевтически? Здесь важно отметить, во-первых, то, что в Палестине во времена Христа было распространено множество еврейских, арамейских и греческих версий библейского текста, заметно отличающихся друг от друга. Во-вторых, новозаветным авторам необязательно было цитировать ветхозаветные отрывки дословно, поскольку они и не заявляли, что цитируют слово в слово, тем более что писали они не на языке ветхозаветного оригинала. Наконец, следует иметь в виду тот факт, что свободное обращение с цитатой обычно свидетельствует о доскональном знании материала: чем больше говорящий уверен в том, что понимает мысль автора, тем меньше он боится выразить эту мысль своими словами. Поэтому тот факт, что авторы Нового Завета ино-

гда перефразировали цитаты из Ветхого Завета, ни в коей мере не означает, что они нарушали герменевтические правила.

В подавляющем большинстве случаев Новый Завет толкует Ветхий Завет буквально, то есть согласно общепринятым нормам толкования различных текстов — историю как историю, поэзию как поэзию, символы как символы. Новозаветные авторы не предпринимают попыток разделить текст на буквальный и аллегорический уровни. Таким образом, Новый Завет закладывает основание для историко-грамматического метода толкования Библии, которому следует адвентистская герменевтика.

Герменевтика в ранний период христианской церкви

В ранней церкви преобладал преимущественно буквальный подход к пониманию текста Писания, хотя многие отрывки Ветхого Завета, относящиеся к культовой системе израильского народа, понимались типологически, как указывающие на Христа — истинного Агнца Божьего, закланного за грехи людей. В последующие столетия, однако, в церкви возобладал аллегорический подход к толкованию священного текста. Сторонники аллегоризации, руководствуясь подчас благородным мотивом — желанием истолковать Ветхий Завет в контексте искупительной смерти Христа, часто совершенно игнорировали авторское значение и буквальный смысл текста, что вело к измышлениям, с которыми автор данного текста никогда бы не согласился.

Фактически в первые века христианской церкви сложились две богословские школы, специализирующиеся на толковании текста Священного Писания: одна с центром в Александрии, другая — в Антиохии. Александрийская школа известна аллегорическим подходом к толкованию, Антиохийская — более буквальным и историческим.

Александрийская школа

Наиболее яркими представителями Александрийской герменевтической школы были Климент и Ориген. Так, Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) считал, что истинное значение Писания сокрыто настолько глубоко, что для его обнаружения необходимо провести тщательное исследование, которое недоступно каждому. Недоступен каждому и этот глубинный сокровенный смысл Писания.

Согласно Клименту, существует пять смыслов в Писании (исторический, вероучительный, пророческий, философский и мистический), причем наиболее ценные богатства Писания доступны только для тех, кто уразумеет самые сокровенные смыслы. Ярким примером экзегетики Климента может служить истолкование им библейской истории, связанной с восхождением Авраама на гору Мория для принесения в жертву Исаака (Быт. 22:1–4): «Авраам, придя на третий день к месту, указанному ему Богом, „возвел очи свои и увидел то место издалека“. Ибо в первый день благое видится очами; во второй день проявляется наилучшее желание души; на третий день ум воспринимает духовное — после того, как Учитель, воскресший в третий день, откроет глаза к разумению. Три дня могут быть тайной запечатления (крещения), чрез которое мы веруем в Бога. Он „увидел то место издалека“. Ибо трудно достигнуть Царства Божьего, которое Платон называет царством идей, узнав от Моисея, что это то место, где универсально пребывает все сущее. Но Авраам правильно видит его издалека, так как он пребывает в своем потомстве, и тотчас к нему является Ангел. Посему апостол говорит: „Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу“, единственно чистым и бестелесным разумом».

Климент высоко оценивает значение философии для церкви. Он считает, что Сам Бог даровал философию эллинам как инструмент богопознания. Философия для эллинов — это своеобразная альтернатива Моисееву закону

и служению ветхозаветных пророков. Пророчества и философия взаимно дополняют друг друга, подготавливая человека к принятию истины. Климент жестко критикует тех, кто полагает, будто философия — это пустое мирское мудрствование, которое неизбежно ведет к ереси. Климент был убежден в том, что благодаря философии, без всякого Откровения, эллины пришли к осознанию бытия единого Бога как Первопричины мира и единого источника истинного знания.

Верным последователем Климента был Ориген (ок. 185 — ок. 254). Он считал, что Писание — это одна развернутая аллегория, в которой каждая деталь символична. За основу своей герменевтики Ориген взял слова апостола Павла из 1 Кор. 2:6, 7: «Проповедуем премудрость Божию, тайну, сокровенную». Он полагал, что как человек состоит из трех частей — тела, души и духа, точно так же и Писание имеет три смысла. Тело представляет буквальный смысл, душа — моральный (нравственный) и дух — аллегорический или мистический смысл. На практике Ориген обычно пренебрегал буквальным смыслом, редко ссылаясь на нравственный смысл и постоянно использовал аллeгорию, так как, по его мнению, только аллегория передает истинное знание.

Антиохийская школа

Иным был подход к толкованию Священного Писания в Антиохийской школе, представители которой, с одной стороны, пытались избежать буквализма иудеев, а с другой — аллeгоризма александрийцев. Один из известных ее руководителей — Феодор Мопсуестийский (ок. 350–428), отвергнутый позже церковью за неортодоксальные взгляды относительно двух природ Сына Божьего, стойко отстаивал принцип грамматико-исторического толкования, согласно которому текст следует толковать согласно правилам грамматики и историческим фактам. Он решительно выступал против церковного давления на исследователя, утверждая, что толкование должно быть основано на изучении грамма-

тического и исторического контекста, а не на ссылке на авторитеты. Он критиковал александрийцев за то, что те пытались за историческим значением ветхозаветных событий найти более высокое духовное значение. Феодор был убежден, что духовное значение исторического события подразумевалось в самом событии. Если, например, по мнению александрийцев, исход Авраама из Харрана означал его отказ от познания сущего посредством органов восприятия, для антиохийцев исход Авраама из Харрана представлял собой просто акт веры, поскольку тот подчинился Божьему призыву выйти из реально существующего города Харрана и отправился в землю Ханаанскую.

Многие принципы толкования Священного Писания Антиохийской школы были популяризированы выдающимся проповедником Иоанном Златоустом (347–407). В будущем экзегетические принципы антиохийской школы будут положены в основу протестантской герменевтики и станут фундаментом современной евангельской герменевтики.

Следует заметить, что церковь пыталась примирить используемые в ранних богословских школах методы толкования Священного Писания, отсекая крайности аллегорического и буквалистского подходов. Синтез обоих герменевтических методов был произведен в экзегетических трудах отцов IV–V вв. Афанасия Великого, Кирилла Александрийского, Василия Великого, Григория Нисского, Феодорита Кирского, Ефрема Сирина и др. На основании буквально-исторического смысла они стремились найти высший духовный смысл — прежде всего с помощью типологического толкования, допуская для выражения вероучительных и нравственных истин также и аллегорическое толкование.

Августин

Рассмотрение герменевтических принципов в раннехристианский период будет неполным без упоминания одного из величайших учителей церкви Августина (354–430).

По оригинальности мысли и гениальности Августин превосходит многих своих современников. В его сочинениях можно найти целый ряд правил толкования Священного Писания, многие из которых сохраняют свою значимость и сегодня. Более того, он единственный из отцов церкви, кто написал специальный трактат, в котором изложил свои методы толкования Библии. Трактат называется «О христианском учении». Если суммировать все, что говорил на этот счет Августин, то получится следующая картина:

1. Толкователь должен обладать искренней христианской верой.
2. Первоочередное внимание нужно уделять буквальному и историческому значению Писания.
3. Писание может иметь более одного значения и потому допустимо аллегорическое понимание.
4. Библейские числа имеют определенное значение.
5. Ветхий Завет необходим и христианам, так как в нем представлен Христос, будущий Мессия.
6. Задача толкователя — понять значение, подразумеваемое автором, а не привносить в текст свое собственное значение.
7. Толкователь должен сверяться с ортодоксальным Символом веры.
8. Каждый отрывок текста следует рассматривать в его контексте, а не в изоляции от ближайших к нему текстов.
9. Если значение текста неясно, то ничего из этого отрывка не может быть предметом ортодоксального вероучения.
10. Святой Дух не является заменой необходимого образования. Чтобы понимать Писание, толкователь должен знать еврейский и греческий языки, географию, риторiku и другие предметы.
11. Непонятный отрывок Писания должен толковаться ясным отрывком.

12. Исследователь должен иметь в виду, что Божье откровение носит прогрессирующий характер (последовательно углубляется).

Следует заметить, что на практике Августин зачастую пренебрегал многими своими принципами и чрезмерно тяготел к аллегоризации библейского текста, что, по мнению исследователей, делает экзегетические комментарии наименее ценным элементом его сочинений. Необходимость в аллегорическом толковании Священного Писания Августин подтверждал текстом из 2 Кор. 3:6: «Буква убивает, а дух животворит». По его мнению, это значит, что буквальное толкование Библии убивает, а аллегорическое, или духовное, — животворит.

Таким образом, влияние Августина на развитие научной экзегетики было неоднозначным: в теории он разработал многие принципы здоровой экзегетики, но на практике ему не удалось применить их к толкованию Библии. Как бы то ни было, его взгляд на Священное Писание стал господствующим в эпоху Средневековья.

Средневековая экзегетика

В эпоху Средневековья преобладал подход к толкованию Священного Писания, сложившийся в рамках церковной традиции. Оригинальных идей было мало. Большинство исследователей Писания посвящали себя изучению и собиранию работ предшествующих отцов церкви. Аллегорический подход преобладал в трудах многих толкователей. Вот, например, как Феофилакт Болгарский (1055–1107) обобщает святоотеческие толкования притчи о милосердном самарянине: пострадавший от разбойников — Адам и вся человеческая природа в нем, Иерусалим — рай, Иерихон — смертность, разбойники — бесы, священник и левит — Закон и Пророки, самарянин — Христос, масло и вино — проповедь надежды и обличения, гостиница — церковь, хозяин гостиницы — учителя церковные, два динария — Ветхий и Новый Завет.

Между тем еще в V веке Иоанн Кассиан (около 435 г.) расширил теорию тройственного смысла Писания, предложенную Оригеном, до четырех уровней смысла: 1) исторический (буквальный); 2) тропологический (нравственный) — от греческого *тропос*, что значит «образ жизни»; 3) аллегорический (мистический); 4) анагогический (эсхатологический или небесный) — от греческого *анаго*, что значит «вести вверх». В течение последующей тысячи лет данный подход, известный как *квадрига* (колесница, запряженная четырьмя конями), превалировал в западной церкви. Считалось, что каждый библейский отрывок имеет четыре смысловых уровня. Это нашло отражение даже в четверостишии, ходившем в ту эпоху:

*Нам буква говорит, что делали Бог и праотцы,
А аллегория — где веры нашей спрятаны концы.
Мораль дает устав на каждый день,
Анагогия освещает смерти тень.*

Для иллюстрации такого подхода можно использовать образ города Иерусалима. Буквальный Иерусалим — это реально существующий город; аллегорически он обозначает церковь Христову; в нравственном плане он представляет человеческую душу; анагогически (эсхатологически) указывает на небесный Иерусалим.

Несмотря на то, что в средневековой экзегетике преобладал метод «квадриги», развивались и другие подходы. Так, на протяжении позднего Средневековья в Европе и Палестине продолжали традицию древнееврейской мистики каббалисты. Они довели метод буквализма до абсурда. По учению каббалистов каждая буква, и даже каждая возможная перестановка или замена букв, имеет сверхъестественное значение. Пытаясь проникнуть в Божественные тайны, они пытались заменять одно библейское слово другим, имеющим то же цифровое значение, рассматривали каждую отдельную букву слова как заглавную букву других

слов, вставляли в текст новые слова посредством замены некоторых букв в словах оригинала.

Однако в некоторых сообществах верующих употреблялся более научный метод толкования. Так, у евреев, проживающих в Испании в XII–XV вв., наметился возврат к историко-грамматическому методу толкования Библии. А ученые августинианского аббатства Сен-Виктор близ Парижа считали, что истинное значение Писания следует искать на пути буквального, а не аллегорического истолкования. Они заявляли, что истинное знание должно выводиться путем экзегезы, а не экзегетика должна подчиняться господствующему учению церкви.

Одним из тех, кто оказал значительное влияние на возврат к буквальному толкованию, был Николай Лирский (1270–1340). Хотя он и соглашался, что Писание имеет несколько смысловых уровней, но отдавал явное предпочтение буквальному пониманию и настаивал на том, что другие уровни понимания должны прочно основываться на буквальном смысле. В 1320 году Николай Лирский приступает к написанию основного своего произведения — «Буквальные комментарии к Библии», которое он завершает к началу 1330-х годов.

Свои комментарии Николай Лирский предваряет двумя прологами. Первый называется «Рассуждение о Священном Писании в целом», и речь в нем идет об общих литературных и языковых особенностях библейских книг. Во втором прологе, «Об авторском намерении и манере его достижения», Николай Лирский особо подчеркивает значение буквального смысла. Он находит его весьма трудным для понимания по прошествии стольких лет после написания текста. Кроме того, буквальный смысл текста искажается под воздействием комментариев, отражающих лишь аллегорический (мистический) смысл Писания. Исследователь видит свой долг в обращении к буквальной стороне текста. Таким образом, определяется и его задача: дать максимально полный буквальный комментарий к полному тек-

сту Библии. Для извлечения буквального смысла Николай Лирский считает необходимым обратиться к традиции еврейских рукописей, поскольку и само явление Христа, и Его Божественную природу можно понять лишь в соотношении с иудейской традицией. Для наиболее полного понимания текста он использует работы своих предшественников, причем не только раннехристианских мыслителей и католических теологов (таких как Августин, Иероним, Альберт Великий и др.), но и раввинистов, в особенности Раши — крупнейшего средневекового комментатора Танаха.

Труды Николая Лирского в значительной мере повлияли на деятелей западно-европейской протестантской Реформации, в частности на Лютера. Многие исследователи считают, что без этого влияния Лютер не смог бы зажечь огонь Реформации в Европе.

Экзегетика эпохи Реформации

Новое развитие герменевтика получает в эпоху Возрождения. Идет поиск новых приемов и методов правильного прочтения древних текстов, составленных в рамках иного исторического периода и иной культуры. В связи с последующим развитием протестантизма в XVI в., отвергнувшего Предание как авторитетное мерило в толковании текста Священного Писания, возникает задача и нового прочтения и интерпретации библейских текстов. В результате происходит становление протестантской герменевтики, оказавшей огромное влияние на формирование современного языкознания.

Эпоха Ренессанса выявила серьезную потребность в знании языков оригинала для понимания Библии. Эразм Роттердамский (1469–1536), крупнейший мыслитель так называемого Северного Возрождения, осуществил первое издание греческого оригинала Нового Завета с комментариями, положив начало критическому исследованию текста Священного Писания. В это же время другой выдающийся немецкий мыслитель и гуманист Иоганн Рейхлин создает

еврейскую грамматику и словарь. Рейхлин явился создателем фонетической системы чтения средневековых греческих текстов, названной его именем. Высокую оценку трудам Рейхлина давал Мартин Лютер.

Господствовавшее на протяжении многих веков представление о том, что Писание имеет четыре смысла, постепенно уходит в прошлое. Среди исследователей той поры формируется устойчивое представление о том, что Писание имеет только один смысл.

Мартин Лютер

Серьезный вклад в развитие герменевтики Священного Писания внес выдающийся немецкий реформатор Мартин Лютер (1483–1546). Лютер считал, что необходимыми условиями для толкования Библии являются вера и просвещение Святым Духом. Он утверждал, что к Библии следует подходить иначе, чем к обычному литературному произведению.

Согласно Лютеру, не церковь определяет то, чему должно учить Писание, а наоборот, Писание должно определять учение церкви. Лютер подчеркивал, что именно Священное Писание является источником и нормой учения церкви. Формируется известный протестантский принцип *Sola Scriptura*, согласно которому Библия является единственным источником вероучения и мерилom определения истинности церковного Предания и современных христианских сочинений. Данный принцип основывался на точке зрения, что Библия является боговдохновенной книгой, написанной по вдохновению от Святого Духа, и потому представляет собой авторитетное Слово Самого Бога.

Лютер скептически относился к аллегорическому методу толкования Писания, называя его «грязной» и «потрепанной» одеждой. Лютер был убежден, что верное толкование Писания должно исходить из буквального понимания текста. Проводя экзегезу текста, толкователь должен учитывать исторические условия, грамматику и контекст. Однако

анализ экзегетических примечаний Лютера в библейских комментариях показывает, что, несмотря на акцентирование буквального смысла текста, на практике он все же допускал и иные богословские подходы, например типологический.

В отличие от Римско-католической церкви, которая утверждала, что Писания чрезвычайно сложны и что только церковь может обнаружить их истинное значение, Лютер считал, что Библия — ясная книга. Отсюда известный протестантский принцип ясности Писания.

Отвергнув аллегорический метод, который на протяжении веков служил своеобразным средством сохранения Ветхого Завета в ряду христианских книг, Лютер был вынужден искать другой способ объяснения его необходимости для верующих Нового Завета. В этом ему помогло убеждение, что все в Ветхом Завете указывает на Христа. Отталкиваясь от этого герменевтического принципа, Лютер смог увидеть Христа во многих местах Писания Ветхого Завета (в частности, в некоторых псалмах, которые он определил как мессианские). «Без сомнения, все Писание ориентировано на одного Христа», — заявлял Лютер. Подобный христологический подход позволил Лютеру показать единство и целостность Писания, не прибегая к аллегорическим и мистическим толкованиям ветхозаветного текста.

Герменевтика Лютера основана еще на одном важном принципе, которому он неуклонно следовал при толковании Библии: Священное Писание толкует само себя. К такому выводу Лютер пришел в результате дискуссии с движением анабаптистов, которые утверждали, что для истинного толкования библейских текстов нужен особый духовный дар, посылаемый Богом лишь избранным людям. Лютер не отрицал значения Святого Духа и духовных даров в толковании Библии, однако считал, что духом, с помощью которого человек толкует Писание, является дух самого Священного Писания, иными словами, что оно толкует само себя.

Лютер решительно выступал против исповедуемого католической церковью подчинения Священного Писания внешним правилам. Он постоянно подчеркивал важность простого, прямого толкования, считая, что простое толкование возможно в подавляющем большинстве случаев, поскольку Библия ясна, библейские истории просты, а основным содержанием Писания является Иисус Христос.

Жан Кальвин

Величайшим экзегетом эпохи Реформации был, безусловно, Жан Кальвин (1509–1564), который в основном соглашался с принципами, выработанными Лютером. Вместе с тем следует заметить, что, в отличие от Лютера, Кальвин в гораздо большей степени допускал типологическое толкование. Он также считал, что необходимо духовное просвещение, и рассматривал аллегорическое толкование как выдумку сатаны, имеющую целью затемнить истинный смысл Писания. Кальвин развивает тезис Лютера о «внутренней ясности» Писания в своем учении о «внутреннем свидетельстве Духа». Согласно этому учению, человек только тогда сможет поверить словам Писания, когда Святой Дух проложит ему путь к сердцу этого человека. Кальвин считал, что толкование должно быть кратким, ясным, сконцентрированным на выяснении буквального смысла Писания с использованием всех предложенных гуманистами средств анализа текста. При этом аллегория исключается полностью. Целью интерпретации является восстановление истинного смысла слов библейских авторов с учетом всех исторических обстоятельств. Широко известны слова Кальвина, передающие суть той задачи, которая стоит перед экзегетом: «Первое дело толкователя — дать право автору сказать то, что он говорит, а не приписывать ему то, что, как нам кажется, он должен сказать».

«Писание толкуется Писанием», — часто любил говорить Кальвин, подчеркивая важность, придаваемую реформатором изучению контекста, грамматики, слов и параллельных

отрывков. Только такой подход может уберечь интерпретатора от привнесения своего собственного значения в исследуемый текст.

Следует заметить, что Кальвин не во всем соглашался с Лютером, что касается герменевтических подходов. Так, он не разделял мнения Лютера о том, что повсюду в Писании нужно находить Христа. По его мнению, целый ряд так называемых мессианских псалмов можно считать таковыми лишь с большой натяжкой. Но, несмотря на некоторые расхождения, герменевтические принципы, выработанные двумя выдающимися реформаторами, стали определяющими для современного протестантского толкования.

Экзегетика постреформационного периода

На Тридентском соборе (1545–1563), известном как Собор контрреформационный, католическая церковь противопоставила протестантскому тезису о Священном Писании как единственном источнике Откровения догматическое определение, согласно которому Божественная истина содержится как в Писании, так и в Предании. Эти два источника Божественной истины равноавторитетны и боговдохновенны и дополняют друг друга. К обоим следует относиться с одинаковым благочестием и уважением.

Дальнейшее развитие протестантская герменевтика находит в трудах Флация Иллирика, в частности, в его работе «Ключ (к пониманию) Писания», опубликованной в 1567 году. Против католического тезиса о первичности Предания в толковании Писания по причине наличия в последнем многочисленных «темных мест» Флаций утверждает тезис о ясности Писания, объясняя трудности с «темными местами» ограниченностью человеческого разума. Традиционному католическому учению об авторитете церковного Предания Флаций противопоставляет принцип толкования Писания согласно принципу «аналогии веры». Суть этого принципа в том, что отдельные учения должны быть осмыслены через призму целостного понимания хри-

стианской веры, а непонятные места из Писания должны рассматриваться в свете более ясных фрагментов.

Так как христианское учение содержится в книге, обладающей абсолютным авторитетом, толкователь должен учитывать даже самые незначительные филологические особенности текста (Флаций утверждал, что даже знаки огласовок масоретского текста боговдохновенны). Для усвоения истинного смысла Писания, по Флацию, необходимо прежде всего установить буквальный (грамматический) смысл, стремясь понять цель, которую ставил перед собой автор библейского текста, и только там, где сам текст ясно дает понять, что речь идет об аллегории, или где буквальное прочтение не имеет смысла, можно искать иное истолкование.

Для выяснения «собственного» (буквального) смысла Писания, по Флацию, экзегет должен с самого начала понять интенцию (намерение) автора, исторический «повод для написания», общую структуру книги, а также ее отдельных частей. При выяснении авторского намерения необходимо также определить и жанр исследуемого текста.

Серьезную роль в истории ортодоксальной протестантской герменевтики сыграл Иоганн Герхард (1582–1637). Основные положения своего герменевтического учения он сформулировал в полемике с богословием католической церкви, развиваемым кардиналом Роберто Беллармином. Согласно Герхарду, высшим и наиболее аутентичным толкователем Священного Писания является Сам Святой Дух — единственный и действительный его автор, что следует из характерного представления о боговдохновенности Библии: пророки и апостолы были своеобразными «секретарями» Святого Духа. Само Священное Писание характеризуется ясностью, ибо «темным местам» в нем «противостоят» ясные, на которых основано однозначное «правило веры»: все необходимое для спасения уже сказано в Писании и «темные места» ничего не говорят более того. «Буквальный смысл» понимается как то, что намеревался

«сказать» Святой Дух. Герхард допускает возможность рассматривать некоторые тексты аллегорически, типологически или аналогически, но считает это уже не толкованием, а применением буквального смысла, которое допускается только в проповеди.

Развитие критической методологии

В эпоху Просвещения (XVIII в.) происходит становление историко-критического метода толкования Библии. Его основы были сформулированы женеvским филологом и богословом Турретини в «Трактате о методах толкования Священного Писания» (1728). Турретини заявил, что нет иных методов для толкования Писания, кроме тех, что применяются для интерпретации любых других книг. Турретини рекомендует современному библейскому исследователю проводить прежде всего лексический анализ текстов. Признавая историческую природу библейского вероучения, экзегет должен избегать привносить в древний текст богословские понятия своего времени.

Сформулированный Турретини базовый принцип библейской герменевтики получил дальнейшее развитие в работах швейцарского богослова — автора критического издания греческого текста Нового Завета Веттштейна (1693–1754) и немецкого филолога и богослова — автора двухтомного историко-грамматического введения в методiku толкования Писания Эрнести (1707–1781). Главной и единственной целью исследователя, по мнению этих авторов, является выявление буквального смысла текста в его исторической и литературной ситуациях.

В XIX веке продолжаютcя поиски синтеза между научно-историческим взглядом на Библию и традиционным библейским богословием. Важное значение для библейской науки имело развитие Фридрихом Шлейермахером представление о герменевтике как искусстве понимания. Исходя из факта универсальности феномена понимания, он подчеркивал, что правила толкования текста прежде всего должны

строиться на основании всеобщих законов языка и мышления. Искусство понимания заключается в проникновении, с одной стороны, в «дух языка», а с другой — в «своеобразии писателя», поэтому предметом интерпретации должна стать жизнь (библейского) автора и его адресатов, принципы, побудившие их вступить в диалог.

Дальнейшее развитие историко-критического метода в богословии XIX века связано с именем основателя новой тюрингенской школы Ф.К. Баура (1792–1860). Согласно Бауру, цель библейского исследования заключается не в том, чтобы, исходя из догматических предпосылок, защищать историчность тех или иных событий, явлений или, напротив, ниспровергать основания веры исторической критикой. Необходимо прежде всего тщательно изучить имеющиеся исторические источники, а затем в открывшейся картине исторических событий попытаться увидеть действие Божественного промысла и показать его в конкретных исторических фактах.

Своеобразной реакцией на либерализм историко-критического метода явилась герменевтика Иоганна Христиана фон Гофмана (1810–1877). Библейская герменевтика, по Гофману, может развиваться только при наличии обязательной предпосылки — христианской веры. Гофман был убежден, что Писание дано именно церкви, поэтому важнейшим принципом его герменевтики было почти забытое научной экзегезой XIX века понимание единства церкви, Писания и веры. Вторым не менее важным принципом его герменевтики был принцип единства Ветхого и Нового заветов, основанный на представлении о пророчестве и его исполнении. Это подчеркивало важность типологического толкования Ветхого Завета как этапа истории спасения, центральной фигурой которой является Иисус Христос. Подлинная экзегеза Писания, считает Гофман, должна строиться не на научном сомнении и критике, но на определяемом христианской верой доверии к Священному Писанию и стремлении сохранить его свидетельство. Способ толкования Писания должен, по Гофману,

отвечать характеру библейского текста, поэтому библейская герменевтика не может строиться на всеобщих законах языка и мышления, но должна основываться на личной уверенности толкователя в истинности христианской веры и соответствующем прочтении Писания.

Еще более радикальной была реакция на либерализм консервативного протестантского сообщества, главным образом в США, в конце XIX столетия. Формируется протестантский фундаментализм, в рамках которого отстаивается принцип непогрешимости Священного Писания. Согласно этому принципу, в Библии безошибочно каждое слово. Когда писались канонические книги Библии, Бог удивительным образом предохранял их авторов от ошибок. Некоторые незначительные ошибки возникали при копировании, но эти ошибки не оказали существенного воздействия на религиозные доктрины.

Все фрагменты Библии в равной степени достоверны и являются надежным руководством в духовной жизни. Библейские книги, являясь Словом Божиим, так же значимы в наши дни, как и в момент написания. Каждый фрагмент Библии должен интерпретироваться буквально — там, где это возможно. Все описания чудес следует также понимать буквально. Нарушение законов природы есть результат Божественного вмешательства. Предпочтение должно отдаваться «традиционным» переводам Библии. Представители этого движения отвергают любые попытки критики и модернистского толкования Библии.

Современная герменевтика (XIX — XX вв.)

Именно рационализм эпохи Просвещения заложил основы для либерализма в теологии. Если в предшествующие столетия откровение определяло, как должен мыслить разум, то к концу XIX века разум стал определять, что в откровении (если таковое вообще существует) следует считать достоверным. Если раньше подчеркивалось Божественное авторство Писания, в этот период внимание акцентируется

на человеческом авторстве. Если раньше утверждался боговдохновенный характер Библии, теперь многие исследователи стали уравнивать Библию с любым другим античным источником, лишенным сверхъестественного характера вдохновения.

Рационалисты заявили, что все, противоречащее здравому смыслу в Библии, следует отвергнуть. Это касалось человеческой греховности, непорочного зачатия, искупительного характера жертвы Христа, Его чудесного воскресения. Чудеса и другие примеры Божественного вмешательства расценивались как примеры некритичного мышления. Реакция на подобный либерализм проявилась в XX столетии в движении протестантской неоортодоксии.

Неоортодоксия

Неоортодоксия — направление в протестантской теологии, возникшее в Германии и Швейцарии в двадцатые годы XX века. Являясь реакцией на социальный оптимизм и модернизм либеральной теологии, неоортодоксия вносит свою лепту в развитие протестантской герменевтики. В каком-то смысле это промежуточная позиция между либеральным и ортодоксальным взглядами на Священное Писание. Неоортодоксы отвергают либеральный взгляд, согласно которому Писание — продукт исключительно человеческих религиозных поисков, но не доходят до ортодоксального взгляда на Священное Писание как Божье Слово.

Карл Барт и другие представители неоортодоксального взгляда считают, что Писание — это человеческое свидетельство Божьего откровения о Самом Себе. Они полагают, что Бог открывает Себя не в словах, а в Своем присутствии. Если человек читает слова Писания и отвечает на Божье присутствие верой, он получает откровение. Таким образом, откровение рассматривается не как случившееся в определенное время в прошлом и переданное нам через библейский текст, а как современный опыт, который заключается в личном отклике человека.

Понимание многих вопросов в неортодоксии значительно отличается от традиционных ортодоксальных взглядов. Так, неортодоксы не признают непогрешимость или безошибочность Священного Писания. Библия рассматривается как свод иногда противоречащих друг другу теологических систем, в которых содержится ряд фактических ошибок. Библейские повествования о сверхъестественных явлениях рассматриваются как мифы, которые не следует воспринимать как реально происшедшие события.

По мнению неортодоксов, библейские «мифы» (такие как Творение в шесть дней, грехопадение, воскресение Христа) имеют цель представить богословские истины в виде исторических событий. В неортодоксальном толковании грехопадение, например, сообщает нам о том, что человек неизбежно извращает свою нравственную природу. Воплощение и Крест показывают нам, что человек не может сам спастись и что спасение должно явиться свыше как акт Божьей милости. Главная задача толкователя — очистить библейский текст от его мифической оболочки, чтобы обнаружить содержащуюся в нем экзистенциальную истину.

Методологию демифологизации библейского текста развивает немецкий лютеранский богослов Рудольф Бультман. Он соглашается с рационалистической критикой Библии в том, что многие ее события описаны как мифы, а значит, они неактуальны для современного человека, поскольку мифологическая картина мира давно ушла в прошлое. Вместе с тем Библия содержит истину, которая шире мифологии. Задача толкователя заключается в том, чтобы найти «ядро» истины под скорлупой «мифа».

Итак, в современной протестантской герменевтике сегодня существуют две основные парадигмы: либеральная и консервативная. Либеральная сформировалась под влиянием идей Просвещения и позитивизма. Представители либерального направления в герменевтике отвергают концепцию непогрешимости Библии. Они рассматривают Библию как продукт деятельности разных авторов, придерживав-

шихся различных богословских взглядов. В Библии отражена длительная, происходившая на протяжении около тысячи лет эволюция религиозных взглядов. Либералы считают, что Библия содержит много материала, заимствованного у соседних языческих культур, а также отражающего доавраамические верования.

Консервативная протестантская герменевтика сформировалась в конце XIX века как реакция на распространение либеральных взглядов. Протестанты-консерваторы заявляют, что Библия имеет Божественное происхождение. Библия — это Слово Самого Бога. Автор — Бог в сотрудничестве с человеком. Писатели Библии были вдохновлены Богом, и потому Библия является уникальным текстом, к которому неприменимы обычные герменевтические приемы.

Существует определенная напряженность между этими двумя направлениями в герменевтике. Представители этих течений относятся друг к другу с взаимным недоверием. С точки зрения консерваторов, либеральный подход ведет к потере всяких нравственных ориентиров и фактически подрыву основ христианской веры. С точки зрения либералов, консервативный подход к интерпретации Библии не рассматривается как научный.

Становление адвентистской герменевтики во второй половине XIX — первой половине XX столетия происходило в условиях столкновения этих двух парадигм. Среди предпосылок, определивших герменевтические подходы адвентистской церкви, следует назвать позицию Уильяма Миллера — идейного вдохновителя большого религиозного движения, в основу которого была положена идея Второго пришествия Христа в рассчитанные им в соответствии с библейскими пророчествами сроки.

Уильям Миллер

Уильям Миллер (1782–1849) разработал простой свод правил истолкования Библии, которые он изложил во вступлении к своим *Свидетельствам из Писания и исто-*

рии о *Втором пришествии Христа*. В кратком виде их можно представить следующим образом:

1. Все Писание может быть понято человеком, имеющим веру, посредством прилежного изучения.
2. Писание должно толковаться посредством самого Писания.
3. Чтобы понять ту или иную доктрину, необходимо свети воедино все места Писания, имеющие к ней отношение.
4. Бог открывает будущее в видениях, образах и притчах; их необходимо исследовать вместе, поскольку одно пророчество дополняет другое. Каждое отдельное слово должно пониматься буквально, если это имеет смысл; в противном случае необходимо выявлять его переносный смысл с помощью других отрывков.
5. Историческое событие — это исполнение пророчества лишь в том случае, когда оно совпадает с пророчеством во всех деталях.

Нетрудно заметить, что все эти герменевтические принципы Миллера опирались на историко-грамматический метод истолкования Библии, предложенный реформаторами. Эти принципы были взяты на вооружение и первыми адвентистами. В 1884 году Эллен Уайт писала: «Участвующие в проповеди вести третьего ангела исследуют Писание с помощью простого плана, предложенного отцом Миллером» (*Review and Herald*, 25 Nov. 1884). Прочитав пять правил Миллера, она добавляет: «При изучении Библии мы хорошо сделаем, если будем внимать этим принципам». В своих трудах Эллен Уайт постоянно поддерживала принципы истолкования Писания, которые были разработаны в рамках историко-грамматического (историко-библейского) метода.

Вместе с тем Эллен Уайт крайне негативно относилась к историко-критическому методу, который в ее время был известен как «высший критицизм»: «Высший критицизм, — пишет она, — со своим критическим анализом, догадками,

реконструкциями подрывает веру в Библию как в Божественное откровение. Он лишает Слово Божье власти облагораживать и вдохновлять человека, руководить всей его жизнью» (*Деяния апостолов*, с. 474).

На сегодняшний день большинство адвентистских исследователей придерживаются историко-грамматического (историко-библейского) метода. В 1986 году на Годичном совещании Церкви АСД были приняты предложения Комитета библейских исследований, в которых отвергается использование историко-критического метода. Согласно этим предложениям, «даже модифицированное использование этого метода, сохраняющее принцип критицизма, который ставит Библию ниже человеческого разума, неприемлемо для адвентистов» (*Advent Review*, 22 Jan. 1987). Полный текст данного документа приводится в *Приложении 1*.

ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

*Франк Хазел, доктор теологии,
помощник директора Института библейских
исследований ГК, специалист в области
систематического богословия и библейской
герменевтики*

Введение

Само понятие исходной предпосылки играет важную роль в библейском толковании. У всех нас есть определенные верования, которыми мы располагаем, приступая к толкованию Писания. Никто не может толковать библейский текст с чистым разумом.

Предпосылки обозначают границы, в пределах которых библейское толкование может и должно функционировать должным образом. Они также определяют и метод интерпретации, а через метод в значительной степени влияют и на ее результат. Другими словами, предпосылки затрагивают непосредственно нашу теологию и тот авторитет, который имеет Священное Писание в нашей жизни и вероучении. В свою очередь, наша теология влияет на духовную и богословскую идентичность и, наконец, на миссию Церкви адвентистов седьмого дня.

Принятие библейских, христианских предпосылок приведет к совершенно иным выводам, чем, например, приверженность натуралистическим и даже атеистическим предпосылкам. Поскольку метод интерпретации неотделим от его предпосылок, они, в свою очередь, неизбежно влияют на результат интерпретации. Если метод интерпретации исключает сверхъесте-

ственное Божественное вмешательство, Писание уже не будет читаться и пониматься как истина и как достоверный отчет о событиях, но будет толковаться иначе. Таким образом, в какой-то мере результат интерпретации может быть сокрыт уже в рамках методологии. Использование правильного метода очень важно. Все остальное будет идти своим чередом.

В этой главе, не претендуя на исчерпывающее изложение вопроса, мы рассмотрим основные предпосылки адвентистской библейской герменевтики и опишем некоторые общие герменевтические принципы, проистекающие из них.

1. Трудность герменевтики

Толкователи Библии не могут отказаться от своего прошлого, своего опыта, определенных идей, предвзятых мнений и понятий. Общеизвестно, что при интерпретации невозможно достичь абсолютного нейтралитета или абсолютной объективности. Экзегеза и богословские размышления всегда происходят на фоне фундаментальных предпосылок касательно природы мира и природы Бога. В данном случае неизбежно влияние уже сложившегося понимания, к которому будет склоняться интерпретатор. Даже те исследователи, которые занимаются точными науками, признают влияние на интерпретацию каких-то факторов или ценностей.

Герменевтическая спираль

Мы также признаем, что при определении соответствующего подхода к исследуемому тексту необходимо учитывать какое-либо влияние. Богословие, основой которого является Бог, требует методологии, основанной на Боге. Любое сложившееся представление, как, например, об эволюции, которое ставит под сомнение или отрицает аспект сверхъестественного, ясно подтвержденный в Писании, чуждо Библии. Оно мешает составить четкое представление о сути Слова Божьего. И потому наши исходные неверные предпосылки должны меняться под влиянием Священного Писания и оста-

ваться под его контролем. При интерпретации Библии приоритетом всегда должен оставаться сам библейский текст.

Когда мы имеем дело с Библией, мы должны позволить ей определять наши предпосылки и методологию, а не физике, математике или биологии. Библейский толкователь должен осознавать, что понимание Библии возрастает благодаря перестройке ума и сердца при чтении Священного Писания. Последовательное воздействие Божьего Слова, посредством которого интерпретатор приводит свое сложившееся понимание в еще большую гармонию с библейской истиной, можно сравнить с герменевтической спиралью. Необходимо позволить Библии научить нас своим наиважнейшим принципам. Это позволяет библейскому толкователю больше думать с библейским текстом, а не просто о библейском тексте. Таким образом, «Сам Бог посредством Библии и Святого Духа созидает в интерпретаторе необходимые предпосылки для понимания Священного Писания»⁽¹⁾. Библия последовательно демонстрирует, что люди не настолько поглощены своим устоявшимся пониманием, что его невозможно изменить. Например, в Фессалониках Павел «говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых» (Деян. 17:2, 3). В результате «некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало» (ст. 4).

2. Библейские предпосылки

Бог, Который говорит и действует

Нигде в Священном Писании библейские авторы не пытаются доказать существование Бога. Данный факт просто утверждается в самом начале (Быт. 1:1). В Новом Завете та же самая картина: приходящий к Богу должен «веровать, что Он есть» (Евр. 11:6). Наш источник информации о Боге — это Его откровение о Самом Себе (Евр. 1:1–3), достоверно записанное в Писании (Рим. 16:26). Хотя познать Бога всецело и исчерпывающе невозможно, Библия дает человеку

достаточно истинного знания, позволяющего ему вступать с Ним в отношения, основанные на любви. Самоочевидность Писания имеет здесь решающее значение.

Когда мы говорим о живом Боге, то имеем в виду, что Творец есть Личность, что Он говорит о Себе в очень личной манере, особенно проявленной в воплощении Христа. Как живой Бог — Он личностный Бог, Который говорит и действует. Одно из Его коммуникативных действий можно увидеть в Его откровении. То, что Бог открыл нам, мы должны знать (Ам. 3:7; Втор. 29:29). Божественное откровение является источником Писания (см. 2 Петр. 1:19–21). При формировании Священного Писания (Рим. 1:2) Бог использовал человеческие ресурсы. Господь не умаляет и не подавляет человеческую индивидуальность. Более того, Святой Дух поддерживал и ободрял библейских авторов, направляя их разум и мысли к тому, что говорить, помогал им в том, о чем следует писать. Потому-то они так преданно доверяли истинному слову, которое было открыто им Богом. Адвентисты седьмого дня утверждают, что «все Писание является неделимым, неразрывным союзом Божественного и человеческого»⁽²⁾.

Человек сотворен для отношений с Богом

Адам и Ева, созданные по образу Божьему, имели возможность отвечать Творцу и вступать с Ним в тесные отношения. Бог, сотворивший людей со способностью говорить и думать, представлен в Писании как Тот, Кто для общения с людьми использует человеческий язык (см. Быт. 1:28, 3:9; Исх. 4:11, 12, 15, 16; 1 Цар. 3:21). Люди описываются как сотворенные со способностью правильно понимать Бога. Следовательно, человек подотчетен Богу — своему Творцу.

Разрушительная сила греха

Вмешательство греха радикально изменило, разорвало и разрушило изначально чистые и святые отношения человека с Богом. Хотя грех и исказил образ Бога в человеке, он не разрушил его полностью. В противном случае человек

совершенно утратил бы способности рассуждать и творчески мыслить, а подлинные примеры любви и жертвенности во благо других были бы для него чем-то непостижимым⁽³⁾.

Хотя происхождение греха остается загадкой, которая пока не может быть полностью раскрыта, совершенно ясно, что такие грехи, как гордость, неудовлетворенность своим статусом и желание быть подобным Богу, привели Люцифера и падших ангелов к восстанию против Бога (см. Ис. 14:12–14; Иез. 28:11–19). Грех — это желание пересечь границы творения в попытке стать подобным Богу, это разрыв основополагающих отношений с Творцом и желание жить независимой, эгоцентричной, самодостаточной жизнью без Бога. Разделение с Богом оказало влияние на нашу человеческую природу и извратило все аспекты нашей жизни, включая наши умственные возможности и способность к пониманию.

Влияние греха на интерпретацию Священного Писания

В герменевтических дискуссиях редко можно встретить описание последствий греха, оказавших влияние на библейскую интерпретацию⁽⁴⁾. Однако есть несколько внутренних предрасположенностей, рассматриваемых в Писании, которые являются препятствиями для достижения более глубокого и правильного понимания библейской истины. Дело не только в том, что человеческие мыслительные процессы используются для греховных целей; наш разум и мысли искажены грехом и тем самым закрыты для Божьей истины.

Гордость. Возможно, главной характеристикой этой искаженности является гордость. Согласно Библии, гордость представляет собой корень и саму сущность греха. Почему фарисеи во времена Иисуса Христа не могли признать Его Мессией? Иисус называет их духовно слепыми, потому что их гордое восклицание «неужели и мы слепы?» было препятствием для признания самооткровения Бога в Иисусе (Ин. 9:39–41; 12:43). Во 2 Тим. 3:2, 3 гордость встречается в списке, описывающем характеристики безбожных людей в по-

следние дни. Гордость приводит к ложным учениям и греховным поступкам (2 Тим. 4:3, 4; ср. 1 Тим. 6:3, 4).

Гордость — это такое отношение к Богу и Его Слову, в котором человек предстает высокомерным, возвышающим себя над Богом и Его Словом и, таким образом, теряет душевный мир, который можно обрести, только заняв истинную позицию по отношению к Богу и Его Слову.

Бог «гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр. 5:5). Гордость заставляет интерпретатора Священного Писания переоценивать человеческий разум или экзистенциальные проблемы, считая их главным арбитром того, что необходимо знать, чему верить и подчиняться, приуменьшая таким образом Божественную власть и богодухновенность Писания⁽⁵⁾. Недаром Эллен Уайт пишет: «Самый практически безнадежный и неизлечимый грех — это гордость и самонадеянность. Он стоит на пути духовного роста человека» (*Свидетельства для Церкви*, т. 7, с. 199, 200).

Самообман. С гордостью тесно связана проблема самообмана. Грех оказал влияние на все аспекты человеческого существования, включая наше мышление и желание. Будучи грешниками, мы склонны прислушиваться только к тем идеям, которые нам кажутся привлекательными, но которые могут не соответствовать Божьей воле. Самообман — реальная опасность, потому что «лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено» (Иер. 17:9). Бог предупреждал об опасности самообмана, приводящего к неправильному пониманию тех обстоятельств, в которых мы можем находиться (Откр. 3:17).

Самообман влияет и на правильное понимание Слова Божьего (2 Тим. 4:3, 4, ср. 3:13). Апостол Павел учит Тимофея и всех верующих не становиться жертвой этого самообмана. Они должны проповедовать Слово Божье и жить согласно открытой в нем воле Бога о человеке (2 Тим. 4:2, 5). Записанное Слово Божье является «светильником ноге моей и светом стезе моей» (Пс. 118:105). Дух Святой работает в на-

ших сердцах посредством Слова Божьего, которое очищает нас от самообмана и освещает тьму нашего непонимания.

Сомнение. Сомнение — это мучительное переживание. Усомниться означает «колебаться во мнении», «сомневаться в истинности чего-либо» и «подвергать сомнению достоверность какой-либо идеи»; тот, кто сомневается, «склонен не верить утвержденной истине»⁽⁶⁾. Сомнение как часть критической методологии умалает уверенность в Божьем Слове и вере. Подход, характеризующийся сомнением, «никогда не может сам по себе привести к спасительному и освящающему знанию Божьей истины. Подобно тому, как вера является условием знания (2 Кор. 4:13), сомнение или скептицизм является условием к незнанию истины»⁽⁷⁾.

Неопределенность только усиливается, когда сомневающийся человек сталкивается с вербальным или письменным свидетельством истины (см. Ин. 5:46, 47), «ведь от человека требуется обратиться от своего собственного убеждения, кажущегося ему абсолютным и окончательным, к истинному свидетельству»⁽⁸⁾. Подчеркивается, что источник данной проблемы «лежит не в свидетельстве, представленном разуму, но в скептическом настрое отдельного разума перед лицом всех свидетельств. Оценка текста, начавшаяся с сомнений, никогда не приведет к определенности»⁽⁹⁾. Исследователь, сомневающийся в высказываниях Священного Писания, судит Божье Слово и тем самым возвышает себя до такой степени, что якобы становится «уверенным» в том, что приемлемо, а что нет. Однако для того чтобы понимать Божье Слово, Бог призывает не к «критике» и «сомнению», но к вере. Писание увещевает нас быть милостивыми к сомневающимся (Иуд. 22), а Иисус отвергает самодовольные сомнения (см. Мф. 16:1–4).

Разделение и искажение. Природа и последствия человеческого греха описаны в Ис. 59:2 как «разделение» между человечеством и Богом, которое скрывает от нас Его лицо. Именно таким был печальный опыт Адама и Евы в Эдемском саду. В то время как Бог по-прежнему ищет общения с человеком,

разделение, которое породил грех, приводит к искажению нашего знания о Боге. Критическое отношение к Священному Писанию, искажающее и практически стирающее присутствие ему единство, со временем только усиливается. Вот что пишет об этом Эллен Уайт:

«Те же, кто *думает разъяснять предполагаемые трудности в Писании своей человеческой меркой, определяя, что богодухновенно, а что нет*, пусть лучше закроют свои лица... Когда люди в своем *неразумии* считают для себя позволительным рассматривать Писания на предмет их богодухновенности, они тем самым пытаются встать впереди Иисуса, чтобы указать Ему путь лучший, чем тот, по которому Он повел нас... Собратья, *пусть же ни разум ваш, ни рука не поднимаются на Библию*. Сатана жаждет увлечь любого из вас на путь ее критики, но не в этом для вас воля Божья.

Бог Сам позаботится о Своей Книге, о Своем живом Слове, как Он делал это на протяжении многих веков. Люди *начинают подвергать сомнению некоторые части* откровения Божьего, выискивать изъяны и *кажущиеся* противоречия в тех или иных его утверждениях. Начиная с книги Бытие, они отвергают то, что считают сомнительным, и не останавливаются на этом, поскольку сам сатана ведет их все дальше по гибельному пути критицизма, *и, наконец, подвергают сомнению Писание в целом. Их способности к критике обостряются по мере приобретения опыта*, и в результате они уже не могут быть уверены ни в чем» (Э. Уайт. *Избранные вести*, т. 1, с. 17, 18, *курсив мой*. — Ф. Х.).

Вместо того чтобы усматривать единство в Писании, падший человеческий разум разбивает Библию и ее весть на части, а применение к задаче интерпретации неверных и враждебных предпосылок ведет фактически к абсолютной потере авторитета Библии. В таком случае полномочия переходят к исследователю, который избирает, к какому голосу из множества он будет прислушиваться.

Более того, греховный человеческий разум может исказить весть Писания через его переосмысление посредством

«тонких аргументов» (Кол. 2:4; см. 2 Тим. 4:3, 4; 2 Петр. 3:16), которые, тем не менее, обманчивы. Например, «утверждение о том, что человек не может знать абсолютную истину, может привести к тому, что истина Писания будет интерпретироваться как личная, а не как фактическая информация, соответствующая действительности»⁽¹⁰⁾. Искажение Писания может иметь место и тогда, когда насущные вопросы интерпретатора не соответствуют вопросам, поднимаемым в тексте, или когда интерпретатор задает вопросы, на которые текст не может ответить, либо дает такие ответы, которые тот не готов принять. Писание говорит, что грех ослепляет человека до такой степени, что тот уже не желает видеть истину Божью (Рим. 1; 1 Кор. 1, 2). Это означает, что грех удерживает интерпретатора от признания обоснованных истин.

Неповиновение. Неповиновение, нежелание следовать за открытой волей Божьей, также негативно сказывается на нашей способности понимать Писание. Оно идет рука об руку с гордостью и является грехом. Преднамеренный грех является препятствием на пути познания Божьей истины (Пс. 66:18). Отказываясь признать, что нам постоянно необходимо черпать новое из Слова Божьего, мы сопротивляемся духовным истинам и становимся нечувствительными к ним. Постоянное противодействие и отвержение открытой нам истины Божьей приводит к тому, что упрямый человек становится неспособным слышать и правильно понимать Слово Божье.

Необходимые позиции и предпосылки к интерпретации Священного Писания

Именно потому, что на страницах Писания мы встречаемся с Богом для определенной цели, подход к изучению Писания на любых условиях, отличных от тех, что указаны в Божьем Слове, может вести к ошибочной позиции и неверному отношению к Богу. Чтобы прийти к верному пониманию Слова, нам необходимо подготовить разум и сердце.

Мы не можем достичь этого только посредством самих экзегетических методов.

Открытость и честность. Одной из основополагающих позиций, необходимой для адекватного понимания библейской вести, является открытый образ мысли, обусловленный желанием учиться, а также сознание, восприимчивое к рассматриваемой вести и ее содержанию. Эллен Уайт пишет: «Исследуя Слово Божье, отложите в сторону предвзятые мнения, доставшиеся вам по наследству или в результате воспитания. Вы никогда не познаете истину, если будете исследовать Писание для того, чтобы подтвердить свои собственные идеи. Оставьте их в стороне и в смирении сердца прислушайтесь к тому, что Господь хочет сказать вам... Если при чтении вам открывается новое понимание, которое расходится с вашим собственным мнением, тогда не старайтесь во что бы то ни стало приспособить к нему Слово Божье. Напротив, стремитесь согласовать его со Словом Божиим» (Э. Уайт. *Вести для молодежи*, с. 260).

Без такой честности и открытости человек не может помнить что-то в своих исходных предпосылках и подкорректировать свои подходы к тексту. Честность лежит в основе тех мотивов, с которыми интерпретатор подходит к библейскому тексту, а также включает в себя открытость для использования надлежащих методов интерпретации.

Идеальной отправной точкой является открытый, а не пустой разум. Никто не подходит к Писанию с пустой головой. Интерпретатор Писания должен подходить к библейскому тексту с готовностью открыть свои фундаментальные убеждения для преобразующей силы Святого Духа, Который работает с написанным Словом и через него. Необходимо сознательно позволить Библии формировать или трансформировать уже сложившееся понимание. Бог испытывает сердце и «любит чистосердечие» (1 Пар. 29:17; Притч. 2:7).

В Писании говорится, что любой, жаждущий исполнить волю Божью, должен узнать о том или ином учении, от Бога ли оно (Ин. 7:17). Эта честность открывает возмож-

ность преодоления субъективности человека, позволяя Богу говорить с интерпретатором в тексте Писания и через него.

Готовность учиться из Слова Божьего позволяет исследователю Библии влиться в процесс понимания, который можно сравнить с герменевтической спиралью. Сначала он ведет к признанию библейских идей, затем к их принятию, а затем к более полному и адекватному восприятию цели Библии, что, в свою очередь, приводит к новому исследованию и более глубокому пониманию. Таким образом, библейский интерпретатор, который готов приписать Писанию фундаментальное первенство истинности библейской вести, способен постоянно возрастать в своем понимании⁽¹¹⁾.

Вера. Без веры угодить Богу невозможно (Евр. 11:6). Уже апостол Павел говорил о том, что истинное понимание Священного Писания возможно только посредством работы Святого Духа (1 Кор. 14:14), Который «просветил очи сердца вашего, дабы вы познали» (Еф. 1:18). Именно вера открывает читателю духовные истины Слова Божьего. Хотя Писание можно читать так же, как и любую другую книгу, правильно понять ее смысл без веры невозможно, ибо центральную Личность Библии — Бога может понять только верующий. Знание и понимание в библейском смысле включают в себя гораздо больше, чем просто интеллектуальное обогащение. Эти понятия охватывают реляционное и коммуникативное измерение, которые требуют участия всего человека в процессе познания. Вера является началом знания.

Человек, пытающийся читать Библию так же, как и любую другую книгу, не отдает должного ее богочеловеческой природе. Толкование Писания не достигает своей цели при изучении лишь только человеческого измерения. Целью чтения Священного Писания должно быть и его толкование, где Бог, автор Писания, будет услышан и Его Слово будет принято и исполнено. Это возможно только благодаря вере. Без веры развитие человеческого знания невозможно.

Сам Иисус полностью доверял Священному Писанию (Ин. 10:35). Он признал ветхозаветный канон (Лк. 24:44),

подтвердил Писание как авторитетный источник для нашей жизни (Мф. 4:4). Иисус не сомневался в Писании, напротив, в борьбе с сатаной Он доверял Писанию как надежному Божьему слову (Мф. 4:6, 7). После Своего воскресения Иисус, направляясь по дороге в Эммаус, упрекнул учеников за то, что они «несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки!» (Лк. 24:25). Отсутствие веры приводит к недостаточному пониманию Писания.

Смирение. Одной из самых важных предпосылок для познания истины является смирение. Оно выражает скромность и готовность подчинить свои убеждения высшему авторитету. Через смирение достигается высшее и глубокое знание Бога. Именно осознание того, что человек в получении истинного знания зависит от Господа, и сам человек не является окончательной мерой всего. Напротив, толкователь открыт к тому, чтобы Дух Святой вел и учил его. Ибо «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр. 5:5). Смирение выражает понимание того, что Бог и Его Слово превышают наш человеческий разум и превосходят человеческое понимание. Всегда есть искушение выйти за рамки Слова Божьего. Подчинение человеческого разума высшему авторитету Божьего Слова выражено в следующих словах:

«Бог желает, чтобы человек развивал свои умственные способности... Но нам никак нельзя боготворить разум, так как он слаб и несовершенен... Приступая к чтению Библии, мы должны признать, что над нами есть высший Авторитет: наша душа и ум должны склониться перед великим „Я Есмь“» (Э. Уайт. *Путь ко Христу*, с. 109, 110).

Тот, кто хочет понять Библию и посредством нее Бога, должен сам позволить Писанию стать высшим авторитетом над своим собственным опытом и суждениями.

Послушание. Послушание — это путь к более глубокому пониманию. Оно отражает библейский принцип, согласно которому, откликаясь на свет истины, мы обретаем еще

больше света (см. Пс. 118:100; Деян. 5:32; 1 Ин. 2:3). При интерпретации Писания «недостаточно владеть восьми-этапной экзегетической техникой; это в равной степени еще и вопрос духовности. Библейские интерпретаторы должны быть учениками, жаждущими и стремящимися жить „согласно Писанию“»⁽¹²⁾. Истинная цель нашей герменевтической задачи — это посвященная жизнь. Библейское понимание никогда не является абстрактным и теоретическим. Оно заключается в понимании воли и дел живого Бога, Который неизменно стремится менять нас по Своему подобию. Таким образом, библейское понимание в конечном счете включает в себя осмысление Божьего права на нашу жизнь и самой цели нашей жизни в свете того, что Он открыл нам. Это означает знать и исполнять Божью волю; такое понимание есть дар Божий (Еф. 3:16–19; Флп. 3:15, 16).

Любовь. Высшим требованием для понимания библейской вести является любовь к ней. Неоспоримый факт: для того, чтобы по-настоящему знать и ценить что-либо, необходимо это полюбить. Любовь, вера и послушание откроют перед читателем сокровищницу Слова Божьего. Нельзя искренне любить Бога и отстраненно критиковать Его откровение.

Молитва. И последнее, но не менее важное: молитва подводит интерпретатора к изучению Библии совершенно с другой стороны. Когда Даниил молился, ему было дано разумение и понимание (Дан. 2:18, 19; 6:10). В Пс. 118:18 мы читаем: «Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего». Молясь, мы признаем необходимость присутствия Святого Духа Божьего, для того чтобы Он помог нам понять Слово, Вдохновителем которого Он является.

3. Герменевтические принципы

Мы не можем надеяться на правильное понимание Слова Божьего, если будем рассматривать Библию просто как обычную книгу. Более того, принципы исследования Библии должны соответствовать принципам, регулирующим наши отношения с Богом⁽¹³⁾. Это значит, что изучение Писания

должно включать в себя как академические знания, так и посвященные разум и сердце, находящиеся в поиске истинного значения библейского текста.

***Sola scriptura* — только Писание**

С самого начала адвентисты считали себя людьми Книги, буквально верующими в Библию, в полном соответствии с традициями протестантских реформаторов XVI века⁽¹⁴⁾. Адвентисты седьмого дня признают, что первичной основой для интерпретации Писания служит само Писание (1 Кор. 4:6). Следовательно, они подтверждают принцип, обозначенный в реформационном призыве как *sola scriptura* — только Писание. Этот призыв признает уникальный авторитет Писания.

Только Писание является руководящим принципом или нормой (*norma normans*). Другие авторитеты, такие как религиозный опыт, человеческий разум и Предание, подчиняются Писанию, представляя собой вторичную норму (*norma normata*). Фактически принцип *sola scriptura* был предложен в связи с тем, чтобы защитить Писание от подчинения другим источникам авторитета, таким как, например, церковь, и предотвратить возможность того, что принцип его интерпретации будет поступать извне.

Писание толкует Писание. Одной из герменевтических характеристик принципа *sola scriptura* является самоинтерпретация. Определяющим принципом интерпретации Писания не может служить Предание, человеческий разум, религиозный опыт, культура или решение исследователей и лидеров. Только само Писание — ключ, открывающий Писание.

Понимание принципа *sola scriptura* в этом смысле не исключает возможности культурных влияний или реальности религиозного опыта. Данный принцип не умаляет знаний, полученных из других научных областей, таких как библейская археология, антропология, социология или история, которые могут осветить некоторые библейские аспекты и предысторию Священного Писания, способствуя лучшему

пониманию значения библейского текста. Он также не исключает возможности использовать другие ресурсы в процессе интерпретации, такие как библейские словари, энциклопедии, симфонии и другие книги и комментарии. Однако для правильной интерпретации Библии текст Писания должен оставаться в приоритете над всеми другими подходами, научными методами и вспомогательными средствами. Другие возможные точки зрения должны тщательно оцениваться с перспективы Писания в целом.

Принцип, что Писание истолковывает Писание, не отрицает ценности общины верующих или человеческого разума. Когда Лютер утверждал принцип *sola scriptura*, он не имел в виду, что Предание церкви не имеет ценности. Спорил он скорее о ее относительной ясности и авторитете. Иными словами, если при толковании того или иного вероучительного положения возникает конфликт, Писание должно служить авторитетным первоисточником, превосходящим и оценивающим любые традиции церкви.

На пути в Эммаус Иисус утвердил принцип, согласно которому Писание должно интерпретировать само себя. «И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Лк. 24:27). Позже той ночью Иисус снова указал на Писание, когда разъяснял ученикам: «Надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах» (Лк. 24:44). Для Иисуса Писание было авторитетным источником, посредством которого и мы также можем отличать истину от заблуждения.

Достаточность Писания. Говоря о том, что Писание истолковывает само себя, мы подразумеваем его достаточность. Писание как безошибочное руководство к Божественной истине является достаточным по своей сути. Оно достаточно, чтобы умудрить человека верою для спасения (2 Тим. 3:15). Писание — единственный стандарт, на основе которого должны проверяться любые вероучения и религиозный опыт (Ис. 8:20; Ин. 17:17; Евр. 4:12). Чтобы познать Бога и Его волю, нам не нужен никакой другой источник,

кроме Писания. Истинный авторитет Писания как источника толкования самого себя основан на его характеристике как вдохновенного Слова Божьего. Однако Божественный авторитет Писания признается таковым только тогда, когда Святой Дух освещает разум.

Единство Писания

Другим основополагающим принципом библейского толкования по принципу *sola scriptura* является аналогия веры, аналогия (или гармония) Писания⁽¹⁵⁾. Само Писание утверждает, что «все Писание богодухновенно» (2 Тим. 3:16), что «никогда пророчество не было произнесимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр. 1:21). Зная то, что автором и вдохновителем Писания был Бог и Дух Святой, мы осознаем, что все Писание едино и гармонично.

Только будучи единым, Священное Писание может выполнять функцию интерпретации самого себя. Только в этом случае возможно прийти к единству доктрин и учений. Если бы в Писании не было всеобъемлющего единства, поиск истинности того или иного учения был бы тщетен. Без единства Писания церковь лишилась бы возможности отличать истину от заблуждения и отвергать ересь. У нее не было бы инструментов, чтобы применять дисциплинарные меры или корректировать отклонения от Божьей истины. Писание потеряло бы свою убедительную и освободительную силу.

Новозаветные авторы, однако, свидетельствуют о значимости Писания и принимают его единство. Это становится очевидным, когда авторы Нового Завета цитируют разные ветхозаветные источники как имеющие равную значимость и гармоничность⁽¹⁶⁾, что указывает на то, что авторы Библии делают разные акценты на одном и том же событии или теме, тем самым способствуя богатому и многогранному выражению Божественной истины, в которой все учения Библии будут переплетаться друг с другом. Бог никогда не противоречит Своему Слову.

Tota scriptura — все Писание. Единство Писания включает в себя понятие *tota scriptura* (все Писание). Чтобы узнать, что говорит Писание по тому или иному вопросу, мы должны рассмотреть *все*, что в нем изложено. Чтобы получить целостное понимание того, что Бог желает сказать, недостаточно выделить одно библейское утверждение и пренебречь другими, относящимися к тому же вопросу. Это значит, что «Ветхий и Новый заветы взаимно дополняют и освещают друг друга... Один Завет нельзя заменить другим, хотя более позднее откровение проверяется более ранним»⁽¹⁷⁾. Лучшим примером доверия Писанию являются христиане из Верии, которые «были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так» (как проповедовал Павел) (Деян. 17:11). Подобным образом Иисус указал, как Ветхий Завет проливает свет на Новый Завет. «Они [Писания] свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39). Из таких отрывков, как 1 Тим. 5:18, где Павел сопоставляет утверждение Иисуса с цитатой из Ветхого Завета, или 2 Петр. 3:15, 16, где Петр признает послания Павла как Писания, становится совершенно очевидным, что уже в новозаветные времена апостольские писания принимались как часть Священного Писания наравне с Ветхим Заветом⁽¹⁸⁾.

Контекст библейского отрывка. Использование Писания как интерпретатора самого себя не означает механическое соединение различных отрывков из Писания в качестве «доказательной базы» без учета контекста каждого из них. Скорее, «поскольку Писание принадлежит одному Автору, важно рассматривать все, что написано на определенную тему, чтобы иметь возможность увидеть все ее грани»⁽¹⁹⁾, принимая во внимание литературный, а также исторический контекст каждого отрывка. Добросовестный интерпретатор будет принимать во внимание контекст как до, так и после исследуемого отрывка; контекст самой библейской книги, которой принадлежит отрывок, а также более широкий контекст всей Библии. При сравнении книг Библии между собой

необходимо проводить их тщательное исследование, если это возможно, на языках оригинала или, по крайней мере, пользоваться переводом Библии, в котором значение текста на иврите и греческом было бы максимально сохранено.

Ясность Писания

Если значение текста Писания неясно, то обращения только лишь к Писанию явно недостаточно. Да, библейская весть по большому счету ясна для того, чтобы ее понимали как взрослые, так и дети. Тем не менее даже самому ученому человеку Писание предоставляет широкие возможности роста в области знаний и глубины понимания Бога и Его воли. Тема ясности Писания признавалась многими христианами, особенно в протестантской традиции. Библия неоднократно напоминает нам о своей простоте и ясности. Писание могут понять не только богословы, ученые или священники, но любой верующий. Библейское свидетельство побуждает людей изучать Библию, потому что они способны понять Божью весть, обращенную к ним (см. Втор. 6:6, 7; Пс. 19:7; 118:130; Ис. 34:16; Лк. 1:3, 4; Деян. 17:11; Рим. 10:17; Откр. 1:3).

Пример библейских авторов показывает, что Писание должно пониматься просто и буквально, если только не используется очевидный образ или если отрывок не несет символического значения⁽²⁰⁾. Ясность Писания предполагает священство всех верующих, а не ограниченное право толкования Писания, доверенное только избранным, церкви или «сообществу» образованных исследователей. Это означает, что приоритет следует отдавать изучению самого Писания, а не вторичным источникам и комментариям на Священное Писание.

Ясность Писания и переводы Библии. Ясность Писания относится к языку, смыслу и словам Писания. Одним из герменевтических следствий этого можно считать ценность владения языком оригинала Священного Писания (иврит, арамейский и греческий языки), когда это возможно для более полного понимания оригинальных библейских слов.

Хотя изучать Библию можно, сравнивая ее тексты между собой, но в процессе перевода многие библейские идиомы или обороты речи могут быть легко утеряны⁽²¹⁾.

Для того чтобы определить, каким образом слово или понятие используется в Писании и какие значения связаны с этим словом или понятием, необходимо тщательно сравнивать тексты Писания друг с другом. Лучше всего делать это на языках оригинала. Если необходимо использовать перевод, то предпочтение следует отдавать более формальному переводу, нежели адаптированному или парафразу⁽²²⁾. Это не означает, что все переводы Библии должны быть абсолютно буквальными, для каких-то ситуаций могут пригодиться и адаптированные переводы или парафразы. Тем не менее предпочтение должно отдаваться более буквальным переводам, несущим в себе меньше толкования текста. Это позволяет читателю толковать Писание самостоятельно и меньше зависеть от переводчика.

Ясность Священного Писания и трудные тексты Библии. Хотя в Писании и присутствуют тайны веры, которые можно понять в достаточной мере, чтобы принять верой, это не означает, что все Писание может быть для нас понятным и исчерпывающим. Кроме того, говоря о ясности Писания, мы должны помнить, что могут встречаться отрывки или тексты, трудные для понимания (2 Петр. 3:16). Зачастую у нас недостаточно знаний для того, чтобы получить четкое представление о некоторых текстах Писания. Иногда трудность правильного понимания Писания — это, возможно, не столько вопрос его «таинственности», сколько деградации нашего искаженного грехом разума.

Наделенный Божьим светом исследователь Писания будет тщательно сравнивать один отрывок с другим, переходя от ясных и недвусмысленных понятий к более трудным для понимания. Важный герменевтический принцип, вытекающий из ясности Писания, заключается в том, что трудные тексты не должны служить отправной точкой интерпрета-

ции. Начинать нужно с более широкого контекста четких библейских утверждений об истине.

К счастью, Писание просвещает наш разум и понимание (Пс. 118:105). Хотя даже неверующие люди могут интеллектуально понимать буквальный и исторический смысл Писания (*sensus literae*), необходимо просвещающее присутствие Святого Духа, чтобы прочитанная весть воспринималась как истина. Даже глубоко верующий исследователь нуждается в постоянной помощи и просвещении Святым Духом. Таким образом, истинное значение вести Писания может быть понято только умами, просвещенными Святым Духом. Только когда библейская весть принимается как истина и выражается в послушании Богу, обретается истинное и полное понимание Слова.

4. Христологический принцип библейской интерпретации

Именно Мартин Лютер, подтверждая авторитет Писания и проповедуя принцип *sola scriptura*, предложил другой герменевтический принцип, который можно назвать «христологическим принципом»⁽²³⁾. Этот принцип смог стать причиной малозаметного, но довольно значимого сдвига в понимании авторитета и герменевтики Библии. Позиция Лютера касательно авторитета Писания была тесно связана с его пониманием Евангелия. По-видимому, для Лютера центром Писания и его конечной вестью был Христос и Евангелие оправдания по вере. На память приходит известное предисловие Лютера к Посланию Иакова, в котором он утверждает, что все, не указывающее на Христа или ведущее от Христа, не является апостольским, даже если этому будет учить Петр или Павел. С другой стороны, все, что говорит о Христе, является апостольским, даже если оно исходит от Иуды, Анны, Пилата или Ирода. Поэтому для Лютера *содержание* Писания заключается во Христе, и, исходя из этого факта, он неоднократно доказывал авторитетность Библии.

Все Писание вращается вокруг Христа как его подлинного средоточия и основания. Для Лютера подобная «христологическая концентрация» являлась решающим элементом толкования и использования Писания⁽²⁴⁾. Таким образом, Лютер фактически утверждал не «первенство Писания в строгом смысле этого слова, а первенство Евангелия, о котором, в свою очередь, свидетельствует само Писание. Следовательно, во свете свидетельства о Евангелии первенство отдается Писанию»⁽²⁵⁾. Лютер высоко ценил Библию, «потому что это колыбель, в которой покоится Христос. Именно поэтому Евангелие оправдания по благодати через веру служило Лютеру в качестве основного ключа к пониманию Писания»⁽²⁶⁾.

Согласно Лютеру, Писание должно пониматься в пользу Христа, а не против Него. Это означает, что, если отрывок из Писания противоречит христоцентричной интерпретации, его толкование становится «критикой Писания, центром которой является Евангелие»⁽²⁷⁾. Христос и Писание могут быть противопоставлены друг другу, так как Лютер классифицировал в порядке убывания авторитета личное Слово (Христос), устное Слово (Евангелие) и записанное Слово (Писание). Это различие и классификация приводят к канону внутри канона, в котором Христос играет роль герменевтического ключа к правильному пониманию Писания. Конечно, это компрометирует авторитет принципа, в котором Писание является единственным источником для собственного толкования. Ибо «если Писание интерпретируется доктриной или традицией, то уже не Писание интерпретирует себя, а мы интерпретируем Писание посредством учения или традиции, по отношению к которым Писание на практике ставится в подчиненное положение»⁽²⁸⁾. Таким образом, неудивительно, что христологический метод Лютера «превратился в инструмент теологического критицизма», которым интерпретатор судит Писание и ставит себя выше него⁽²⁹⁾.

Эллен Уайт не имела в виду разделение Христа с Писанием, когда писала: «Жертва Христа, принесенная ради искупления наших грехов, является великой истиной, вокруг ко-

торой находят свое место все остальные истины. Для того чтобы правильно понять и по достоинству оценить каждую истину Библии — от Бытия до Откровения ее нужно изучить в свете, который струится с Голгофского креста» (*Евангелизм*, с. 190). Она не предлагала наличие богословского центра, функционирующего как инструмент для богословской критики, канон внутри канона. Напротив, «каждую истину Библии — от Бытия до Откровения, нужно изучить в свете, который струится с Голгофского креста» (*Евангелизм*, с. 190, *курсив мой.* — Ф. Х.).

Таким образом, Эллен Уайт смогла подтвердить главную роль некоторых библейских тем, не очерняя при этом другие части Писания как несущественные. Никто не имеет права судить Писание, выбирая те отрывки, которые считает важнее других⁽³⁰⁾. Следует помнить, что все Писание богодухновенно и полезно, чтобы подготовить нас ко всякому доброму делу (2 Тим. 3:16).

5. Взаимоотношения между Христом и Писанием

Какие же взаимоотношения между Христом и Писанием мы должны усматривать? Живой Бог решил открыть Себя посредством Слова. Бог также счел нужным передать устное слово библейским авторам, чтобы те записали его, тем самым создав Библию — записанное Слово Божье.

Кажется, что необходимо верить Писанию, прежде чем поверить Христу — Автору Писания. Воплощенное Слово (Иисус Христос) не может быть отделено от записанного Слова (Священного Писания). На самом деле между Христом и Писанием существует очень тесная и близкая связь⁽³¹⁾. Несомненно, Христос является центральной фигурой Писания. Христос Сам показал ученикам, что Писание указывает на Него (Лк. 24:25–27). Писание свидетельствует о Христе (Ин. 5:39). Однако мы должны быть внимательны и видеть различие между центральной темой или фигурой в Писании и утверждением некоего теологического центра, по сравнению с которым другие части Писания могут обрести второ-

степенный или вовсе низший статус. Богословский центр, выполняющий функцию герменевтического ключа, ведет только к канону внутри канона, который не отдает должного полноте, богатству и широте Божественной истины во всем Писании.

Мы должны позволить Писанию в его целостности (*tota scriptura*), во всех его многогранных голосах и жанрах, показать нам богатство и глубину Божьей мудрости. Только такое симфоническое чтение Библии под руководством Святого Духа сможет отдать должное многогранному феномену Писания.

Бог посылает Святого Духа, чтобы Он вел нас к живому Слову (Иисусу Христу) через записанное Слово (Священное Писание). Писание играет центральную роль в нашей вере и посвященности Богу, потому что другого явного свидетельства об Иисусе Христе нет. У нас нет другого Христа, кроме Того, Которого показали нам библейские авторы. Библия — это книга, в которой Бог повествует нам о Себе. «Поклонение живому Богу подразумевает подчинение ума и сердца записанному Слову. Каждый верующий отдельно и церковь в целом подчиняют себя власти Писания, потому что находятся под властью Христа, управляющего нами через Писание. Это не библиомания, а истинное христианство в его самой аутентичной форме»⁽³²⁾.

Дух Христа, пребывающий на христианах, никогда не позволит им сомневаться, критиковать, выходить за пределы или оспаривать учение Библии. Вместо этого Святой Дух будет учить нас ценить Божественный авторитет Священного Писания. *Sola scriptura* без Христа — ничто, но Кем является Христос без Писания, чей Он Сын? Без Писания мы не узнали бы об Иисусе как о Мессии, Он не мог бы быть нашим Спасителем. Таким образом, наша преданность Библии является частью нашей верности Христу. Необходима не наша человеческая критика Писания, даже во имя Христа, а критический взгляд на самих себя, на церковь и на все другие сферы жизни во свете Писания. Благодаря этому мы позволяем Писанию

быть контролирующим принципом и неоспоримым авторитетом для богословия, веры и практики.

***Sola scriptura* или *Prima scriptura*?**

Утверждать, что Писание является единственным конечным источником собственной интерпретации — больше, чем отстаивать первенство Писания. Эта мысль подтверждается даже Римско-католической церковью⁽³³⁾. Однако в римско-католической догме только церковь с ее Преданием претендует на право толковать Писание достоверно и авторитетно⁽³⁴⁾. Таким образом, несмотря на то, что Писание является основным источником богословия, оно ограничивается герменевтическими представлениями церкви и ее традицией. Именно против подобного подхода и боролись протестантские реформаторы, утверждая принцип *sola scriptura*.

Отдать предпочтение первенству Писания, а не тому, что Писание является единственным авторитетным источником веры и практики, означает расстаться с протестантским принципом, говорящим о том, что только Писание является правящим принципом богословия и единственным источником собственной интерпретации. Поэтому протестантизм не просто утверждал превосходство Писания над другими источниками или даже его приоритет. Он утверждал, что только Писание является единственным источником собственной интерпретации. В противном случае Писание не будет являться конечным авторитетом в богословии и не может быть тем источником, с помощью которого возникают и достигают своих результатов богословские размышления

Ссылки

- (1) Gerhard F. Hasel, *Understanding the Living Word of God* (Mountain View, CA: Pacific Press, 1980), pp. 77, 78.
- (2) Ричард М. Дэвидсон. Статья «Истолкование Библии» в *Настольной книге по теологии*, Библейский комментарий АСД, т. 12, с. 56 (Заокский, 2010). О библейском учении об откровении и инспирации см. также статью Пейтера ван Беммелена «Божественное откровение и вдохновение», там же, с. 30.

- (3) Джон М. Фаулер. Статья «Грех» в *Настольной книге по теологии*, Библейский комментарий АСД, т. 12, с. 178 (Заокский, 2010).
- (4) Примечательным исключением является дискуссия в труде William J. Larkin, Jr., *Culture and Biblical Hermeneutics: Interpreting and Applying the Authoritative Word in a Relativistic Age* (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 1988), pp. 293–304. Я также выражаю благодарность Йенсу Швенгеру за то, что он опубликовал свои исследования по этому вопросу и представил дискуссии, которые указали мне на некоторые из этих важных аспектов в библейской герменевтике. Тем не менее я беру на себя ответственность за содержание и выводы, сделанные в данном исследовании.
- (5) О роли человеческого разума в теологии см. Frank M. Hasel, "Theology and the Role of Reason," *Journal of the Adventist Theological Society* 4, no. 2 (1993): 172–198.
- (6) Peter A. Angeles, "Doubt," in *Dictionary of Philosophy* (New York: Bames and Noble, 1981), pp. 65, 66.
- (7) Larkin, p. 295.
- (8) Ibid.
- (9) Ibid, p. 296.
- (10) Ibid, p. 298.
- (11) Helge Stadelmann, *Grundlinien eines bibeltreuen Schriftverständnisses*, (Wuppertal: R. Brockhaus Verlag, 1985), p. 94.
- (12) Kevin Vanhoozer, "The Voice and the Actor: A Dramatic Proposal about the Ministry and Minstrelsy of Theology," in *Evangelical Futures: A Conversation on Theological Method*, ed. John G. Stockhouse, Jr. (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 2000), p. 85.
- (13) David Cupples, *The Devotional Life of a Theological Student* (Leicester, England: Religious and Theological Studies Fellowship, 1987), p. 10.
- (14) В 1847 году, за несколько лет до того, как Церковь адвентистов седьмого дня была официально организована в 1863 году, Джеймс Уайт счел необходимым публично заявить о своей приверженности историческому протестантскому принципу религиозной власти. Он писал: «Библия — это совершенное и полное откровение. Это наше единственное мерило веры и действий» (James White, *A Word to the Little Flock*, 1847, p. 13). Аналогичным образом Эллен Уайт заявила, что «в наше время... существует потребность вернуться к великому протестантскому принципу. Библия, и только Библия является мерилем веры и долга» (*Великая борьба*, [1888], с. 204, 205, курсив Ф. Х.).
- (15) Davidson, p. 64.
- (16) Дэвидсон указал, что, «например, в послании к Рим. 3:10–18 мы встречаем цитаты из книг Екклесиаста (7:20), Псалтири (14:2, 3, 5:10, 10:7) и Исаии (59:7, 8). Писание рассматривается как неотделимое целое» (Дэвидсон, с. 64).
- (17) Ibid.
- (18) Peter M. van Bemmelen, p. 37.
- (19) Davidson, p. 65.
- (20) Там же. Это также относится и к притчам. Это истории, иллюстрирующие духовные истины. И хотя детали, касающиеся людей, событий, времени и мест в притчах, могут быть не историческими, духовные истины, которые они передают, являются буквальными и реальными.

- (21) Основной работой по данному вопросу является E. W. Bullinger, *Figures of Speech Used in the Bible* (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 1995, [originally 1898]; также Walter Buhlmann and Karl Scherer, *Sprachliche Stiltfiguren der Bibel: Von Assonanz bis Zahlenspruch* (Giessen: Brunnen Verlag, 1994).
- (22) Ср. Gerhard F. Hasel, pp. 100–105 о различиях данных переводов.
- (23) Именно смелость Лютера подчеркивать Писание как единственный авторитетный источник, по которому следует сверять каждую доктрину, кажется, более всего впечатлила Эллен Уайт в великом протестантском реформаторе. Однако Эллен Уайт одобрила далеко не все, что проповедовал Мартин Лютер (ср. *Великая борьба*, гл. 7 и 8, с. 120–170, с. 139, 148, 149).
- (24) Ср. Frank M. Hasel, *Scripture in the Theologies of W. Pannenberg and D. G. Bloesch: An Investigation and Assessment of Its Origin, Nature, and Use* (Frankfurt: Peter Lang, 1996), pp. 44–46.
- (25) Stanley J. Grenz, *Renewing the Center: Evangelical Theology in a Post-Theological Era* (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 2000), pp. 57, 58.
- (26) *Ibid.*, p. 58.
- (27) Paul Althaus, *The Theology of Martin Luther* trans. Robert C. Schultz (Philadelphia: Fortress Press, 1966), p. 81.
- (28) Brian Gaybba, *The Tradition: An Ecumenical Breakthrough?* (Rome: Herder, 1971), p. 221.
- (29) Werner Georg Kimmell, *The New Testament: The History of the Investigation of Its Problems*, trans. S. McLean Gilmour and Howard C. Kee (Nashville: Abingdon. 1972), p. 24.
- (30) «Не позволяйте никому из людей в вашем присутствии расчленять Слово Божье и говорить, что является откровением и написано под вдохновением, а что таковым не является... Мы не хотим, чтобы кто-то говорил: „Это я отвергаю, а это принимаю“, но мы хотим безоговорочно верить в полную Библию целиком в том виде, в каком она дошла до нас» (Комментарий Эллен Уайт в Библейском комментарии АСД, т. 7, с. 919, курсив Ф. Х., ср. *Наглядные уроки Христа*, с. 39; *Избранные вестн.* т. 1, с. 17, 43, 245; *Свидетельства для Церкви*, т. 5, с. 700, 701; т. 8, с. 319).
- (31) Исследование по пониманию и использованию Писания — John Wenham, *Christ and the Bible* (Grand Rapids, MI: Baker Books, 1994).
- (32) James I. Packer, *Truth and Power: The Place of Scripture in the Christian life* (Wheaton, IL: Harold Shaw Publishers, 1996), p. 40. Термин «библиомания» подразумевает, что Библия превращается в кумира. Как протестанты мы не поклоняемся бумаге, чернилам и кожаному чехлу Библии. Мы любим саму весть данной книги. Слова книги хранятся в наших сердцах, потому что мы верим, что Бог хотел передать Свою весть через эти слова и что через них наши греховные сердца приближаются к Господу Иисусу Христу.
- (33) См. *Catechism of the Catholic Church* (Libreria Editrice Vaticana, 1994), pp. 26–38.
- (34) «Задача представить подлинную интерпретацию Слова Божьего, будь то в ее письменной форме или в форме Предания, была возложена на признанный авторитет церкви. Ее авторитет в этом вопросе осуществляется во имя Иисуса Христа [DV10 § 2]. Это означает, что задача тол-

кования была возложена на епископов в общении с преемником Петра, епископом Рима» (*Catechism of the Catholic Church*, р. 27). «Таким образом, совершенно ясно, что в исключительно мудром распоряжении Бога Священное Предание, Священное Писание и незыблемый авторитет церкви настолько связаны и переплетены, что ни одно из них не может обходиться без другого» [DV10 § 3] (там же, с. 29).

АВТОРИТЕТ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

*Петер М. ван Беммелен, доктор теологии, профессор
Университета Анджуса, США*

Авторитет Библии как Слова Божьего в последние десятилетия был главным вопросом как в христианстве, так и в Церкви адвентистов седьмого дня. Должна ли Библия быть высшим мерилom во всех вопросах веры и образа жизни или нужно позволить научным и социокультурным факторам влиять на определяемые нами значения библейских текстов? Как и в других христианских конфессиях, придерживающихся традиционного взгляда на Библию как боговдохновенное Слово, историческая библейская позиция критикуется рядом лиц и в адвентистской церкви. Она либо напрямую отвергается, либо изменяется почти до неузнаваемости. В этой главе исследуются природа и свидетельства в защиту авторитета Бога, Священного Писания и их влияние на библейскую герменевтику.

1. Авторитет Иисуса Христа и авторитет Священного Писания

Более трех тысяч лет назад евреи получали Священное Писание от Моисея и пророков. В дополнение к этому христиане получили Евангелия и другие книги Нового Завета как заслуживающие такого же священного отношения. Священное Писание — это записанное Слово Божье. Апостол Павел в своих посланиях к обращенным иудеям и язычникам в Риме задается вопросом: «Итак, какое преимущество *быть* Иудеем, или какая польза от обрезания?» Его ответ:

«Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие» (Рим. 3:1, 2). Священное Писание — это наставление Божье. В этом был убежден апостол Павел, в это верили миллионы иудеев и христиан на протяжении веков и спустя много лет по-прежнему верят.

Священное Писание как авторитет

Выражения «Писание», «Священное Писание» встречаются в Новом Завете более пятидесяти раз. Еврейские Писания, которые христиане называют Ветхим Заветом, были четко определенным сводом книг, состоящим из трех основных разделов: Закон, Пророки и Псалмы (Лк. 24:44). Внимательное изучение того, как Иисус использовал термины «Писания», «Писание», «написано» и другие схожие выражения, ясно показывает, что Он придавал иудейским Писаниям высший и непререкаемый авторитет⁽¹⁾.

Для Христа Писания были Словом Божьим, которое нельзя нарушить (Ин. 10:35). Он отверг искушения дьявола решительным «написано» (Мф. 4:4, 7, 10). Спаситель часто обращался к Священному Писанию как к содержащему пророчества о Его мессианском служении (Лк. 4:17–21; Ин. 5:39–47), и после Своего воскресения Он объяснял Своим ученикам все, что произошло с Ним, основываясь на всем Писании (Лк. 24:27). Несмотря на упорное отрицание этого некоторыми современными исследователями, не может быть серьезных сомнений в том, что свидетельства, представленные в четырех Евангелиях, оправдывают вывод Джона Венхэма, что «для Христа Ветхий Завет был истинным, авторитетным, богодухновенным. Для Него Бог Ветхого Завета был живым Богом, и ветхозаветное учение было учением живого Бога. Для Него все, что сказано в Писании, сказано Богом»⁽²⁾.

Иисус как власть имеющий

В Евангелиях говорится, что Иисус Христос свидетельствовал о Своей Божественной власти. Он говорил: «Ибо

как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе, и дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий» (Ин. 5:26, 27); «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18).

Слово «власть» — это перевод греческого слова *exousia*, обладающего довольно широким спектром значений, таких как свобода выбора; право действовать или решать; способность делать что-либо; авторитет; власть, данная руководителям их положением; абсолютная власть. В процитированных ранее текстах Иисус прямо говорит о Своей абсолютной власти как вечного Сына Божьего, ставшего в Своем воплощении еще и Сыном Человеческим, Сыном Давидовым, Мессией. В свете этих претензий важно отметить, что Иисус по-прежнему направлял умы всех (как последователей, так и врагов) к Священному Писанию как к Слову Божьему. В нем Его мессианская роль должна была подтвердиться, вопросы доктрины и жизни — разрешиться, и по этому Писанию будут судимы все (Ин. 5:39–46; Лк. 16:29–31; Мф. 22:29–32; Лк. 24:44–47). Он пришел не для того, чтобы отменить Священное Писание, но для того, чтобы исполнить его, тем самым подтвердив его авторитет (Мф. 5:17–19).

Кто-то может возразить: если считать, что авторитет Писания происходит из авторитета Христа, опираясь при этом на свидетельства, происходящие из Писания, то в рассуждениях получается порочный круг. Самоочевидный факт заключается в том, что Божественную власть может подтвердить только свидетельство Самого Бога, Его собственное Слово. Как Бог, давая обетование Аврааму, клялся Самим Собой, «как не мог никем высшим клясться» (Евр. 6:13), так же Господь подтверждает авторитет Своего Слова Своим собственным свидетельством, потому что нет высшего источника, чем Он Сам. Дух Святой, Сам Бог подвиг пророков и апостолов к написанию Священного Писания, чтобы свидетельствовать о Христе (2 Петр. 1:19–21; 1 Петр. 1:10–12; Ин. 16:13–15). И Иисус был Тем, о Ком свидетель-

ствует данное Духом Святым Писание, Кто запечатлевает боговдохновенное Писание Своей Божественной властью.

Природа власти Бога и Библии

Поскольку Священное Писание дошло до нас как наставление Божье, оно наделено Божественной властью. Но что это значит? В этом мире власть обычно основана на положении, функциях, богатстве, силе, образовании, красоте, определенных способностях или других качествах, которые выделяют человека или группу. Религиозные традиции и обряды часто наделены значительным авторитетом, схожим с отношением к традициям старейшин или отцов среди иудеев во времена Иисуса и апостолов (Мф. 15:2; Гал. 1:14). Однако все формы человеческой власти вторичны, и в этом мире они временны. В отличие от них власть Божья первична и вечна, потому что Он Сам первичен (Исх. 3:14) и вечен (Пс. 89:3). Поскольку Он — Творец, Божья власть выше всех Его творений, и власть всего сотворенного подчиняется власти Творца.

Власть Божья вечна и верховна, но в то же время по характеру она сильно отличается от того, что понимается под властью в человеческой практике. Иисус объяснил эту разницу Своим ученикам, когда они спорили, кто должен считаться старшим. Он сказал: «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий» (Лк. 22:25, 26). Затем, говоря о Себе, Кого они признавали Господом, Он сказал: «А Я посреди вас как служащий» (ст. 27). Божественная власть коренится в любви и проявляется в служении и самоотречении.

Божественная власть в первую очередь базируется не на превосходящей силе или безупречном знании, хотя оба этих качества являются Божественными. Здесь усматривается резкий контраст между Божественным управлением, основанным на любви, и человеческим управлением, основанным на принципах силы и самовозвышения.

Когда Пилат спросил Иисуса, является ли Тот Царем Иудейским, Он ответил: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18:36). Когда Пилат спросил вновь: «Итак, ты Царь?», Иисус ясно дал понять, что Его власть — Его Царство — определялась истиной. Он ответил: «Ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18:37).

Как власть Иисуса основана в первую очередь на Божественной любви и определяется истиной, так же и Писания наделены той же властью. Давно признано, что существует глубокая параллель между Иисусом — Словом Божьим во плоти и Писанием — Словом Божьим, выраженным человеческим языком. Слова пророков и апостолов — не просто человеческие слова, но Слова Божьи в человеческой форме. Апостол Павел благодарил Бога, что верующие христиане в Фессалониках приняли от них слышанное слово Божье «Не как слово человеческое, но как слово Божие, — каково оно есть по истине» (1 Фес. 2:13). В самом деле Дух Христов говорит с нами словами пророков и апостолов (1 Петр. 1:10–12). Эллен Уайт подчеркивает эту параллель между Христом и Библией, когда пишет: «Союз Божественного и человеческого, явленный Христом, представлен также и в Библии. Все открытые истины „богодухновенны“, но выражены человеческими словами и приспособлены к человеческим нуждам. Вот почему о Книге Божьей можно сказать то же, что и о Христе: „И Слово стало плотью и обитало с нами“ (Ин. 1:14). И этот факт не только не является аргументом против Библии, но, напротив, укрепляет нашу веру в Слово Божье» (*Свидетельства для Церкви*, т. 5, с. 747).

Эту параллель часто выражали, используя образ одежды слуги как по отношению ко Христу, так и к Библии. Бернارد Рамм отмечает: «Как Божественный Спаситель, так

и Божественное Писание облечены в *одежды слуги*, хотя оба содержат в себе Божественную славу»⁽³⁾. Хотя у этой параллели есть ограничения, можно применить к Писанию то, что было сказано об Иисусе: «Никогда человек не говорил, как Этот Человек» (Ин. 7:46), а также: «Ибо Он учил их, как власть имеющий» (Мф. 7:29). Хотя Христос «уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп. 2:7), Он все же говорил с Божественным авторитетом. Точно так же и Священное Писание, хотя оно было дано в слабости и несовершенстве человеческого языка⁽⁴⁾, тем не менее «всякое Слово Божье чисто» (Притч. 30:5), это «истина» (Ин. 17:17), оно «живо и действенно» (Евр. 4:12), «не может нарушиться» (Ин. 10:35) и «пребудет вечно» (Ис. 40:8).

2. Библейские свидетельства, подтверждающие верховную власть Писания как Слова Божьего

Писание пришло к нам как Слово Божье. Оно обращается к нам с Божественной властью, авторитетом единого истинного Бога. Слова *Шемы*: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть» (Втор. 6:4) выражают уникальность Яхве, Бога Израилева. Все Священное Писание, как Ветхий, так и Новый заветы, признают только одного Бога. Его власть превышает всякой другой власти. Хотя Его власть основана на любви, она не терпит соперников. Он — Создатель неба и земли, и ни одно другое существо не может претендовать на такое же исключительное право (Ис. 40:25–28; 45:18). Он также единственный, Кто может спасти (Ис. 43:10–12).

Точно так же и слова Бога в Писании, хотя и доходят до нас «в одеждах слуги», они, тем не менее, наделены высшей властью. Через Моисея Бог ясно дал понять Своему народу, что ничто не должно быть добавлено к слову и к заповедям, которые Он дал через своего слугу, и что ничего не должно быть взято из них (Втор 4:2; 12:32). Указа-

ние ничего не добавлять к Слову Божьему или не удалять из него повторяли и другие боговдохновенные писатели. Мы читаем: «Не прибавляй к словам Его, чтобы Он не обличил тебя и ты не оказался лжецом» (Притч. 30:6). Еще более сильное предупреждение содержится в Откровении 22:18, 19. Некоторые утверждают, что эти предупреждения касаются только определенных частей Писания; однако очевидно: в Писании утверждается, что никакие пророческие откровения, традиции или писания не должны восприниматься как несущие Божественную власть, кроме тех, которые пришли к нам через определенных от Бога пророков и апостолов.

Моисей предостерегал от лжепророков; их слова, даже если они произносились во имя Господа, необходимо отвергнуть как дерзкие (Втор. 13:1–5; 18:20–22). С другой стороны, отвержение слов истинных пророков Господа приравнивалось к отказу от власти Бога, что в конечном итоге имело фатальные последствия (Втор. 18:15–19). В значительной степени история Израиля показывает, что принятие или отвержение Слова Божьего через Его избранных посланников определяло судьбу отдельных людей и целых народов (2 Пар. 36:15, 16; Неем 9:26–31). Только откровение, данное через Моисея, и слова истинных посланников Божьих необходимо воспринимать как Слово Господне. Исаия кратко изложил принцип исключительной власти Божьего Слова: «*Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света*» (Ис. 8:20).

Мы видели, как в Новом Завете принцип уникальной власти Священного Писания получает подтверждение в служении и в учении Иисуса. Он решительно предостерегал от лжепророков и ложных мессий, которые захотят приписать Божественную власть своим посланиям, в то же время отворачиваясь от Слова Божьего (Мф. 7:15–23; 24:5, 11, 24). Он также осуждал предание, наслаиваемое на Священное Писание и сводящее на нет верховную власть Священного Писания (Мф. 15:1–9; Мк. 7:1–13). Апостолы

писали подобные же предостережения против ложных учителей, ложных пророков, ложных апостолов и их учения (Деян. 20:29, 30; 2 Тим. 4:3, 4; 2 Петр. 2:1; 1 Ин. 4:1). Любое возвышение человеческих правил или церковного предания над учением Священного Писания подрывает верховный авторитет Слова Божьего.

3. Протестантские реформаторы и авторитет Библии

Верховный авторитет Священного Писания, поддержанный Господом и Его апостолами, в последующие века подвергся нападкам. Появились многочисленные еретики, переиначивавшие Слово Божье и создававшие ложные учения. Единственной реакцией в борьбе с этими диссидентами стал неоправданный упор на церковную власть, позволивший Преданию постепенно затмить авторитет Писания. Хотя отцы церкви ранних веков часто подтверждали авторитет Священного Писания, он, тем не менее, со временем уменьшался из-за растущего влияния церковных соборов и еще более из-за претензий на власть со стороны епископов, особенно в Риме. Авторитет Писания также был ослаблен аллегорическими интерпретациями, схоластической философией и добавлением апокрифов к ветхозаветному канону.

Хотя предшественники протестантских реформаторов, такие как Джон Уиклиф (1329–1384), уже обращались к Писанию как к единственному стандарту веры и учения, именно Мартин Лютер (1483–1546) — августинский монах и профессор библейского богословия в университете Виттенберга ясно провозгласил единственную и верховную власть Библии. Прибивая свои знаменитые 95 тезисов против индульгенций на двери замковой церкви в Виттенберге, он еще не осознал конфликта между авторитетом церкви и авторитетом Писания, который был заложен в его учении. Два года спустя в споре с Иоганном Экком (1486–1542) Лю-

тер был вынужден обратиться к Священному Писанию как к высшему авторитету, стоящему над властью церковных соборов и папских декретов⁽⁵⁾. Когда в июне 1520 года сорок одно учение Лютера было осуждено в папской булле, а его самого обвинили в том, что он отверг всех святых учителей церкви, он написал обширное обоснование в защиту своей позиции. В частности, он заявлял: «*Священное Писание есть истинный господь и повелитель всех писаний и доктрин на земле (курсив автора)*». Если это не так, то для чего нужно Писание? Чем больше мы отрицаем это, тем больше удовлетворяемся человеческими книгами и людскими учителями»⁽⁶⁾.

Эту приверженность «только Писанию» (*sola scriptura*) Лютер сохранил до конца своей жизни. Представ перед императором Карлом V в Вормсском рейхстаге, Лютер сказал: «Совесть моя Словом Божиим связана»⁽⁷⁾. Для Лютера авторитет Писания основывался на уверенности, что одно лишь оно провозглашало истинную благую весть о Христе и было словами Духа Святого. Вновь и вновь он обращался к Священному Писанию как к единственному авторитету в вопросах веры и учения⁽⁸⁾. Этот принцип воплотился в главном лютеранском Символе веры — «*Формуле согласия*»: «Веруем, учим и исповедуем, что единственным и абсолютным правилом и стандартом, согласно которому должны оцениваться все догматы и все учителя, являются только пророческие и апостольские писания Ветхого и Нового заветов, как сказано в псалме 118:105: „Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей“»⁽⁹⁾.

Лютер и многие другие протестантские реформаторы прекрасно понимали, что вопрос единоличного авторитета Писания связан и с такими вопросами, как толкование Писания; ясность или понятность Писания; достаточность или совершенство Писания. Римско-католическая церковь утверждала, что для правильного толкования Писания человек нуждается в церкви, поскольку многое в священных книгах неясно. Поэтому верующий должен придерживаться

ся толкования, данного католической церковью. Реформаторы же, напротив, заявляли о ясности или понятности Писания.

В августе 1522 года Ульрих Цвингли (1484–1531) — швейцарский реформатор произнес в Цюрихе проповедь, опубликованную в следующем месяце под названием «Ясность и определенность Слова Божьего»⁽¹⁰⁾. В своей проповеди Цвингли иллюстрировал определенность и ясность Писания многими примерами из Ветхого и Нового заветов. Ответив на ряд возражений, в заключение проповеди он заявил: «Ибо Слово Божье несомненно и никогда не может потерпеть неудачу. Оно ясно и никогда не оставит нас в темноте. Оно учит своей истине. Оно поднимает и озаряет душу человека полным спасением и благодатью»⁽¹¹⁾.

И Лютер, и Цвингли считали, что Писание может использовать свою власть и свою преобразующую силу только благодаря работе и просвещению Духа Святого. Джон Кальвин (1509–1564) особо подчеркивал свою убежденность в том, что авторитет Писания был установлен в сердце верующих не по решению церкви, а через внутреннее свидетельство Духа Святого. Утверждение о том, что «Писание имеет только такой вес, какой был признан за ним с согласия церкви», он считал «наиболее пагубной ошибкой». Он указывал, что христианская церковь была «основана на писаниях пророков и проповеди апостолов», поэтому Священное Писание «однозначно должно было предшествовать церкви»⁽¹²⁾. «Итак, мы решили этот вопрос, — писал Кальвин. — Лишь тот, кто научен Святым Духом, с подлинной верою принимает Святое Писание... Оно достоверно само по себе», и, следовательно, «только через свидетельство Святого Духа оно обретает ту несомненность, которой действительно заслуживает»⁽¹³⁾. Кальвин представил множество доказательств, чтобы установить Божественное происхождение и авторитет Писания, такие как величие его содержания; его правдивость; исполнение его пророческих предсказаний; его чудесное сохранение; его простоту; по-

стоянное, на протяжении веков, свидетельство церкви о его Божественности. Вместе с тем он предостерегал, что «никакие доводы не достаточны сами по себе для того, чтобы утвердить истинность Писания. Только Отец Небесный, являя в нем свет Своей Божественности, избавляет нас от всех сомнений и колебаний и побуждает к его благоговейному почитанию. Писание приводит нас к спасительному богопознанию только тогда, когда уверенность в его истинности опирается на внутреннее убеждение, внушенное Святым Духом»⁽¹⁴⁾.

4. Масштаб и достаточность авторитета Священного Писания

Сделав упор на *sola scriptura*, реформаторы подорвали господство Римско-католической церкви над властью и толкованием Писания. Ясный, исторический и грамматический смысл Библии больше не принижался аллегорическим толкованием. Патристическая традиция; схоластическая философия; соборный или папский авторитет больше не могли ставиться выше библейского авторитета. Апокрифы больше не добавлялись к Библии как обладающие такой же богодухновенностью и авторитетом.

Реформаторы не предвидели развития событий в последующие столетия, которые подорвут уверенность и веру в правдивость и авторитет Священного Писания. Предчувствие этого процесса можно увидеть в повторяющемся вопросе Иисуса: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18:8). Вера в Божественное происхождение и в авторитет Библии подвергается нападкам критиков Писания бесконечным количеством способов. Джеффри Брумили отмечает: «Современный период принес новые угрозы библейскому авторитету. С одной стороны, либеральные богословы, участвующие в литературных и исторических исследованиях, высказывают сомнения относительно традиционного авторства, оспаривают фак-

тологическую достоверность, отрицают или искажают Божественную инспирацию и поддерживают релятивизм, разрушительный для доктринального и этического Абсолюта. С другой стороны, Римско-католическая церковь приняла догмат о непогрешимости папы в вопросах вероучения, который, наряду с самой концепцией догматического развития, значительно подорвал библейский авторитет»⁽¹⁵⁾.

В частности, современная библейская критика в ее многочисленных формах привела даже многих искренне верующих христиан к ограниченному восприятию авторитета Писания, сводя его к некоторым основным аспектам христианской веры и морали. Все, что Писание говорит о вопросах исторического или научного характера, подчиняется критериям жесткой исторической критики и натуралистической философии науки, которая априори исключает сверхъестественную причинность в сфере природы и в потоке истории. Такие подходы обычно имеют тенденцию игнорировать, искажать или отрицать однозначные утверждения библейских авторов в отношении Божественного происхождения, авторитета и правдивости их книг.

Еще один важный элемент современных дискуссий о библейском авторитете — вопрос об объеме или цели Писания. Первичная цель Священного Писания состоит в том, чтобы «умудрить [нас] во спасение верою во Христа Иисуса», говорит Павел (2 Тим. 3:15) или, как сказал апостол Иоанн, «написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20:31). Сам Христос, говоря о ветхозаветном Писании, критиковал иудейских религиозных лидеров того времени за их трагическую неспособность понять эту основную цель, говоря: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь» (Ин. 5:39, 40).

Вопрос в дебатах о масштабах авторитета Библии не касается цели Писания. Скорее, основной вопрос в том, распространяется ли авторитет Писания на все содержание

Библии. Для христиан XXI века проблема заключается не только в принципе *sola scriptura*, но и в связанном с ним принципе *tota scriptura*. Проблема не только в том, что мы прибавляем что-то к авторитету Слова Божьего, но и в том, что мы отнимаем от него. В сердцах и в умах многих христиан критика Библии свела авторитет Писания к минимуму и даже полностью уничтожила его. Эллен Уайт говорила об этой проблеме, ссылаясь на служителей: «Даже многие священнослужители, проповедующие Евангелие, не считают, что *вся Библия* является боговдохновенным Словом. Один мудрец отвергает одну часть, иной подвергает сомнению другую. Они ставят свои суждения о Библии выше самого Слова Божьего; таким образом Писание, которое они преподают, сводится к проповеди своих собственных убеждений. Так разрушается Божественная подлинность Священного Писания» (*Наглядные уроки Христа*, с. 39, курсив автора).

Принцип заключается в том, что все Писания должны восприниматься как Слово Божье, наделенное Божественным авторитетом. Этот принцип множеством различных способов выражали библейские авторы. Моисей включил его в свое последнее обращение к народу Израиля: «Сокрытое *принадлежит* Господу, Богу нашему, а открытое — нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего» (Втор. 29:29). Более раннее его предупреждение гласит: «Всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» (Втор. 8:3).

Тот же упор на веру и на повиновение всем словам, исходящим от Бога, повторяется и в Новом Завете. Иисус говорит об этом в ответ на искушение избавить Себя от голода, явив чудесную Божественную силу. Он повторил слова Моисея о том, что человечество должно жить «всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). Тексты Евангелия свидетельствуют о том, что Иисус не только обладал беспрецедентным знанием и пониманием Писания, но и принимал все Писание как авторитетное Слово Божье.

После воскресения Он мягко упрекнул двух из Своих учеников в том, что медлительность сердца не давала им верить «всему, что предсказывали пророки» (Лк. 24:25).

Подобным же образом апостолы проявляли ту же веру во все Священное Писание как в Слово Божье. Апостол Павел, представ перед римским правителем Феликсом, сказал: «Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов *моих*, верую всему, написанному в законе и пророках» (Деян. 24:14). Пресвитерам церкви в Эфесе он сказал, что не упускал возможности «возвещать... всю волю Божию» (Деян. 20:27). Позже, в своем Послании к ефесянам, он напомнил всей церкви, что они были утверждены «на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем» (Еф. 20:20). В своем втором послании, отправленном из Рима незадолго до своей мученической смерти, Петр призвал верующих помнить «слова, прежде реченные святыми пророками, и заповедь Господа и Спасителя, преданную Апостолами вашими» (2 Петр. 3:2). В своем последнем Послании к Тимофею Павел ясно и кратко подтвердил принцип *tota scriptura*: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3:16).

Хотя, несомненно, верно, что основной сферой приложения принципа *tota scriptura* является авторитет Писания в духовных вопросах, мы не можем ограничить этот авторитет произвольно, исключив из него какую-либо область человеческого знания, такую как история или естествознание. В пронизательном исследовании достаточности Священного Писания Ноэль Викас поднимает важные вопросы, такие как: «Ограничен ли авторитет Библии из-за ее сосредоточенности на спасении? Не относится ли он к другим важным вопросам или сферам жизни?.. Ограничивает ли Библия открыто свой собственный авторитет?»⁽¹⁶⁾ На эти вопросы он ясно отвечает, что таких ограничений нет. Он утверждает, что Писание не только сосредоточено на Христе как

на Искупителе, но также на Христе как Творце и как Господе творения и всей истории мира. Поэтому никакая сфера знаний не исключается из авторитета Христа и Его Слова, Священного Писания.

Кто-то утверждает, что, поскольку Библия не является учебником по точным наукам или истории, она не должна использоваться как авторитетный источник в этих областях знаний. Хотя это утверждение верно с технической точки зрения, оно становится прямой атакой на авторитет Библии, если правдивость его четкого описания Творения и его исторического повествования отвергается или истолковывается в соответствии с научными теориями или историческими исследованиями. Ни Иисус, ни кто-либо из вдохновенных пророков и апостолов никогда не ставил под сомнение историческую достоверность книги Бытие или любой другой части Писания. Напротив, они подтверждали правдивость и Божественный авторитет всего Писания.

Реформаторы поддержали принцип достаточности Писания прежде всего, хотя и не исключительно, в отношении учения о спасении, которое сосредоточено на личности Христа как Искупителя. Но тот же принцип должен соблюдаться и в отношении доктрины Творения, которая сосредоточена на личности Христа как Творца. Писание сообщает нам не только о том, что Бог через Христа создал этот мир, но также и о том, как это было сделано. Близкие принципы *sola scriptura* и *tota scriptura* применимы как к происхождению этого мира и человеческой расы, так и к их искуплению и окончательному восстановлению.

Применение принципа *sola scriptura* к доктрине Творения подчеркивается и в работах Эллен Уайт. Она писала: «Лишь одно Слово Божье дает нам подлинное описание сотворения нашего мира» (*Принципы христианского воспитания*, с. 536). Она применяет принцип *tota scriptura* к Христу как Творцу и Искупителю в следующих словах: «Вся Библия — это откровение, ибо все откровение к людям приходит через Христа, и все сосредоточено в Нем. Бог говорит с нами через

Своего Сына, Которому мы принадлежим в силу Творения и искупления» (*Библейский комментарий АСД*, т. 7, с. 953).

Эллен Уайт была глубоко обеспокоена тем, что многие христиане, руководствуясь научными теориями, отвергали библейское повествование о шестидневном Творении в его простом, буквальном смысле. Она видела в этом придание большего авторитета человеческим рассуждениям «вопреки ясным доказательствам Священного Писания» (*Патриархи и пророки*, с. 113). Она отмечала, что Бог никогда не раскрывал людям точный процесс, посредством которого Он осуществил процесс Творения; следовательно, «человеческая наука не может проникнуть в тайны Всевышнего» (*там же*). В связи с этим она категорически заявляла: «Прежде всего должна быть решительная вера в Божественную власть Священного Слова Бога, и Библия не должна проверяться человеческими научными теориями» (*там же*, с. 114).

5. Божественный авторитет, реакция человека и библейская герменевтика

Хотя Бог обладает верховным авторитетом, Он не принуждает волю Своего творения. Люди, созданные по образу и подобию Божьему, наделены правом выбирать. Бог уважает это право даже в падших людях. Божественная власть, основанная на любви и истине, вызывает в нас ответную веру, доверие, послушание и любовь. Однако, если мы решаем отвергнуть Его авторитет, мы отделяем себя от Того, Кто является источником нашего существования. Моисей выразил эту основную истину в следующих словах: «Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих» (Втор. 30:19, 20).

Иисус применил эту же истину к Своему собственному учению. Любой, кто слышит Его слова и исполняет их, —

мудрый человек, который строит свой дом на камне, и этот дом выдерживает бури и наводнения. Всякий же, кто отвергает Его слова, уподобляется человеку безрассудному, который строит свой дом на песке, и ветер и наводнение разрушают этот дом (Мф. 7:24–27). Принятие Божьей власти, выраженной в Его Слове, ведет к жизни, вечной жизни; отрицание авторитета Его Слова, устного или письменного, ведет к вечной смерти (Пс. 1:1–6; Притч. 8:32–36; Откр. 22:18, 19).

Бог не может отменить Свой Божественный авторитет или отказаться от него и никогда не сделает этого. Это же относится к верховной власти Священного Писания, поскольку оно является Словом Божиим. Первым ответом людей на этот авторитет должен быть ответ веры, проявляемой в добровольном послушании. Слово Божье обращается ко всему человеку во всей его совокупности: к его разуму, сердцу и душе (Мф. 22:37). Через Его Слово Господь не только приглашает нас рассуждать вместе (Ис. 1:18), Он также призывает нас отдать Ему наши сердца (Притч. 23:26).

Протестантские реформаторы понимали, что привилегия и обязанность каждого — самостоятельно читать и изучать Библию. Это убеждение побудило Уиклифа, Лютера, Тиндейла и многих других перевести Библию на язык, который простые люди могли читать и понимать. В наши дни благодаря этому же убеждению Библия целиком или ее части были переведены на более чем две тысячи языков. Эллен Уайт разделяла эту позицию. В статье под названием «Библия должна быть понятна каждому» она писала: «Библия адресована всем — людям любого общественного класса, любого возраста и живущим в любом климате. Обязанность каждого разумного человека — исследовать Священное Писание. Каждый должен знать условия, на которых дается спасение» (*The Signs of the Times*, 20 Aug. 1894).

С человеческой точки зрения наивысшее уважение к Библии влечет за собой немало явных преимуществ.

Наше общество отличается нестабильностью, которая порой представляет реальную опасность. То, как мы справляемся с такими ситуациями, тесно связано с качеством жизни и с личной удовлетворенностью, не говоря уже о нашей судьбе в вечности.

Почитаемая как авторитетное послание от Бога, эта Книга, написанная много веков назад, остается неизменной точкой контакта с нашим Создателем. Письменное общение Бога со Своими сыновьями и дочерьми на земле обеспечивает им источник величайшей стабильности, которая придает смысл их жизни. Бог, сотворивший нас, остается активным не только в Своей обширной Вселенной, но и в нашей повседневной жизни.

По большей части Писание — это письменный рассказ Бога о Его личном вмешательстве и Его водительстве в делах людей. Для поверхностных читателей эта человеческая сторона часто неверно истолковывается таким образом, что Библии отводится отдаленная или даже несущественная роль в их жизни. Из-за этого они пропускают преимущества, которые могли бы получить.

Писание обеспечивает подлинную основу для понимания самих себя. Кто мы? Достойные ли мы люди или тени, промелькнувшие по поверхности времени и пространства? Писание уверяет нас, что помимо простых навыков в соперничестве с другими наша личная значимость основана на нашей внутренней ценности, на том, что Христос сотворил и искупил нас. В этом свете наша ценность как личности столь же надежна, как и написанное Слово, которое приносит нам эту истину.

Мы являемся свидетелями объединяющей силы Писания. Среди различных народов и культур, которые рассеяны по нашей планете, существует одно Слово Божье, которое обращается к каждому человеку, превосходя по силе и авторитету любую существующую практику или мнение. В этом смысле оно является великим объединителем. В центробежном мире, часто жестоко противоречащем самому себе,

подлинная приверженность Слову Божьему приносит мир и достоинство каждому человеку.

Только авторитетное Слово позволяет нам понять нашу судьбу. Только в нем содержится подлинный отчет о характере нашего Создателя и о том, как Он сотворил нас. Только в Его Слове мы находим то, что природа никогда не могла нам рассказать: Бог доброжелателен, искренне стремится восстановить нас для близкого общения с Ним в ближайшем будущем, что стало возможным благодаря служению, искупительной смерти и воскресению Сына.

Ссылки

- (1) См. John Wenham, *Christ and the Bible*, 3d ed. (Grand Rapids, MI: Baker Books, 1994), pp. 16–44.
- (2) Там же, p. 17.
- (3) Bernard Ramm, *Special Revelation and the Word of God* (Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1961), p. 34.
- (4) Эллен Уайт приводила такое сравнение: «Библия написана не на возвышенном сверхчеловеческом языке. Иисус, дабы общаться с человеком на его уровне, облачился в человеческую плоть. Так и Библия должна быть передана человечеству на его языке. Все человеческое несовершенно» (*Избранные вестни*, т. 1, с. 20).
- (5) Гарольд Гримм в предисловии к своему переводу «Диспута и защиты брата Мартина Лютера от обвинений доктора Иоганна Экка» Лютера отметил, что «Лейпцигский диспут крайне важен для развития Лютера как реформатора, потому что в тот момент он публично заявил о своей евангельской концепции церкви недвусмысленными терминами и показал, что в последнем анализе его единственным источником в вопросах веры было Слово Божье. Посему он может без колебаний сказать, что не только папы, но также и церковные соборы могут ошибаться». Harold Grim, ed., *Luther's Works*, (далее LW), 55 vols. (Philadelphia: Fortress Press, 1957), 31:311.
- (6) Там же, 32:11, 12.
- (7) Текст известного последнего ответа Лютера перед Вормским рейхстагом можно найти в LW 21:112, 113.
- (8) Это становится ясным из двух его трудов, написанных во время его десятилетней ссылки в Вартбургском замке: «Против Латомуса», LW 32:113–260, и одной из его известных проповедей в так называемой «Церковной постилле», озаглавленной «Проповедь на Богоявление», LW 159–286, особенно с. 171–183.
- (9) Theodore G. Tappert, trans. and ed., *The Book of Concord: The Confessions of the Evangelical Lutheran Church* (Philadelphia: Fortress Press, 1959), p. 464.

- (10) Перевод этой проповеди на английский язык можно найти в *Zwingliand Bullinger*, trans. and ed. G.W. Bromiley, vol. 24 in *Library of Christian Classics* (далее LCC). (Philadelphia, Westminster Press, 1953), pp. 49–95.
- (11) LCC. 24:93
- (12) John Calvin, *Institutes of the Christian Religion*, 1:7:1, ed. John T. McNeill, trans. Ford Lewis Battles, LCC, vol. 20 (Philadelphia: Westminster Press, 1960), pp. 75, 76.
- (13) Там же, с. 80.
- (14) Там же, с. 92.
- (15) Geoffrey W. Bromiley, "Scripture, Authority of," *International Standard Bible Encyclopedia*, rev. ed., 4 vols. (Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans, 1979–1988), 4:363.
- (16) Noel Weeks, *The Sufficiency of Scripture* (Edinburgh: Banner of Truth Trust, 1988), p. 85.

ТЕКСТ И КАНОН СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

*Геральд Клингбейл, профессор кафедры
ветхозаветных и древнеближневосточных
исследований Университета Ривер Плейт*

Коммуникация требует, чтобы средство и канал передачи информации были эффективными. Поэтому, для того чтобы «услышать» Бога, необходимо соответствующее средство и канал трансляции информации. Единственным способом передачи Божьего послания через века было точное переписывание данного Богом Слова. Поскольку откровение и Священное Писание связаны с текстовой информацией, чтобы «услышать» Бога в Писании в двадцать первом веке, необходимо сначала определить текст и его границы, а затем истолковать его. В этой главе мы постараемся понять, как устанавливались границы того, что должно и не должно включаться в Священное Писание. Помимо этого в главе рассматриваются особенности самого богодухновенного, канонического текста, процесс его передачи, а также рукописи и переводы, благодаря которым мы сегодня имеем доступ к библейскому тексту.

1. Канон Священного Писания

Канон Священного Писания нельзя рассматривать в отрыве от вопросов авторитетности и нормативности, которые, в свою очередь, связаны с нашим пониманием откровения и богодухновенности. Что делает для религиозного сообщества (иудейского или христианского) один древний

текст более авторитетным, чем другой? В качестве отправного пункта отметим, что книги Ветхого и Нового заветов сами являли свидетельство своей подлинности. Их авторитетность основывается не на том, что кто-либо, будь то важная персона или религиозные руководители, включили их в канон, но на том, что религиозное сообщество признало эти тексты авторитетными ввиду их Божественного происхождения, и как результат они были включены в канон. Из-за ограниченности места в сборнике мы рассмотрим лишь основные вопросы без обязательного разбора каждой конкретной проблемы в этой сфере.

Русское слово «канон» происходит от греческого *kanon*, которое обозначает тростник, измерительную рейку или даже карниз для штор и которое, в свою очередь, связано с еврейским существительным *qaneh*, «тростник, рейка» (3 Цар. 14:15; Иов. 40:16). В производном смысле канон — это текст, который «был измерен» и признан достойным того, чтобы быть включенным в собрание текстов, объединенных авторитетностью в глазах религиозного сообщества. Таким образом, канон должен быть связан с концепцией *Священного Писания*, так же как и с богодухновенностью. Канонический текст — это текст, наделенный авторитетностью в данном религиозном сообществе и считающийся «вдохновенным» Богом (2 Тим. 3:16).

Однако Священное Писание представляет собой более широкую концепцию, чем ограниченный определенными рамками канон. У нас есть ссылки на богодухновенные тексты, упоминаемые в Ветхом Завете и написанные авторами, которых считают богодухновенными, но чьи труды не были включены в канон Ветхого Завета (1 Пар. 29:29). В Ветхом Завете существует тесная связь между Божьим словом (как авторитетной информацией) и распространением этого откровения — либо в устной, либо в письменной форме (Исх. 17:14; 24:4). Запись наставлений, получаемых от Бога, была логическим следствием, поскольку она давала возможность сохранять эти наставления в неизменном виде и следовать

им в дальнейшем (Втор. 31:9–13). Во Втор. 31:26 указывается «свидетельство/функция» этой «книги закона». Также и в других частях Ветхого Завета еврейское слово *ed*, «свидетельство», часто связано с проверкой в соответствии с установленными стандартами (Втор. 31:19, 21; Нав. 22:27, 28, 34).

В трех конкретных исторических случаях мы видим концепцию авторитетного письменного источника, которому нужно было следовать: (1) Исх. 24:7, когда люди объявили о своей преданности книге закона, данной Моисею на горе Синай; (2) 4 Цар. 23:3 и 2 Пар. 34:32, когда иудеи приняли слова книги закона, обнаруженной Хелкией в храме во времена царя Иосии; (3) Неем. 8:9, когда Ездра читает книгу изгнанникам, вернувшимся из Вавилона в Иерусалим. Слушая, люди плакали, и в Неем. 8:11 подчеркивается, что они поняли смысл прочитанного и свою ответственность. Все три события произошли во время церемоний заключения или обновления обета. Поэтому, вероятно, будет верным вывод о том, что отношения завета между Богом и Его народом определялись их приверженностью Слову Божьему.

По логике, эта концепция требовала существования авторитетного сборника Слова Божьего. И очевидно, что этот сборник не воспринимался как собрание человеческих трудов или сборник текстов, основанный на предпочтениях определенного религиозного лидера или религиозной традиции. Авторитетный сборник (канон) текстов Ветхого Завета (и Нового Завета) основан на откровении Божьем о Самом Себе.

Термин *kanon* был широко известен и использовался в эллинистической Греции. На самом деле, древний мир был полон канонов (или моделей/правил), определявших различные аспекты человеческой деятельности. В Гал. 6:16 Павел использует этот термин в качестве критерия христианского поведения, которое можно засвидетельствовать⁽¹⁾. Однако в Священном Писании этот термин не используется для обозначения библейского канона. В конце первого века

н. э. Климент Римский использует этот термин в отношении христианской «традиции»⁽²⁾. Почти веком позже Климент Александрийский ссылается на канон веры⁽³⁾. С середины четвертого века и позже *kanon* используется также для обозначения сборника священных текстов как Ветхого, так и Нового заветов.

Евсевия обычно считают первым, кто использовал этот термин в отношении единого собрания христианских Писаний⁽⁴⁾. Но это не означает, что эта концепция не существовала в новозаветные времена. Иисус следовал ветхозаветным правилам (относительно праздников — Ин. 2:23; 4:45, соблюдения субботы, храмовых служб — Лк. 21:1, церковных сборов — Мф. 17:24), тем самым обозначая их нормативный характер. Он говорит о ветхозаветных заповедях, обетованиях или иных историях как о «написанном» (Мф. 4:4, 7, 10; Мк. 7:6; и др.), и это всегда является решающим аргументом для Его действий.

Похоже, что и ранняя церковь отражала то же отношение касательно единого авторитета Ветхого Завета. Верийцы ежедневно разбирают Писания Ветхого Завета, чтобы подтвердить учение Павла (Деян. 17:11). Павел использует авторитет Ветхого Завета как аргумент в пользу необходимости финансовой поддержки служения благовествования (1 Кор. 9:9, 10, 14), в пользу того, что отмщение — это единоличная прерогатива Бога (Рим. 12:19, 20), и в подтверждение идеи об универсальной природе греха (Рим. 3:10 и далее). Петр говорит о добродетельной жизни, основывая свои рассуждения на Ветхом Завете (1 Петр. 2:4–6). Все эти свидетельства говорят о наличии концепции авторитетного свода текстов, который используется для определения границ праведной жизни как в Ветхом, так и в Новом Завете. Вплоть до настоящего времени как Ветхий, так и Новый Завет демонстрируют концепцию канонических трудов, т. е. текстов, обладающих авторитетом. И этот авторитет не является результатом решений одного человека или ор-

ганизации, но основывается на авторитете самого написанного (или сказанного) Слова, вдохновенного Богом.

Но не все богодухновенные тексты были включены в канон. И здесь необходимо понять процесс канонизации, механизма определения того, что включать в канон, а что исключить из него. И хотя ответы на некоторые вопросы найти не так легко, исторический обзор может дать нам необходимую информацию, которую, в свою очередь, нужно объяснить в свете утверждений об авторитетности Священного Писания, основанных на доктрине откровения. Прежде чем перейти к концептуальному разъяснению процесса канонизации, необходимо ответить на следующие два вопроса: какие книги/тексты включены в канон и когда был закрыт библейский канон?

История ветхозаветного канона

Традиционно иудейский Ветхий Завет разделялся на три основные части: Закон, Пророки и Писания (см. табл. 1).

Таблица 1

Закон (евр. <i>Torah</i>)	Пророки (евр. <i>nebi'im</i>)	Писания (евр. <i>ketubim</i>)
Бытие Исход Левит Числа Второзаконие	Книга Иисуса Навина Судей 1–4 Книги Царств Исаия Иеремия Иезекииль Двенадцать пророков (Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария, Малахия)	Псалтирь Притчи Книга Иова Песнь Песней Руфь Плач Иеремии Екклесиаст Даниил Есфирь Ездра Неемия 1–2 книги Паралипоменон

Табл. 1. Канон Ветхого Завета в соответствии с иудейским делением на три части.

Это деление на три части является важным при воссоздании процесса канонизации. Самое первое установленное внебиблейское упоминание о подобном делении встречается в апокрифической книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, датируемой 132 г. до н. э. Другие источники, такие как Вторая книга Маккавеев, Филон и Иосиф Флавий, упоминают такое же деление.

Самые ранние полные кодексы (например, *Ватиканский* и *Синайский*), датируемые четвертым веком н. э., включают в себя апокрифические книги. Этот канон также называли Александрийским. Неясно, когда в него были включены апокрифические книги, и нынешние свидетельства позволяют предположить более позднюю дату включения этих неканонических трудов. Поэтому кажется разумным считать, что эти монументальные своды документов, которые вошли в обращение только с третьего века н. э., отражают влияния, превалировавшие в ранней христианской церкви, которая боролась за то, чтобы определить свою идентичность на фоне раввинистического иудаизма.

Вопрос канона Септуагинты следует понимать в свете возросшей конфронтации и конкуренции между иудаизмом и стремительно растущим христианством. Хотя Септуагинта и планировалась как иудейский проект, ее быстрое принятие и авторитет в христианском сообществе как важного инструмента евангелизации римского мира привели к определенному отрицанию Септуагинты (включая ее канон) иудаизмом в начале второго века нашей эры.

Существуют важные различия между иудейским каноном и каноном, сохранным в старейших сводах Септуагинты. Последние включают в себя книгу Товит, книгу Иудифи, 1–4 книги Маккавеев, книгу Премудрости Соломона, книги Сираха и Варуха, а также дополнения к книге Есфирь и дополнительные материалы к книге Даниила (Сусанна, Бел и Дракон). Всех этих книг нет в иудейском каноне. Эти различия могли появиться из-за возникшего напряжения между иудаизмом и христианством. Необходимо отметить, что

раннее христианство не всегда принимало дополнительный материал в качестве авторитетного. Афанасий Великий и Иероним оба упоминали в четвертом веке нашей эры апокрифические книги, но четко отделяли их от канонических трудов.

Весьма информативны и важны свидетельства из Кумрана. Там были найдены полные свитки и фрагменты всех книг иудейского канона, кроме книги Есфири. Это важная находка, поскольку все свитки датируются между первым веком до нашей эры (а некоторые даже и вторым веком до нашей эры) и 73 годом нашей эры. Это означает, что практически все книги, которые обычно относят к иудейскому канону Ветхого Завета, уже существовали в виде копий во втором-первом веках до нашей эры. Во-вторых, кумранское общество, похоже, уже было знакомо с тройственным делением, упоминающимся уже в прологе книги Иисуса, сына Сирахова, во втором веке до н. э. Эта классификация также встречается в различных новозаветных текстах, таких как Лк. 24:44 и Мф. 23:35 (и в параллельном тексте в Лк. 11:51)⁽⁵⁾.

Написанная примерно в 100 году н. э. апокрифическая Третья книга Ездры (14:47) упоминает Ветхий Завет, включающий в себя 24 книги (плюс 70 «сокрытых» книг). Около 170 года н. э. Мелит, епископ Сардийский, опубликовал свой знаменитый список книг, принадлежащих к Ветхому Завету, который включает в себя все книги, за исключением, возможно, книги Есфири. Современных исследователей разделяет сегодня ключевой вопрос: сложился ли Ветхий Завет ко времени жизни Иисуса (или до этого) либо он возник только в первом веке н.э. или даже позже, во втором веке н.э.?

Множество противоречий окружает так называемый «собор в Ямнии». Большая часть соборных дискуссий о каноне позволяет предположить, что раввины определились с каноничностью ветхозаветных трудов. В Ямнии, расположенной на средиземноморском побережье Палестины, в период 70–135 гг. н.э. находилась знаменитая школа равви-

нов (Бет Ха-Мидраш) и Высший суд (Бет-Дин, Санхедрин). Вопрос о границах Священного Писания был одним из множества, обсуждавшихся в этих учреждениях. Однако в этих решениях не было ничего экстраординарного, поскольку раввины спорили по этим вопросам не менее одного раза в предыдущем поколении, а также несколько раз после периода Ямнии. Ясно, что эти (и многие другие) дискуссии раввинов сыграли важную роль в ортодоксальном иудаизме, поскольку позже они были включены в Вавилонский Талмуд, но не стали определяющими в формировании ветхозаветного канона. Самое большее, что они сделали, — это просто подтвердили то, что уже давно сложилось и было общепринятым.

История новозаветного канона

История новозаветного канона не так сложна, как ее ветхозаветная часть — частично благодаря существованию кодексов, которые стали значительным нововведением с точки зрения практичности. Говоря о возникновении канона новозаветной церкви, свидетельства в первую очередь необходимо брать из самого Нового Завета. Сам Иисус строил Свою весть на твердом основании ветхозаветного канона, как можно увидеть в его знаменитой фразе «Сказано... А Я говорю вам...» (Мф. 5:33, 34, 38, 39, 43, 44). В Ин. 10:35 Иисус идет еще дальше, заявляя, что Священное Писание (*graphie*) не может быть «нарушено» (RSV, NIV, NKJV), что логически подразумевает общий авторитет книг. Другие ранние христианские труды используют указания Иисуса, чтобы отстаивать постоянство брачных уз (1 Кор. 7:10, 11). Отдельные учения основаны на указаниях Иисуса (1 Кор. 9:14 [содержание евангельского работника]; 1 Кор. 11:17, 23 [Вечеря Господня]; и 1 Тим. 5:17, 18 [жалование пресвитеров]).

Павел развивает концепцию богодухновенности Писания дальше, включая в нее не только известный и установленный ветхозаветный канон, но также и тексты молодой

христианской церкви (2 Тим. 3:16; Евр. 1:1, 2). Ясно, что в случае с авторами Нового Завета каноничность (общий авторитет) их трудов коренится в их богодухновенности. Во 2 Петр. 1:21 особо подчеркивается, что этот процесс не совершается по воле человеческой, а, скорее, движим Богом. Однако большинство ссылок напрямую упоминают устное слово, и необязательно записанное. Предисловие Луки к его Евангелию (Лк. 1:1–4) говорит об осознанной необходимости в авторитетной записи всех деяний, слов и вестей Иисуса, чтобы свидетельствовать в окружении, которое быстро отвергло апокрифические «священные» писания. Помимо авторитетного исторического изложения жизни, смерти и воскресения Христа (Евангелий), ранняя церковь вскоре причислила к достоверным еще несколько трудов. Во 2 Петр. 3:15, 16 апостол причисляет к ним труды Павла (не указывая, какие именно) как вдохновленные мудростью, которую дал ему Бог, тем самым делая их достоверными.

Свидетельства в трудах ранних отцов церкви указывают на то, что в конце первого и начале второго веков н. э. существовало собрание письменных христианских документов, имевших статус авторитетных. В таблице 2 показано использование канонических книг Нового Завета в трудах ранних отцов церкви.

Таблица 2

Отец церкви	Дата	Канонические книги Нового Завета
Климент Римский	Ок. 60–100 гг.	Деяния (?), Римлянам, 1 Коринфянам, Ефессянам, Титу, Евреям, 1 Петра
Игнатий	Умер ок. 107 г. н. э.	Аллюзии на Евангелия от Матфея, Луки, Иоанна, Послания к Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, 1 и 2 Тимофею

Отец церкви	Дата	Канонические книги Нового Завета
Поликарп	Ок. 70–160 гг. н. э.	Евангелия от Марка и Иоанна, Деяния, Римлянам, 1, 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 Тимофею, Евреям, 1 Петра
Иустин мученик	Ок. 100–165 гг.	Евангелия от Матфея, Марка (?), Луки, Иоанна, Деяния, Римлянам, 1 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Колоссянам и 2 Фессалоникийцам, Евреям, 1 Петра
Маркион	Ок. 140 г. н. э.	Евангелие от Луки, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам и Филимону
Ириней	Ок. 150–202 гг.	Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, Деяния, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 Петра, 1 и 2 Иоанна (послание Иуды было под вопросом), Откровение
Мураторианский канон	Ок. 190 г. н. э.	Евангелия от Луки, Иоанна, Деяния, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам, Римлянам, Филимону, Титу, 1 и 2 Тимофею, 1 и 2 Иоанна, Иуды, Откровение.
Климент Александрийский	Ок. 155– 220 гг. н. э.	Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяния, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 Тимофею, Титу, 1 Петра, 2 Иоанна, Иуды, Откровение
Тертуллиан	Ок. 160–220 гг.	Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяния, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 Тимофею, Евреям, Титу, 1 Петра, 1 и 2 Иоанна, Иуды, Откровение

Отец церкви	Дата	Канонические книги Нового Завета
Ипполит	170–235 гг.	Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяния, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 Тимофею, Титу, 1 Петра, 1 Иоанна, Иуды, Откровение
Ориген	Ок. 185–254 гг.	После длительных путешествий, примерно в 230 г. н. э., опубликовал полный список всех новозаветных трудов, которые принимались <i>всеми</i> : Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяния, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 Тимофею, Титу, 1 Петра, 1 Иоанна, Откровение. Книги, которые вызвали <i>споры</i> : Евреям, 2 Петр. 2 и 3 Иоанна, Иакова, Иуды
Евсевий Кесарийский	Ок. 260–340 гг.	Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяния, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 и 2 Фессалоникийцам, 1 и 2 Тимофею, Титу, 1 Петра, 1 Иоанна, Откровение
Афанасий	Ок. 296–373 гг.	Епископ Александрийский; он был первым, кто включил в свой канон все 27 книг Нового Завета.

Табл. 2: Отцы церкви и их канон

Гностическая литература, такая как *Evangelium Veritatis* (Евангелие истины) Валентина (135–140 гг. н. э.), показывает всестороннее использование канонических трудов и позволяет предположить, что к тому моменту канон уже сложился и, возможно, даже считался завершенным.

В течение четвертого и пятого веков н. э. вопрос канона Нового Завета рассматривали несколько синодов и собо-

ров. Их участники не определяли каноничность новозаветных книг, но, скорее, утвердили более ранние практики. Ранняя церковь, начав развиваться в иудейском контексте, была знакома с ветхозаветной концепцией авторитетного свода текстов. Именно на этих текстах Иисус основывал Свое понимание Своей личности и работы, когда отвергал искусителя и других противников, повторяя «написано...» (Мф. 4:4, 7, 10; 21:13; 26:24; Мк. 7:6; 9:13), демонстрируя тем самым Свое уважение к Ветхому Завету и к концепции авторитетного собрания текстов. Новозаветная церковь следовала Его примеру. Никакой общепринятый символ веры или сильный церковный контроль не мог гарантировать единства ранней христианской церкви. Только приверженность апостольскому свидетельству об Иисусе, Его весте и Его служению удерживала церковь в относительном единстве. Эта приверженность нуждалась в надежном и достоверном своде текстов, обеспечивающих материальное свидетельство об Иисусе.

Протестантский канон в сравнении с католическим

Как легко можно увидеть в таблице 3, существуют четкие различия между канонами протестантским и католическим, которые в конечном итоге базируются на различных теологических предположениях⁽⁶⁾.

Таблица 3

Римско-католический/ православный канон	Протестантский канон
Пятикнижие 1. Бытие 2. Исход 3. Левит 4. Числа 5. Второзаконие	Пятикнижие 1. Бытие 2. Исход 3. Левит 4. Числа 5. Второзаконие
Исторические книги 6. Иисуса Навина 7. Судей 8. Руфь 9. 10. 1 и 2 книги Царств 11. 12. 3 и 4 книги Царств 13. 14. 1 и 2 Паралипоменон 15. 16. Ездры и Неемии 17. Товит* 18. Иудифь* 19. Есфирь (включая добавления*)	Исторические книги 6. Иисуса Навина 7. Судей 8. Руфь 9. 10. 1 и 2 книги Царств 11. 12. 3 и 4 книги Царств 13. 14. 1 и 2 Паралипоменон 15. 16. Ездры и Неемии 17. Есфирь
Поэзия и мудрость 20. Иова 21. Псалтирь 22. Притчи 23. Екклесиаста 24. Песня Песней Соломона 25. Премудрости Соломона* 26. Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова	Поэзия и мудрость 18. Иова 19. Псалтирь 20. Притчи 21. Екклесиаста 22. Песня Песней Соломона

Римско-католический/ православный канон	Протестантский канон
Пророки 27. Исаия 28. Иеремия 29. Плач Иеремии 30. Варух (включая послание Иеремии*) 31. Иезекииль 32. Даниил (включая добавления к книге*) 33. Осия 34. Иоиль 35. Амос 36. Авдий 37. Иона 38. Михей 39. Наум 40. Аввакум 41. Софония 42. Аггей 43. Захария 44. Малахия 45. 1 Маккавеев + 46. 2 Маккавеев +	Пророки 23. Исаия 24. Иеремия 25. Плач Иеремии 26. Иезекииль 27. Даниил 28. Осия 29. Иоиль 30. Амос 31. Авдий 32. Иона 33. Михей 34. Наум 35. Аввакум 36. Софония 37. Аггей 38. Захария 39. Малахия
* <i>апокрифические в протестантском каноне</i> + <i>только в римско-католическом каноне</i>	

Табл. 3. Сравнение римско-католического/православного и протестантского канонов.

Как Римско-католическая, так и Православная церкви включают в свой признанный канон несколько книг, которые не входят в иудейский или протестантский каноны. Такие книги, как Товит, Иудифь, добавления к книге Есфирь или добавления к книге Даниила и т. д., классифицируются

как «апокрифические», поскольку их происхождение неясно⁽⁷⁾. Они появились примерно в 200 г. до н. э. — 100 г. н. э., в период, который раввины описывали термином «прекращение пророчества». Эти книги были включены в Септуагинту, а позже и в латинскую Вульгату (которая и сама частично основана на Септуагинте). В святоотеческий период слово «апокриф» стало означать также «эзотерику или тайное знание», подразумевая, что в этих книгах содержится весть, доступная лишь посвященным. По этой причине многие отцы церкви не принимали эти книги как авторитетные (или принадлежащие к первоначальному ветхозаветному канону), поскольку евангельская весть не является ни эзотерической, ни тайной. Как авторы новозаветных книг, так и большинство святоотеческих писателей не принимали эти книги в качестве авторитетных и принадлежащих к общепризнанному канону.

Хотя некоторые новозаветные авторы ссылаются на апокрифические книги (например, Послание Иуды 9 может ссылаться на «Вознесение Моисея»; Евр. 11:35, возможно, ссылается на 2 Мак. 7), это ни в коей мере не указывает на авторитетность апокрифов. В нескольких случаях Павел цитирует греческих философов (например, в Тит. 1:12 и Деян. 17:28)⁽⁸⁾, но это не делает их труды каноническими или авторитетными. В этом смысле возможная ссылка или аллюзия на какую-либо апокрифическую книгу использует данный конкретный контекст или известный образ, не канонизируя их.

Свидетельства о том, что Септуагинта включает в себя апокрифические книги, достаточно позднее, потому что большинство греческих манускриптов, которые содержали апокрифические ветхозаветные книги, были написаны в четвертом или пятом веке н. э. Таким образом, они не могут считаться достоверным взглядом на канон Септуагинты во времена ранней (апостольской) церкви. Более того, ни один из новозаветных авторов не упоминает апокрифические книги как богодухновенные, используя, к примеру,

известную фразу «так написано через пророка...» (Мф. 2:5, 6; Лк. 3:4). Кроме того, ни одна из апокрифических книг не называет себя Словом Божьим, как это часто можно увидеть в каноническом Ветхом Завете (например, Числ. 35:2; Нав. 1:1; Ис. 1:10 и т. д.). Необходимо также помнить, что апокрифические книги содержат грубые исторические и теологические ошибки. Теологические несоответствия включают в себя: (1) молитву за мертвых (2 Макк. 12:43–45; хотя Священное Писание ясно говорит о том, что спасение дается до смерти [Евр. 9:27] и что человек ничего не знает после смерти [Еккл. 9:5, 6]); (2) предсуществование души (Премудрость 8:19, 20; хотя Священное Писание ясно говорит о том, что человек был сотворен и что лишь Бог бессмертен [1 Тим. 6:15, 16]); и (3) платоновская дихотомия между телом и душой, когда тело считалось злом (Премудрость 9:15, хотя в Быт. 1:31 говорится, что все [включая материальную субстанцию] во время Творения было хорошо весьма). Наконец, необходимо отметить, что самый ранний христианский ветхозаветный канон, составленный Мелито (ок. 170 г. н. э.), не содержал апокрифы.

Интересно, что католическая церковь включила апокрифы в канон только на Тридентском соборе в 1546 г., в контексте церковного конфликта с Мартином Лютером. Сегодня они известны среди католиков как «второканонические книги», т. е. формирующие второй канон, авторизованный Преданием и властью церкви. Именно Предание было одним из главных обсуждаемых вопросов во время Тридентского собора, поскольку призыв Реформации — *sola scriptura* — представлял собой огромную опасность авторитету Предания в католической церкви. Тридентский собор обозначил политическое решение приравнять к Священному Писанию то, что прежде было лишь церковным Преданием. Благодаря этому можно было ответить на обвинения реформаторов относительно некоторых доктрин, опираясь на «Писание»⁽⁹⁾. Католическая церковь не использовала Священное Писание систематически, чтобы противостоять

Лютеру и другим реформаторам, но пыталась противостоять протестантизму, ссылаясь на Предание и приводя схоластические доводы.

Канон и Предание

Каждое религиозное сообщество хранит определенное предание либо в устной, либо в письменной форме. Устное предание играло важную роль в передаче и сохранении ветхозаветного канона (Втор. 6:20–25; 26:5–9). Поэтому само по себе предание не является чем-то отрицательным. Сложность возникает в отношении между Преданием и (письменным) Писанием. Что для чего дает информацию? Иными словами, что определяет авторитет и достоверность Предания: Священное Писание или так называемая апостольская преемственность? Традиционная римско-католическая теология часто ссылается на прерогативу церкви *формировать* или *основывать* канон. Эта прерогатива основывается на апостольской преемственности епископа Рима, который имеет право руководить церковью в принятии и очерчивании новых периметров канона⁽¹⁰⁾. В восточных православных кругах Предание определяется как свидетельство церкви в ее полноте, основанное на Священном Писании, но «выраженное главным образом в решениях семи экуменических соборов, в трудах отцов церкви и в литургии поклонения»⁽¹¹⁾.

В Новом Завете греческое слово *paradosis*, «предание», встречается 13 раз и в основном в отрицательном значении. Иисус противопоставляет Предания отцов (в основном раввинистические учения) Божественным указаниям (Мф. 15:2–6 и параллельное повествование в Мк. 7). В Гал. 1:14 Павел, похоже, делает то же самое, когда говорит о своем печально известном прошлом, хотя упоминание Предания в 1 Кор. 11:2 представлено в положительном контексте и должно переводиться (как в NIV) как «учения». После завершения новозаветного канона отцы церкви часто свя-

зывали Священное Писание с Преданием, и в результате граница между ними стала размываться.

Римско-католическая церковь не раз указывала на постепенное развитие библейского канона, чтобы показать, что канон на самом деле является продуктом церкви. С этой точки зрения позиция Римско-католической церкви относительно экклесиологии (т. е. по поводу роли и функций церкви) в большой степени определяет ее позицию и относительно Священного Писания. Таким образом церковь оказывается выше откровения и богодухновенности. Протестанты же подчеркивали значение внутренних критериев, таких как богодухновенность и откровение, заключенных в канонических книгах. Очевидно, что суть проблемы в соотношении Писания и Предания. Исторически этот вопрос обсуждался во время периода Реформации, когда католическая церковь на Тридентском соборе (1546 г. н. э.) приняла решение о включении второканонических книг в свой канон. Конституция о Божественном Откровении (*Dei Verbum*) Второго Ватиканского собора «настаивает на том, что Священное Предание, Священное Писание и Учение церкви настолько соединены и связаны друг с другом, что ни одно из них не может существовать без другого»⁽¹²⁾. Это утверждение ясно подчеркивает самопровозглашенное требование, основанное на Предании, сохранить за собой право продолжать определять и формировать Священное Предание и Священное Писание. Краткий обзор этой позиции и ее последствий можно найти в следующей цитате Дж. У. Чарли: «Центром римской католической теологии является эксклюзивное понимание церкви и ее авторитета. Ее учительный авторитет стоит выше авторитета Библии и ее толкований. Ее пасторский авторитет управляет sacramентальной жизнью церкви»⁽¹³⁾.

Одним из результатов возвышения Римско-католической церкви над Библией и стало включение апокрифов в Ветхий Завет.

2. Канонизация: критерии и процесс

До сих пор мы описывали канон как Ветхого, так и Нового заветов с точки зрения истории, т. е. рассматривая исторические свидетельства, описывавшие процесс канонизации. Эти свидетельства включали в себя сами книги Ветхого и Нового заветов, переводы, апокрифические и псевдоапокрифические книги, свидетельства трудов отцов церкви, еретиков и различные списки. Эта часть была более описательной, чем аналитической или теологической.

Определить достоверный критерий для процесса канонизации — задача непростая. Современное богословие в значительной мере делает упор на социологическом факторе, при котором религиозное сообщество до определенной степени решает, что является священным и авторитетным. Дополнительные факторы включают в себя: (1) пророческое происхождение; (2) авторство (т. е. автор должен быть известен); (3) в случае с Новым Заветом — апостольство; (4) древность; (5) ортодоксальность (т. е. соответствие тому, что уже было открыто); (6) богодухновенность.

Очевидно, что признание значимости откровения и инспирации не оставляет пространства для социологической интерпретации процесса канонизации. Так, оказалось, что хотя концепция получения и принятия авторитетных книг в определенном историческом контексте важна, она не была решающим фактором в процессе канонизации. Скорее, кажется, что наиболее решающим критерием как для ветхозаветного еврейского/иудейского сообщества, так и для новозаветного христианского сообщества при принятии канона была концепция инспирации (богодухновения). Именно те тексты, которые были инспирированы, которые включали в себя формулировку «так говорит Господь» и которые доказали свою богодухновенность своим современникам, были включены в канон. Не церковь или религиозное сообщество *делает* текст каноническим, но, скорее, содержание и происхождение текста, которые, в свою оче-

редь, признаются и принимаются церковью. Очевидно, что внутреннее свидетельство религиозного текста не может противоречить более ранним откровениям Божьей воли, и в большинстве случаев автор, связанный с этим текстом, должен быть признан.

Похоже, что к четвертому веку до н. э. ветхозаветный канон был закрыт, поскольку межзаветные и иудейские тексты того времени не ссылаются на более позднюю литературу как на «достойную» того, чтобы рассматривать их наравне с инспирированными книгами Ветхого Завета. Ездра и Неемия (Езд. 7:10; Неем. 8:2–8) сыграли важную роль в популяризации авторитетного сборника текстов среди людей, но они определенно не «канонизировали» Ветхий Завет.

В современном критическом богословии предполагаемое датирование книги Даниила вторым веком до н. э. использовалось как аргумент в пользу более позднего формирования канона. Поскольку существуют более чем достаточные аргументы в пользу истинной даты написания этой книги, относящейся к шестому веку до н. э., канонический вопрос относительно «писаний» межзаветного периода звучит неубедительно. Всплеск апокрифических трудов и книг, ложно приписываемых другим авторам в межзаветный период, несет в себе не прямое указание на иудейское понимание завершенного канона, поскольку иллюстрирует концепцию: чтобы какой-то труд был признан авторитетным, он должен принадлежать уже признанному библейскому писателю.

В новозаветные времена Иисус цитирует как первую, так и последнюю книгу иудейского канона в обширных и важных упоминаниях героев веры (Мф. 23:35). Все указывает на то, что Иисус также был знаком с тройственным делением иудейского канона, которое Он использовал, чтобы указать на его целостность. Иудейский собор в Ямнии не формировал канон; скорее, его участники обсудили несколько книг, в адрес которых высказывали критику некоторые стороны внутри иудаизма.

В отношении канона Нового Завета следует признать, что именно завершённый канон Ветхого Завета сыграл важную роль в его формировании. Современное богословие предпочитает мнение о более позднем завершении канона, основываясь скорее на исторических и социологических потребностях, таких как теологические вызовы беспокойных третьего и четвертого веков н. э., а не на внутренних свидетельствах. Единственный наиболее важный фактор канонизации — который уже действовал в случае с Ветхим Заветом, — это богодухновенный характер книг. Бог говорит через пророков или через апостолов. Именно этот фактор обеспечивает принятие текстов в церковном сообществе как истинных. Вдобавок на завершение новозаветного канона указывает датировка написания определенных книг. Наконец, мнение о завершённости канона во втором веке н. э. подтверждается традиционной датировкой Мураторианского канона (фрагмента). После теологических споров в третьем веке следующее столетие стало свидетелем подтверждения уже существующего канона, которое сопровождалось официальным признанием римскими властями самой церкви и новой роли христианства как государственной религии.

Критика канона

В последние десятилетия нашего времени невероятно возрос интерес к так называемой критике канона. Ее цель — сосредоточить внимание на библейском тексте в его окончательной форме. Критика канона — это не монолитный блок, она представляет собой огромное разнообразие методов. Вместо того чтобы сосредотачиваться на отдельных личностях, она фокусируется на сообществах, которые оформили принятие этих текстов. Она хочет увидеть, как религиозное сообщество (иудаизм или христианство) справлялись с различными интерпретациями и давлением, прежде чем достигли согласия относительно авторитетного канона. Это, очевидно, интересный вопрос, и его историческое изучение

может дать некоторые подсказки относительно трудностей, с которыми сталкивается церковь двадцать первого века. Однако он упускает базовую составляющую канонизации — инспирированную природу Священного Писания. Сосредоточив внимание на сообществах, создавших эти «инспирированные» труды, он наделяет инспирацией сообщество, а не автора. Это не библейская модель, которая постоянно фокусируется на отдельном человеке (Евр. 1:1) и на ответе этого человека на Божий призыв к служению (Ис. 6:1–8).

Концепция канона в каноне

Концепция «канона в каноне» — это еще одно важное направление развития теологических исследований канона. Она предполагает, что в определенных обстоятельствах или в определенный момент времени или даже в определенном религиозном сообществе некоторые книги следует оценивать выше, чем другие. В конце концов, даже Мартин Лютер называл книгу Иакова «соломенным посланием». Концепцию «канона в каноне» также связывают с «христологическим принципом».

Итак, перед нами вопрос: допустимо ли определить внутри принятого канона ядро книг с наиболее существенным и важным содержанием? В этом контексте часто используется другая метафора, которую также часто можно увидеть в недавних адвентистских публикациях, — это ссылка на центральные моменты веры. Центр и периферия — два полюса, которые можно наблюдать в обсуждениях канона внутри канона. Мы видим, что идея канона внутри канона тесно связана с *критикой содержания*. Очевидно, что она требует оценки на методологическом уровне. Критикуя содержание библейской книги, критик, будь то богослов или обычный человек, на самом деле делает себя самого мерилom истины, а не наоборот. Подобный подход порожден эпохой постмодернизма, но он однозначно не основан на библейской теологии.

«Некоторые части Нового Завета [или Ветхого Завета] могут постоянно обладать более высокой важностью, потому что они длиннее и более всеобъемлющие. Но руководствоваться прагматическими пасторскими решениями и случайными стечениями обстоятельств в признании канона как чего-то относительного — значит отрицать, что вообще существует канон, который и должен быть мерилем наших пасторских решений»⁽¹⁴⁾.

Концепция «канона внутри канона» — это фактически лишь одна сторона тенденции оспаривать достоверность концепции нормативного авторитета. Поскольку она не посягает на изменение содержания канона извне, она наиболее опасна. С другой стороны, она поддерживает тенденцию к расширению канона за счет включения в принятый канон апокрифов или других религиозных трудов того времени.

Некоторые исследователи пытаются провести различие между Ветхим и Новым заветами с точки зрения идеи «канона внутри канона», в результате чего Новый Завет получает, несомненно, больший авторитет. Но на кону здесь важный теологический принцип. Не существует разных степеней инспирации — по крайней мере, согласно самому Священному Писанию. Чтобы сделать возможным существование «канона внутри канона», необходимо назначить разным его частям разный уровень инспирации. Единственная альтернатива — хотя и не совсем надежная с точки зрения методологии — это произвольный отбор текстов, основанный на личных предпочтениях. На самом же деле сама идея нормативного и авторитетного канона выступает против такой концепции.

Установление библейского текста — критика текста

Критика текста — это неотъемлемый ингредиент экзегезы, потому что она предоставляет текстовую базу, необходимую для адекватного толкования и для богословия. Однако в целом это наименее замечаемая и наименее понимаемая

поддисциплина библейских исследований, поскольку она не стоит в «первом ряду» новых теологических методов или представлений. Дух Божий не просто вдохновлял авторов Своего Слова в древние времена, но и следил за тем, чтобы передача инспирированного Слова происходила наилучшим образом. Раввинистические указания и текстовые свидетельства из Кумранских рукописей позволяют предположить, что процесс передачи был поистине священным и проводился с великой заботой и под контролем. Иудейские инструкции включали в себя тип используемых материалов, размер колонок, тип используемых чернил, расстояние между буквами и словами и духовное соответствие писца, копирующего текст.

Однако есть и другой важный аспект при рассмотрении процесса передачи Священного Писания: Бог не только вдохновлял пророков записывать Свое послание планете Земля, Он также и защищал весь процесс передачи записанного Слова (Пс. 11:6,7; Откр. 22:19; *Избранные вести*, т. 1, с. 15). Тем не менее как авторы Священного Писания (Деян. 7:16, см. Быт. 23:8; 33:19; Мф. 27:9) так и Эллен Уайт (*Избранные вести*, т. 1, с. 16) допускали возможность ошибок во время копирования и передачи.

Именно здесь критика текста дает необходимые инструменты для обнаружения возможных ошибок в процессе передачи и определения этих ошибок, тем самым создавая наиболее достоверный библейский текст. Однако такие вопросы обычно не включают в себя доктринальные аспекты, касаясь в основном только чисел, имен или географических мест. Мы должны помнить о следующих пропорциях. Только около десяти процентов еврейского текста стандартного издания имеют текстовые сноски. Девяносто же процентов текста не вызывают никаких сомнений. Поэтому даже десять процентов с некоторыми текстовыми вариациями не меняют в значительной мере значение текста и совсем не влияют на доктрины Священного Писания. Следующее рабочее определение критики текста является своеобразной

отправной точкой для понимания и оценки задачи критики текста: *критика текста пытается выработать наиболее достоверную формулировку библейского текста, применяя определенные принципы, сравнивая наиболее древние манускрипты и сохранившиеся версии.*

Критика текста в первую очередь касается передачи библейского текста и не является подходящим инструментом для определения происхождения или предполагаемой более поздней версии (или редакции) любого библейского текста. Это направление, которое стало модным в последних исследованиях.

Древние тексты не были спущены нам в печатной или цифровой форме, но более 3 000 лет писцам приходилось вручную записывать и переписывать более ранние копии. И если в современных печатных материалах, которые были вычитаны, проверены и перепроверены компьютерным способом много раз, постоянно находятся ошибки, то что говорить о рукописных материалах. Передача древних текстов полностью зависела от здравого смысла, концентрации и способностей древних писцов. Очевидно, что даже эти экстраординарные богословы иногда ошибались, что приводило к текстовым погрешностям в последующих копиях. Бывало, что когда следующий писец переписывал ошибочный текст, он пытался исправить допущенную ранее ошибку, что порой приводило к еще большей путанице.

На первый взгляд появление каких-то неточностей при переписывании должно было бы создать значительные трудности, поскольку, в конце концов, речь идет о священной весте. Однако почти в каждом случае альтернативное прочтение добавляет несколько вопросов к передаваемому тексту. Библейское богословие стоит выше того, что описывается как незначительные ошибки писцов, потому что все важные доктрины в Библии базируются на широких пластах текстового материала.

Со всем уважением к источникам Библия дошла до нас подтвержденной лучше, чем любой другой древний текст.

В большинстве случаев мы можем привлечь несколько источников, каждый из которых имеет свои ограничения, но совместно они представляют собой сильное свидетельство своей надежности. Для Ветхого Завета масоретский текст — это наше наиболее важное свидетельство на еврейском языке. Обнаружение известных Свитков Мертвого моря пролило свет на то, как в древности относились к Священному Писанию и хранили его. В основном эти тексты — некоторые из них на 1000 лет старше других библейских текстовых источников — подтвердили как формулировки традиционного иудейского текста, так и интенсивность усилий по сохранению священных книг в неприкосновенности. Другие рукописные источники включают в себя Самарийское Пятикнижие, Септуагинту, а также различные комментарии и ссылки более поздних авторов. В случае с Новым Заветом у нас просто изобилие источников, тысячи манускриптов, некоторые из них относятся к великой древности. Среди фрагментов папируса есть несколько документов, созданных в том же поколении, когда были записаны первые библейские книги. Еще больше источников дают нам древние переводы и ссылки на ранних христианских писателей.

Хотя мы не можем здесь исследовать технические методы, использованные, чтобы обеспечить правильное звучание оригинальных текстов, этот необходимый процесс стал не просто чистой наукой, а почти искусством. Коротко говоря, мы можем обеспечить достоверность библейского текста, с которого делается перевод. Поскольку в каждом переводе содержится точка зрения, изучение нескольких переводов помогает нам уловить первоначальный замысел библейского автора. Однако будет мудрым отобрать те переводы, которые близко придерживаются текста рукописного источника. Достаточно опасно строить богословское понимание на слабых переводах, включающих в себя значительную адаптацию текста в попытке популяризировать Библию.

Заключение

Адвентистское понимание канона и текста основывается на четком представлении об инспирации (богодухновенности). Тот же Дух Святой, Который вдохновлял авторов в разные периоды времени, в разном историческом контексте, активно участвовал и в сохранении, и в передаче Священного Писания. Одно из главных свойств библейского канона — это то, что по своей природе он подтверждает сам себя, поскольку был «инспирирован». Как указывалось ранее, канонизация — не социологический феномен, но историческое подтверждение авторитета и боговдохновенной природы Священного Писания. Очевидно, что уже к концу пятого века до н. э. ветхозаветный канон был определен и широко известен, лишь несколько книг продолжали обсуждаться в иудейских кругах. Иисус и апостолы воспринимали Писание как нечто целостное и определенное, устоявшееся в иудаизме того периода и хорошо известное каждому.

Ранняя церковь переняла концепцию Писания из иудаизма, а также сформировала новозаветный канон. В целом этот процесс завершился ко второму веку н. э., хотя труды отдельных отцов церкви свидетельствуют о продолжающихся спорах относительно канонизации. Важно подчеркнуть, что канон, как и само Священное Писание, основывается не на предании, а, скорее, на Божьем авторитетном Слове и его сохранении.

С вопросом определения границ канона тесно связан и вопрос передачи Священного Писания. Чтобы оценить огромный труд по копированию Библии вручную на протяжении 2500 лет до изобретения Гутенбергом в 1456 году печатного станка с подвижными литерами, мы должны понять работу переписчика/писца, возможность ошибок, природу используемых языков, историю текста и его версий.

Сегодня даже простые люди, не имеющие доступа к языкам оригиналов, имеют в своем распоряжении широкое

разнообразие вспомогательных источников, от переводов и библейских словарей до комментариев, написанных специалистами, и других опубликованных ресурсов. При использовании всех этих источников читатель должен внимательно относиться к предпочтениям, мнениям и даже предубеждениям тех, кто готовил эти материалы. Чтобы современный читатель мог действительно получить доступ к Божьей вести, необходимо подходить к Его Слову с уважением и под водительством Святого Духа.

Важность того, чтобы работать более серьезно и тесно со Словом Божьим, подчеркивал еще пророк Исаия, заявлявший: «Так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис. 55:11).

Ссылки

- (1) Слово *kanon* встречается в Новом Завете всего 4 раза (Гал. 6:26 и 2 Кор. 10:13, 15, 16). Во 2 Кор. 10 оно относится к назначенной сфере служения. См. Linda L. Belleville, “Canon of the New Testament,” in *Foundations for Biblical Interpretation. A Complete Library of Tools and Resources*, eds. David S. Dockery, Kenneth A. Mathews, and Robert B. Sloan (Nashville: Broadman & Holman Publishers, 1994), p. 375.
- (2) Он писал: «Отринем праздные, пустые размышления и обратимся к прославленному и торжественному стандарту (*kanona*), сошедшему к нам» (1 Clement 7:2 in Edgar J. Goodspeed, *The Apostolic Fathers* [London: Independent Press, 1950], p. 52).
- (3) Климент Александрийский, *Stromata* 6.15.125.
- (4) Беллвилль на с. 375 предположил, что Афанасий, епископ Александрийский, примерно в 353 г. до н.э. первым использовал этот термин для отличия подлинного Писания от неподлинного. В 363 г. синод в Лаодикии стал первым церковным собором, использовавшим этот термин для разделения между «каноническими» и «неканоническими» книгами.
- (5) Ссылка в Мф. 23:35 связывает Авеля, первого мученика, с Захарией, последним мучеником, упомянутым в последней книге иудейского канона (2 Пар. 24:20). Бытие и 2 Паралипоменон представляют, согласно иудейскому канону, первую и последнюю книги канона.
- (6) Таблица основана на книге Andrew E. Hill and John H. Walton, *A Survey of the Old Testament* (Grand Rapids, MI: Zondervan Publishing House, 1991), p. 21.
- (7) Слово «апокриф» значит «скрытый» и обозначает те книги, которые возникли вокруг канона, как ветхозаветного, так и новозаветного. Краткое введение в апокрифы Ветхого Завета можно найти в Н. Charlesworth, “Old Testament Apocrypha,” in *Anchor Bible Dictionary*, ed. David Noel Freedman, Gary A. Herion, David F. Grafetal., 6 vols.

- (New York: Doubleday, 1992), 1:292–294. Дополнительную информацию можно найти в George W. E. Nickelsburg, *Jewish Literature Between the Bible and the Mishnah* (Philadelphia: Fortress Press, 1981).
- (8) Вероятно, он цитировал Эпименида Критского (Деян. 17:28а; Тит. 1:12) и Арата Киликийского (Деян. 17:28б).
- (9) К примеру, в книге Премудрости Соломона 3:1–6 можно найти удобное основание для доктрины о чистилище.
- (10) Василий Великий (ок. 330–379 гг.) направил официальную теологию церкви по пути, согласно которому «устные предания апостольского происхождения, не находящиеся в Писании, но сохраненные в церкви, могут приниматься как наделенные Божьим авторитетом» (см. статью Петера М. ван Беммелена «Божественное откровение и вдохновение» в *Настольной книге по теологии*. Библейский комментарий АСД, т. 12, с. 30, Заокский, 2010).
- (11) John Van Engen, "Tradition," in *Evangelical Dictionary of Theology*, ed. Waller A. Elwell (Grand Rapids, MI/Carlisle: Baker Books/Paternoster Press, 1984), p. 1105.
- (12) Daniel J. Harrington, "Introduction to the Canon," in *The New Interpreter's Bible. Volume 1: General Articles*, ed. Leander E. Keck, 12 vols. (Nashville: Abingdon Press, 1994), 1:20.
- (13) J. W. Charly, "Roman Catholic Theology," in *New Dictionary of Theology*, eds. Sinclair B. Ferguson and David F. Wright (Leicester/Downers Grove: InterVarsity Press, 1988), p. 598.
- (14) D. A. Carson, Douglas J. Moo, and Leon Morris, *An Introduction to the New Testament* (Grand Rapids, MI: Zondervan Publishing House, 1992), p. 498.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ТОЛКОВАНИЮ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

*Эккехардт Мюллер, доктор теологии,
помощник директора Института библейских
исследований ГК*

Введение

Вопрос о том, какой метод необходимо использовать для толкования Священного Писания, представляет собой сегодня важную и очень практическую проблему. То, что толкование необходимо, подчеркивал еще Иисус (Лк. 24:27). Эта статья начинается с общих рекомендаций, затем переходит к конкретным экзегетическим шагам, которые помогают нам понять Слово Божье. С самого начала мы должны помнить о том, что главной целью толкования должно быть появление «горящего сердца» (Лк. 24:32) как у толкователя, так и у его аудитории. Только так человек может приблизиться к Богу.

1. Историко-библейский метод

Историко-библейский метод иногда называют библейско-грамматическим подходом к изучению Писания, историко-грамматическим методом или грамматико-историческим методом. Его следует отличать от преобладающего в современной библеистике историко-критического метода с его критикой источников, критикой форм, критикой редакций, историей традиции и социально-научной критикой.

В отличие от большинства других подходов историко-библейский метод признает собственную оценку Писания и изучает его феномен. Метод принимает за установку утверждение о том, что Бог открывает Себя (1 Цар. 3:21), что Он вступает в отношения с людьми, авторами Писания (Ам. 3:7; Еф. 3:5), что Он сообщает пропозициональную истину и передает весть (Дан. 10:1; Тит. 1:3), что Он побуждает авторов делиться этой вестью с другими (2 Тим. 3:16; 1 Петр. 1:10–12; 2 Петр. 1:19–21) и что записанная весть — это Слово Божье (Мк. 7:10–13). Основными предпосылками историко-библейского метода считаются следующие:

1. Только Библия является окончательным и наивысшим мерилom истины (Ис. 8:20; 66:2). Чуждые принципы толкования, навязываемые Библии извне и не уважающие ее свидетельствa о ней самой, должны быть отвергнуты. Принципы, вытекающие из философии, психологии и социологии, не могут быть определяющими в толковании текста. Предание и наука не определяют вопросы веры, хотя и занимают серьезное место в жизни человека.

2. Вторая предпосылка включает в себя целостное восприятие Писания. Вся Библия — записанное Слово Божье, а не просто какие-то ее части (2 Тим. 3:16). Послания пророков и апостолов — это пропозициональное Слово Божье (2 Пар. 36:15, 16; Рим. 3:2; 1 Фес. 2:13). Человеческая и Божественная стороны Писания неразрывно связаны (2 Петр. 1:19–21).

3. Принцип аналогии или гармонии Писания, который проявляет себя в трех основных моментах: (а) Писание толкует само себя (Лк. 24:27). Чтобы правильно представлять библейскую доктрину, необходимо собрать воедино и изучить все тексты, посвященные какой-то теме. Это не использование текста в качестве доказательства собственных идей, когда тексты соединяют друг с другом без учета их контекста. (б) В текстах Священного Писания есть фундаментальная согласованность или единство (Ин. 10:35). (в) Писание характеризуется ясностью. Эта ясность

означает не только то, что Библию можно понять, но также и то, что понятные тексты проливают свет на более сложные (1 Петр. 1:10–12).

4. Духовные вещи следует понимать духовно (1 Кор. 2:11, 14): тот, кто хочет понять Священное Писание, нуждается в просвещении от Духа Святого (Ин. 14:26). В то же время Святой Дух не действует вопреки Писанию, которое Он инспирировал. С другой стороны, тот, кто толкует Писание, должен обладать верой и духовным отношением к религиозным вещам (2 Пар. 20:20).

Проблема текста

Наш мир сегодня разительно отличается от древнего Ближнего Востока. Большинство из нас не говорят на тех языках, на которых писали библейские авторы, а многие элементы нашей культуры отличаются от тех, которые описаны в Библии. Поэтому мы должны исследовать библейские тексты и пытаться понять язык, время и обстоятельства, при которых эти тексты были написаны. Мы должны стараться смотреть глазами тех, кто жил столетия назад, и слышать их ушами библейскую весть, с которой к ним обращались. Преодолевая барьеры времени, языка и культуры, мы можем приблизиться к пониманию библейского текста и применить его к нашей сегодняшней ситуации.

Нужно ли нам делать четкое различие между тем, что текст означает сейчас, и тем, что он означал в прошлом? За этим вопросом стоит идея о том, что библейский текст необходимо применять совершенно новым способом, чтобы он соответствовал нашей нынешней ситуации. Когда это происходит, библейская лексика по-прежнему используется, но в нее вкладывается совершенно новое значение. Например, некоторые считают, что воскресение Иисуса, которое Новый Завет представляет как гарантию будущего физического воскресения искупленных, не было историческим и буквальным воскресением. Оно указывает лишь на духовное воскресение верующих к новой жизни здесь

и сейчас, что бы это ни означало. Если придерживаться подобного подхода, мы подменяем первоначальные намерения Бога авторитетом человека, толкователя, и таким образом делаем текст открытым для бесчисленных интерпретаций. На смену истине приходит релятивизм и плюрализм.

Хотя понятно, что Бог через пророков говорил в конкретной исторической ситуации, Его Слово превосходит эти ситуации, являясь актуальным и для нас сегодня. Несмотря на временную дистанцию, человеческую расу характеризует высокая степень преемственности вне зависимости от эпохи, культуры и обстоятельств, особенно когда речь идет о вопросах нравственности⁽¹⁾.

Слово Божье не обусловлено культурно или исторически, хотя и появилось в определенной культурно-исторической среде. Оно превосходит культуру и простирается до нас, живущих сегодня. Поэтому и сегодня библейский текст означает для нас то же самое, что он означал в целом в первоначальных условиях его написания. Любое применение текста к нашей ситуации должно быть привязано к первоначальному значению. Как уже отмечалось выше, Сам Иисус подчеркивал, что Писание было адресовано не только первоначальной аудитории, но и Его современникам, а также будущим поколениям людей⁽²⁾.

2. Толкование библейского текста

Говоря о библейском тексте, мы подразумеваем как отдельный стих, так и целый библейский отрывок, состоящий из нескольких стихов. Вот основные экзегетические шаги в хронологическом порядке, которые должен предпринять исследователь текста Библии:

1. Обратиться к Богу с молитвой.
2. Прочсть текст.
3. Использовать наилучший вариант текста.
4. Перевести текст.
5. Исследовать контекст.
6. Проанализировать текст.

7. Провести богословский анализ.
8. Применить текст.
9. Использовать ресурсы.
10. Не спешить с окончательным выводом.

Каждый из этих шагов важен. Однако люди, не обученные богословию или библейской экзегезе, могут пропустить третий шаг, работать с существующим переводом (шаг четыре) или могут упростить анализ текста, включенный в шаг номер шесть. Даже при таких поправках историко-библейский подход к Священному Писанию будет им полезен⁽³⁾.

Шаг первый: обратиться к Богу с молитвой

Учитывая то, что духовные вещи познаются духовно (1 Кор. 14:14), перед началом изучения Библии естественно обратиться к Богу в молитве. Поскольку Библия есть Слово Божье, просвещение от Святого Духа имеет важное значение для правильного понимания текста. Взаимодействие между молитвой и изучением Писания показано в Дан. 9:1–19. В этом случае за изучением Библии последовала молитва. В молитве мы просим Бога о мудрости (Иак. 1:5) и о руководстве Духом Святым (Лк. 11:13) в раскрытии Его Слова. Однако молитва не ограничивается временем до изучения Писания. Переводчик может обращаться к Богу в течение всей работы, чтобы понять библейский текст. В молитве исследователь представляет Господу то, что его озадачивает, получая ответ на личные вызовы, которые ставит перед ним Писание. Таким образом, происходит диалог между Богом и Его Словом, с одной стороны, и человеческим посредником — с другой.

Шаг второй: прочесть текст

В Откр. 1:3 читатели Апокалипсиса называются блаженными. В Лк. 4:16–19 отмечается, что Иисус читает Писание, прежде чем начать истолковывать и применять его (см. также Лк. 4:21–27). Чтение Писания может быть личным или

публичным. В нашем случае мы имеем дело с личным обращением к тексту.

Чтобы получить представление об отрывке, текст необходимо прочитать тщательно и неоднократно, предпочтительно в более широком контексте. Очень полезным может быть заучивание отрывка. Заучивание требует постоянного повторения текста. Частое повторение оживляет отрывок для читателя, открывая новые его грани.

Шаг третий: использовать наилучший вариант текста

В библейские времена большая часть библейских манускриптов не была доступна, и авторы Нового Завета, похоже, использовали разные варианты Септуагинты (LXX) и еврейского текста. Однако в Библии подчеркивается необходимость сохранения текста без добавлений и сокращений (Втор 4:2; 12:32; Откр. 22:18, 19). Поскольку сегодня у нас под рукой тысячи манускриптов Нового Завета, а также множество ветхозаветных документов, нам нужно находить наилучший текст.

Несмотря на обнаруженные тысячи библейских рукописей, оригинальных рукописей у нас нет. Существующие рукописи — это копии копий с оригиналов, содержащие несколько вариантов текстов. Исследователи заинтересованы в тщательной реконструкции оригинального библейского текста, чтобы максимально приблизиться к оригиналу. Следует отметить, что Библия остается самой сохранившейся рукописью древности, она надежна и заслуживает доверия. Текстовый анализ может быть довольно сложным, что является прерогативой специалистов. Это требует хороших рабочих знаний нескольких древних языков, поскольку задача не ограничивается рукописями на греческом и иврите. В задачу исследователя входит знакомство с текстом Библии на других языках, а также с библейскими цитатами в трудах отцов церкви. Большинство из нас работает с уста-

новленными текстами на греческом или иврите и/или переводами на наши родные языки.

Шаг четвертый: перевести текст

В отличие от Корана, который в основном должен читаться на арабском, библейский текст представлен на трех языках: иврите, арамейском и греческом. Переводы можно встретить и в самой Библии, например, в Быт. 31:48 (арамейский и иврит) и Рим. 8:15 (арамейский и греческий).

Человек, который знает библейские языки — иврит, арамейский и греческий, должен перевести исследуемый отрывок и записать перевод. В тексте могут существовать нюансы и варианты, которые не может передать никакой перевод. Переводчики, как правило, приняли определенные решения, и даже лучший перевод уже является интерпретацией.

Все те, кто не имеет доступа к соответствующему библейскому языку, должны сверяться, где это возможно, с несколькими хорошими переводами. Существуют различные варианты перевода Библии. Можно найти парафраз, который на самом деле является не переводом, а скорее описанием библейского содержания собственными словами с большими возможностями для интерпретации. Например, *Ясное Слово (Clear Word)* является парафразом⁽⁴⁾. Настоящие переводы подразделяются на формальные или динамические переводы.

Формальные переводы стремятся держаться как можно ближе к оригинальному языку. Библия короля Иакова, *Исправленное стандартное издание* и *Новое американское исправленное издание Библии* относятся к категории официальных переводов. Однако некоторые версии могут казаться несколько топорными.

Динамические переводы пытаются создать связь между читателем и переводом, аналогичную той, которая существовала между первоначальным читателем и исходным текстом. Они менее буквальны, чем официальные перево-

ды. Они не только анализируют текст, но и стараются реструктурировать его. *Новая английская Библия* (NEB) и *Современный английский перевод* (TEV) относятся к этому типу перевода, тогда как *Новый международный перевод* (NIV) стоит между формальным и динамическим переводами.

К хорошим переводам на английском языке относится *Библия короля Иакова*, хотя ее язык иногда устаревший и порой его трудно понять. Кроме того, греческие рукописи, используемые для KJV, не включают в себя лучшие рукописи, обнаруженные позже. Новая Библия короля Иакова (NKJV), *Исправленное стандартное издание* (RSV), *Новый международный перевод* (NIV), *Американский стандартный перевод* (ASV) и *Новая американская стандартная Библия* (NASB) основаны на самых древних рукописях, причем последние два варианта являются наиболее буквальными английскими переводами.

Хотя порой мы можем столкнуться с проблемами в существующих библейских переводах, в целом им можно доверять. Использование нескольких переводов может служить гарантией от проявления вольностей, которые могли позволить себе некоторые переводчики или группы переводчиков.

Шаг пятый: исследовать контекст

Отрицательным примером, иллюстрирующим пренебрежение к контексту Священного Писания, является второе искушение Иисуса (Мф. 4:6), в котором сатана бросает вызов Иисусу цитатой из Пс. 90:11, 12. Здесь приведена не полная цитата из оригинального текста, и, следовательно, ее смысл был несколько искажен. Псалмопевец говорит о Божьем руководстве «на всех путях твоих», а не только о Его вмешательстве в особые ситуации. Контекст в Пс. 90 указывает на то, что есть ловушки и язвы, от которых Бог охраняет верующих. Иисус выступает против любого искажения библейского текста через игнорирование его контекста. В Мф. 19:4–8 Иисус говорит о разводе, ссылаясь на кон-

текст истории Творения в Ветхом Завете (более широкий контекст), подтверждая тем самым принцип, что Писание толкует само себя.

Необходимо различать историко-культурный контекст и литературный контекст. Литературный контекст можно разделить на более широкий литературный контекст и непосредственный литературный контекст.

1. Исторический контекст. Знание историко-культурного контекста позволяет найти ответы на следующие вопросы. Когда была написана библейская книга? Кто был ее автором? Кому была первоначально адресована книга? Какова была цель автора? В какое время и в какой географической местности произошли события, описанные в этой книге? Какова была политическая, экономическая и социальная ситуация в то время? Что мы знаем о религиозном контексте и обстановке? Какие обычаи преобладали? Как люди жили, работали и обеспечивали себя? Что они ели?

Сама Библия, археология, география и история проливают свет на исторический контекст. Исторический контекст очень полезен и крайне необходим для лучшего понимания изучаемого текста. Например, время написания книги Даниила, а также имя автора можно узнать из самой книги. Даты происходивших событий, а также другие хронологические данные часто можно найти в начале разных глав (Дан. 1:1; 2:1; 6:1; 7:1; 8:1; 9:1; 10:1). Эта информация позволяет заключить, что книга была написана в шестом веке до н. э.

2. Литературный контекст. Литературный контекст включает в себя стихи, разделы, главы и даже книги, которые предшествуют изучаемому тексту или следуют за ним. Обычно литературный контекст более доступен, чем исторический контекст. Принято различать более широкий и непосредственный литературный контекст.

а. Более широкий литературный контекст. Им является Писание, а точнее, библейская книга, из которой бе-

рется текст. Необходимо ознакомиться с этим контекстом. Исследуемый текст является частью общей вести библейского автора и должен каким-то образом вписываться в эту общую весть. Обычно тексты не бывают полностью оторваны от более широкого контекста. Поэтому мы стремимся найти в книге место главного аргумента автора.

Например, Послание к галатам посвящено конкретно теме оправдания по вере, в то время как в Послании к ефесянам подчеркивается природа церкви. Общую весть или важную тему библейской книги можно определить, попытавшись найти утверждение автора, говорящего о цели послания, составив план документа, отмечая повторяемые слова, фразы или темы, сосредоточив внимание на действующих персонажах и учитывая место и время, в котором происходит действие.

Рассмотрим это на примерах из посланий Петра. В первом послании автор, похоже, сосредоточен на страданиях. Ни одна из книг Нового Завета не упоминает страдания так часто и не развивает эту тему так ясно. Но, несмотря на страдания, апостол призывает членов церкви к благочестивому поведению и добрым делам, что является второй важной темой.

Самый широкий контекст — это вся Библия с ее планом спасения. Обычно каждый текст, который мы изучаем, содержит интересные слова и конкретные темы. Прежде всего эти слова и темы следует отследить во всей библейской книге, в которой они появляются. Если автор написал более одной книги, мы также можем проследить их через все эти библейские книги. Наконец, можно пойти дальше и исследовать, как другие библейские авторы использовали эти же слова и понятия. Здесь мы можем обнаружить либо сходство, либо различие, хотя авторы Священного Писания не противоречат друг другу. Они могут делать разные акценты. Здесь мы сталкиваемся с принципом, что Писание является своим собственным толкователем и что один текст может пролить свет на другой.

б. Непосредственный литературный контекст. Одним из наиболее важных видов деятельности, если не самым важным элементом библейской интерпретации, является изучение непосредственного контекста. Даже смысл слов обычно определяется из контекста. Возможность распознавать, как текст соотносится со своим контекстом, помогает исследователю Библии избежать ложных или предвзятых толкований.

Например, отрывок Ис. 65:17–25 еще не является описанием нового неба и новой земли, как это изображено в Откр. 21, 22. Поэтому в Ис. 65:20 смерть еще по-прежнему присутствует (см. также Ис. 65:23 и 66:23, 24). Это условное пророчество для Израиля, указывающее на почти идеальное государство, которое никогда не было выполнено в локальном масштабе, но которое ожидает окончательного исполнения во вселенском масштабе, как показано в Откр. 21, 22. Точно так же в 1 Кор. 2:9 описывается не новая земля, но мудрость Бога, явленная в Иисусе для нашего спасения. Изучение контекста также включает в себя изучение его структуры, определение границ отрывков и определение его литературного жанра.

(1) Структура. Исследуя непосредственный контекст, то есть стихи и абзацы, предшествующие изучаемому тексту и следующие за ним, необходимо помнить о следующих вопросах. Как наш текст вписывается в контекст? Как текст связан с тем, что ему предшествует и что за ним следует?

Порой у читателей новозаветных евангелий и посланий создается впечатление, что авторы несколько неорганизованны в представлении своих идей и повествований. Однако при внимательном изучении обычно становится заметной хорошо организованная схема и четкая цель. Авторы не всегда следуют привычному нам порядку. Например, они могут связывать отрывки с использованием одного или нескольких богословских терминов. Важно помнить, что библейские книги не являются хаотическими трудами, не имеющими никакой последовательности и порядка, они

представляют собой образцы первоклассной литературы. Поэтому необходимо тщательно изучать структуру контекста, чтобы получить четкое представление о том, что происходит.

Определение структуры отрывка или документа может помочь нам понять ход мыслей автора, заметить связь между различными частями документа и улучшить наше понимание отрывка.

Определение плана контекста может быть достигнуто путем анализа содержания документа или изучения литературных особенностей книги, таких как повторяющиеся слова, фразы и целые предложения. Для определения структуры можно искать богословские мотивы, упоминания персонажей, географическое местоположение, временные рамки документа, хиазмы, прогрессии, тематические параллели, параллельные повествования и повторения.

- Богословский мотив. Так, важным богословским мотивом в Евангелии от Луки является отвержение Мессии. Эта тема постоянно повторяется.
- Упоминаемые персонажи. Действующие персонажи книги Откр. 4:1–8:1 сильно отличаются от тех, кто описан в Откр. 8:2–11:18. В видении о печатях Агнец появляется десять раз, в видении о трубах не упоминается вовсе. Это справедливо и для животных, которые в Откр. 4–7 встречаются двенадцать раз и ни разу — в отрывке о трубах. Однако в видении о трубах упор делается на жителях земли.
- Географическое местоположение. Географические места весьма важны в Евангелии от Иоанна и могут использоваться для определения его структуры.
- Временные рамки. В книге Откровение первая половина книги несколько раз изображает период между первым столетием н. э. и концом истории, тогда как вторая половина сосредоточена только на событиях последнего времени.
- Хиазмы. Хиазм — это структура, в которой первая часть

соответствует самой последней части, вторая от начала — второй с конца, третья от начала — третьей с конца и т. д. В середине может быть одна или две кульминации. Хиазмы типичны для еврейского мышления. Вот классический пример из книги пророка Даниила:

- Дан. 2 — Четыре империи
 - Дан. 3 — Указ о наказании верных детей Божьих
 - Дан. 4 — Осуждение царя вавилонского Навуходоносора
 - Дан. 5 — Осуждение царя вавилонского Валтасара
 - Дан. 6 — Указ о наказании верных детей Божьих
 - Дан. 7 — Четыре империи
- Прогрессия. Прогрессию можно найти во вводных сценах книги Откровение, все они связаны со святилищем.
 - Тематические параллели. Например, существует тематическая параллель между человеком, рожденным слепым, и духовно слепым в Ин. 9.
 - Параллельное повествование. Параллельное повествование встречается в рассказах о Павле в Деян. 9, 22 и 26.
 - Повторы. Повторы часто встречаются, например, в Откр. 16:12–21 по сравнению с Откр. 17–19.

(2) *Границы отрывков.* Еще один вопрос, возникающий при изучении контекста, а затем при анализе текста: где проходит граница определенного отрывка? Где начинается и заканчивается отрывок? К примеру, определение границ отрывков очень важно в книге Откровение.

(3) *Литературный жанр.* Еще один вопрос — какой вид литературы используется. Поэзия это или проза? Поэзия часто довольно образна и метафорична и не должна чрезмерно толковаться. Тем не менее следует избегать другой крайности — обесценивания любой исторической ценности, обнаруживаемой в поэзии.

Является ли контекст и/или текст историческим повествованием или пророчеством? Если пророчеством, то классическое это пророчество или апокалиптическое, как, например, в книгах Даниила и Откровение, которое может

включать в себя множество символов и фантастических персонажей? Классическое пророчество обычно условно. Оно может также иметь более одного исполнения, тогда как апокалиптическое пророчество «изображает борьбу между добром и злом и окончательную победу и установление вечного Царства Бога. Следовательно, оно не обусловлено реакциями человека»⁽⁵⁾ и показывает будущее, каким оно будет, а не каким оно могло бы быть.

Шаг шестой: проанализировать текст

В некоторых местах отчетливо видна структура Писания. Часто встречающиеся хиазмы, многие параллелизмы и краестрочное построение некоторых псалмов узнаваемы почти для всех. Иоанн в своем Апокалипсисе, похоже, перенял некоторые структурные принципы из книги Даниила, такие как, например, повторение.

Новозаветные авторы, активно используя Ветхий Завет, обращали внимание на конкретные слова и толковали их. Например, в Рим. 4 Павел ссылается на Быт. 15:6 и разъясняет истину об оправдании по вере. В Гал. 3:16 он подчеркивает единственное число существительного «семья». В цитатах из Ветхого Завета, приведенных в Рим. 3, Павел подчеркивает слова «никто» и «все», прежде чем сделать вывод о том, что «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3:23). Само Писание побуждает нас внимательно исследовать текст.

Анализ текста включает в себя исследование структуры текста, его литературной формы, отдельных слов, фраз, предложений и более крупных частей.

1. Различные виды структур. Структура стихов и разделов может довольно сильно различаться. Необходимо помнить, что не нужно навязывать тексту свою структуру; скорее, структуру нужно находить в тексте. Поэтому следует отказаться от того, чтобы менять порядок слов или стихов, чтобы уложить их в структуру. Однако если мы обнаружим структуру текста, это поможет нам понять и ис-

толковать его. Вот несколько возможных вариантов структуры текста:

а. *План*. План помогает нам лучше понять вопросы, которые представляет автор, его главную мысль, отступления, которые он делает, и расположение материала. Например, план отрывка Лк. 12:15–21 можно представить следующим образом:

1. Вступление: принцип 12:15
2. Притча 12:16–20
 - а. Сцена 1: Богатый человек 12:16–19
 - (1) Информация о нем 12:16
 - (2) Внутренний монолог 12:17–19
 - (а) Вопрос 12:17
 - (б) Ответ 12:18, 19
 - б. Сцена 2: Бог 12:20

Монолог
(Тема: Душа и добро)
3. Заключение: Принцип 12:21

б. В *краестрочном плане* в начале последовательных стихов используются буквы в алфавитном порядке⁽⁶⁾. Это можно увидеть только в оригинальном тексте.

в. *Инклюзия* — это своего рода кольцевая структура. Утверждение из начала отрывка повторяется в конце.

г. *Хиазм*. Хиазм бывает двух видов: АББ'А или АБА'. Они могут расширяться или объединяться и используются как на уровне предложений, так и на уровне стихов, а также на уровне более крупных частей текста и даже библейских книг.

Вот пример хиазма, который встречается в книге пророка Амоса (5:4–6а).

- А «Ибо так говорит ГОСПОДЬ дому Израилеву: **ВЗЫЩИТЕ МЕНЯ И БУДЕТЕ ЖИВЫ;**
 Б не ищите *Вефиля*,
 В и не ходите в *Галгал*
 Г и в *Вирсавию* не странствуйте;
 В' ибо *Галгал* весь пойдет в плен,
 Б' и *Вефиль* обратится в ничто.
 А' **ВЗЫЩИТЕ ГОСПОДА — И БУДЕТЕ ЖИВЫ**, чтоб Он не устремился на дом Иосифов как огонь».

д. Важнейшей особенностью еврейской поэзии является *параллелизм*. Он распространяется также на Новый Завет, потому что его авторы придерживались иудейского мышления. В параллелизме вторая строка по смыслу тесно связана с первой строкой или как повторение, расширение или как противопоставление. Поэтому одна строка может использоваться для объяснения другой строки.

Известный пример параллелизма встречается в Притч. 9:10. Здесь части текста соотносятся в сгруппированном виде.

*Начало мудрости — страх Господень,
и познание Святого — разум.*

е. Другие приемы включают в себя *кульминацию*, *контраст* и *повторение* слов, фраз и мыслей. Например, в 1 Ин. 1:6–10 все стихи начинаются аналогично («если мы»). Три из них начинаются одинаково: «если мы говорим» (1:6, 8, 10). Эти три стиха отрицательны и представляют собой резкий контраст со стихами между ними, которые содержат Божественные обещания (1:7, 9). Подобная структура подчеркивает разницу между требованиями человека и предложением Бога. Кроме того, с отрицательными стихами (1:6, 8, 10) происходит интенсификация, так что кульминация достигается в последнем стихе.

2. Литературные формы. Литературные формы могут меняться по мере того, как читатель переходит от контек-

ста к самому тексту. На уровне форм мы можем, например, различать исповеди, благодарность, гимны, царские псалмы и эсхатологические псалмы, казуистический закон и аподиктический закон⁽⁷⁾, формулы веры, пословицы, притчи, истории о чудесах, рассказы о страстях, наставления, судебные разбирательства и проповеди.

В Священном Писании мы находим повествования, которые описывают определенное поведение, не содержащее призыва подражать этому конкретному поведению. Кроме того, мы встречаем описания, заповеди и наставления, которые прямо или косвенно требуют положительной реакции (Рим. 15:4). Поведению, которое Писание ясно идентифицирует как нравственно отрицательное, не следует подражать, а положительному отношению и конструктивному поведению — следует. Например, если вера Авраама является образцовой (Рим. 4) и мы призваны следовать по стопам Христа (1 Петр. 2:21), то пьянству Ноя подражать не следует (Быт. 9:20–24).

3. Исследование более крупных частей текста. Более крупные части исследуемого текста — это стихи и короткие разделы. При изучении этих частей необходимо учитывать ряд моментов.

а. Разделение текста. Разделения на стихи и главы, которые есть в современных изданиях Библии, нет в оригинальном тексте, оно было добавлено гораздо позже. Зачастую это разделение件лезно, но иногда — нет. В ряде мест в английском переводе нумерация глав и стихов отличается от нумерации в иврите и греческом, а также от переводов на другие языки помимо английского. Важно отметить, что разделение на главы и стихи не должно определять наше толкование данного отрывка. Это, например, хорошо видно в Откр. 20:5, где последняя часть стиха явно относится к стиху 6⁽⁸⁾.

б. Основная мысль. Исследуя более крупные отрывки, мы должны задать себе следующие вопросы. Какова основная мысль автора? Как автор развивает свою позицию? Где

он уходит в сторону или вставляет какие-то дополнительные идеи? Какова главная цель, к которой он движется? При изучении раздела важно найти основную тему или главную заботу автора.

в. Время и географическое местоположение. Часто бывает полезным исследовать элемент времени и географические места, упомянутые в тексте. Мы можем встретить описания прошлых событий, временные пророчества и рассказы о будущем, написанные таким образом, словно они происходят в описываемый момент. Географические места могут оказывать влияние на провозглашаемую весть. Важно заметить, что смена места действия происходит и в том случае, когда внимание переводится с событий на земле к происходящему в небесном мире. Так, в Откр. 12 происходят важные изменения во времени и месте действия. Стихи 1–5 изображают ранний конфликт между драконом и женщиной; стих 6 — средневековый конфликт между драконом и женщиной; стихи 7–12 — борьбу между Михаилом и драконом на небесах; стихи 13–16, опять же, — средневековый конфликт между драконом и женщиной; а в стихе 17 — конфликт последнего времени между драконом и «остатком», потомками женщины.

г. Действующие лица. Полезно посмотреть на разных людей, упоминаемых в тексте, и проследить за тем, как они взаимодействуют. Изучение этих персонажей может иметь большое значение для вести, содержащейся в исследуемом отрывке.

д. Связь с другими частями документа и другой литературой. Важными являются литературные связи с другими частями того же документа, такие как, например, фразы, используемые в исследуемом тексте и в других местах Библии. Исследователь должен видеть, где автор цитирует Ветхий Завет, где он ссылается на Ветхий или на Новый заветы, как его собственные слова используются позже в каноне, где он ссылается на внебиблейские документы.

Полезно изучать параллельные повествования, например, в евангелиях или в книгах Царств и Паралипоменон⁽⁹⁾.

Авторы Нового Завета часто цитируют отрывки из Ветхого Завета. К примеру, мы видим цепь цитат из Ветхого Завета в Рим. 3. Книга Откровение изобилует аллюзиями на Ветхий Завет, хотя и не содержит ни одной прямой цитаты из Ветхого Завета. Например, Откр. 4 основывается на 1-й и 10-й главах книги пророка Иезекииля. Другой пример аллюзии мы видим в Иак. 5:12. Иаков ссылается на Нагорную проповедь (Мф. 5:37). В Деян. 17:28 Павел ссылается на языческих поэтов, а в Тит. 1:12 — на критского пророка. Находясь под вдохновением Божьим, Иуда, кажется, цитирует 1 Еноха (ст. 14, 15). Источники, не содержащиеся в Библии, могут быть использованы в качестве иллюстрации.

е. Аллегория и типология. Толкователи Библии в своей интерпретации должны избегать аллегорического подхода. Аллегоризация означает приписывание более глубокого смысла деталям истории. У подобного подхода нет никаких средств контроля и гарантий, и потому смысл текста может быть серьезно искажен. В случае аллегоризации единственным ограничивающим элементом является воображение толкователя. Поэтому толкования сильно различаются. Предпочтительным должно быть буквальное значение текста.

Библия преимущественно использует типологию, а не аллегории. В типологии прообраз встречается с образом. Например, фигуры Ветхого Завета находят свое исполнение в Новом Завете, но в более широком масштабе. За меньшим типом (прообразом) стоит некая большая реальность. «Тип — это некая институция, историческое событие или человек, поставленный Богом, которые фактически предвосхищают некоторую истину, связанную с христианством»⁽¹⁰⁾. Типологический подход следует использовать только тогда, когда Библия допускает это, например, когда Новый Завет ссылается на прототип из Ветхого Завета. Так,

в Рим. 5:14 Адам — это прообраз Христа, а в Ин. 6:14 им является Моисей (цитируется Втор. 18:15).

4. Фразы и предложения. Изучив более крупные части текста, перейдем к фразам и предложениям. На этом шаге мы сосредотачиваем свое внимание на грамматических особенностях и синтаксисе, т. е. на том, как построены предложения. Здесь же мы рассматриваем литературные и риторические образцы.

а. Грамматика и синтаксис. Исследовать фразы и предложения — значит спрашивать себя: что здесь происходит? Что здесь особенного? Какая весть здесь раскрывается? Мы пытаемся участвовать в том, что описывает текст.

Обычно значение фразы больше, чем сумма слов в ней. Поэтому помимо простого чтения мы рассматриваем время и залог глаголов, интересные выражения и исследуем синтаксис фраз и предложений. Кроме того, необходимо задать вопрос о том, как разные части данного предложения соотносятся друг с другом и какое сообщение они передают.

Так, в Ин. 8:58 Иисус делает удивительное заявление: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь». В этом предложении используется неправильная грамматика. По принятым нормам нужно было бы сказать: «прежде нежели был Авраам, я был». Иисус все равно заявлял бы о Своем предсуществовании. Очевидное грамматическое несоответствие сделано нарочно. Иисус не только утверждает, что жил до Авраама, Он применяет Божественное имя из Исх. 3:14 к Себе. И Его слушатели это поняли. Их возмутило то, что Иисус заявляет о Своей Божественности, и потому они решили побить его камнями (ст. 59).

б. Риторические особенности. В разговоре сегодня мы иногда используем литературные инструменты, такие как ирония, сарказм, сравнения и риторические вопросы, которые не требуют ответа. Все это и многое другое также встречается в Писании. Нужно помнить об этих инструментах, чтобы избежать недопонимания автора. Они включают в себя также гиперболу, оксюморон, парадокс и др.

Мы находим яркие примеры этих литературных форм в Новом Завете. Так, например, Иисус использует гиперболу: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня» (Мф. 11:23). Павел использует иронию в Послании коринфянам: «Ибо чего у вас недостает пред прочими церквами, разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину» (2 Кор. 12:13). Пример оксюморона, или объединения противоречащих друг другу утверждений, виден в словах Иисуса: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13:12) и парадокс: «Сказываю вам, что, если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19:40).

в. Слова. При исследовании слов наиболее важный принцип — позволить контексту данного предложения определять значение соответствующего слова. Проанализируйте, как автор использовал его в разных местах. Иногда будет полезным посмотреть, как то же слово используется в других местах Писания. Симфонии полезны и должны использоваться в качестве основного инструмента для изучения Библии. Каждое слово, которое может быть важно, необходимо тщательно изучить. Следует проявлять большую осторожность, чтобы не прийти к преждевременному или поспешному выводу относительно значения слова.

Важно понять, как автор использовал термин и что тот означал для него, а не идти на поводу того, что он означает для нас сегодня. Современные идеи не следует приравнивать к библейскому использованию слов. Слова меняются, потому что язык динамичен, а не статичен. Следовательно, слова могут иметь разные значения в разное время. Слова могут также иметь разные значения в разных контекстах.

Этимологические исследования нужно проводить осторожно. Иногда исследование корневых значений и сопоставимых терминов на родственных языках неизбежно, осо-

бенно для слов, встречающихся в Писании только один раз. Однако контекст имеет приоритет над этимологией.

Нельзя использовать этимологию слов в английской Библии или любом переводе, чтобы объяснить значение библейского слова, основываясь на корневом значении переведенного термина. На самом деле, слово в библейских языках может иметь больший или меньший диапазон значений, чем соответствующий термин на современном языке. Мы должны позволить автору говорить за себя в рамках его оригинального языка. Например:

(1) Изменение значения: термин «meat» (мясо) в Библии короля Иакова означает пищу, а не плоть; «corn» (зерна кукурузы) — это зерно, а не кукуруза; «prevent» (предотвратить) в 1 Фес. 4:15 означает «предшествовать». Некоторые слова с уничижительным значением сегодня были положительными или нейтральными в прошлом. «День Господень» в Откр. 1:10 не может быть приравнен к «дню Господа» последующих столетий, когда это выражение стало технически означать воскресенье. В Писании же подобное выражение используется либо для Судного дня, либо для субботы.

(2) *Диапазон значений*: Слово «вечный» на иврите и в греческом имеет довольно широкое значение, указывая либо на ограниченный промежуток времени, либо на вечность. Судей в книге Судей нельзя сравнивать с современными судьями. Они были также руководителями государства.

(3) Различное значение в разных контекстах: термин «плоть» в Гал. 5:17 обозначает нашу греховную природу, тогда как это же слово в Флп. 1:22–24 относится к физическому телу.

Может быть полезным изучение слов в связи с их синонимами, антонимами и метонимами⁽¹¹⁾. Следует также отмечать грамматическую форму каждого слова.

Слова следует понимать буквально, за исключением случаев, когда текст или непосредственный контекст указывают на то, что используется символическое значение⁽¹²⁾.

Образное или небуквальное значение встречается в метафорах, персонификациях, идиоматических выражениях, гиперболах, эвфемизмах и символах. Обычно символы объясняются тем же вдохновенным автором, который их использует, или другими библейскими авторами. Опять же, именно контекст определяет, должно ли слово толковаться буквально или фигурально.

г. Апокалиптические символы. При изучении апокалиптического пророчества должен быть сделан еще один важный шаг. Выполнив все описанные выше экзегетические шаги, мы призваны осторожно определить символы текста в исторической реальности и развитии. Попытки сократить процедуру могут привести к ложной идентификации символов и «эсхатологической горячке», которая в общем счете только вредит церкви.

Шаг седьмой: провести богословский анализ

Вот два примера. Евангелист Лука повествует о программном заявлении Иисуса в синагоге Назарета (Лк. 4:14–27). Кажется, что Лука делает особый упор на освобождении, в которое Иисус включает и язычников. Он более других евангелистов акцентирует внимание на том, что Иисус освобождает социально незащищенных и маргинализированных людей — женщин, мытарей и даже язычников, заботясь о них.

В Мф. 19:1–12 Иисус, по крайней мере, в определенной степени развивает богословие брака, отталкиваясь от 1-й и 2-й глав книги Бытие.

В богословском анализе рассматриваются следующие вопросы и проблемы: какие богословские мотивы и темы обсуждаются в изучаемом библейском тексте, как они развиваются, каково их место в контексте всей книги, как они соотносятся с общей вестью Священного Писания?

Здесь особенно важен принцип сравнения Писания с Писанием. Разнообразные богословские темы, такие как Бог, человек, Творение, грехопадение, грех, завет, суббота,

закон, Остаток, спасение, святилище, эсхатология и т. д., можно найти по всему тексту Ветхого и Нового заветов. И богословие конкретного отрывка должно сочетаться с богословием Писания в целом. Можно заметить, что в Священном Писании богословские послания новозаветных писателей основаны на предпосылках ветхозаветных богословских тем, строятся на них и продолжают их⁽¹³⁾.

Теологические темы могут быть выражены либо через типологию в последовательности *предсказание — исполнение*, либо в изображении истории спасения. Например, важная часть Нагорной проповеди фокусируется на законе. Термин «закон» впервые используется в Мф. 5:17 и встречается последний раз в Мф. 7:12. Эти два стиха являются вступительными и заключительными словами проповеди. Однако весь отрывок, следующий за Мф. 7:12, похоже, сосредоточен на выполнении Божьей воли; иными словами, послушание Богу и Иисусу является центральным. Основываясь на Ветхом Завете, Иисус обсуждает Десять заповедей и другие законы, показывая их значение в отдаленной перспективе.

Шаг восьмой: применить текст

Писание. В 1 Кор. 10:6 и 11 Павел дважды подчеркивает, что история Израиля является примером для новозаветной церкви. Между этими двумя заявлениями он предостерегает от идолопоклонства, блуда, самонадеянности и роптания против Бога, используя исторические рассказы о ветхозаветном народе завета.

В Евр. 11 представлены герои веры. В Послании к евреям 12:1, 2 автор делает вывод: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса». На этом основании становится важным применять данный текст к нынешней аудитории.

Писание также персонализирует библейские тексты. То, что Бог сделал для поколения исхода, относится и к более поздним поколениям. Они также участвуют в Его спасательных действиях (Втор. 5:2–4). Точно так же верующий христианин участвует в смерти, воскресении и вознесении Христа здесь и сейчас (Гал. 3:29; Еф. 2:6).

Только после правильного понимания текста с учетом ситуации, в которой он был написан, мы можем перейти к его применению. Применение чрезвычайно важно. Если его опустить, у аудитории или читателей может сложиться впечатление, что мы имеем дело только с историей. Однако, если текст применяется слишком быстро, отрывок легко может быть неверно истолкован или толкование останется поверхностным. Процесс применения библейского текста свидетельствует о том, что текст имеет отношение и к нам сегодня. Несколько соображений помогают нам достичь разумных позиций.

1. Персонализация текста. Мы уже говорили о том, что человечество на протяжении всей истории имеет сходный опыт, одинаковый психологический состав и даже некоторые общие моральные ценности.

Поскольку верующие участвуют в истории спасения и включены в нее, библейские тексты затрагивают их сегодня лично и как группу. Поэтому, когда речь заходит о применении библейских текстов, мы должны задать личные вопросы. Что Бог хочет сказать мне этим отрывком? Как это влияет на мою преданность и мою приверженность Ему, мою духовную жизнь, мое понимание характера Бога и Его плана, мои действия и мое послушание? Как я могу ответить на Его послание? Хвалой и благодарностью, молитвами и просьбами или изменением моей жизни и переориентацией моей системы ценностей?

Библейские тексты предназначены не только для отдельных лиц, но и для церкви. Поэтому мы должны спросить себя: как соответствующий библейский текст влияет на нас как на церковь? В каких областях нашей церковной жизни

Писание бросает нам вызов? Как текст воспитывает и учит, утешает и поощряет нас?

2. Применение разных видов текста. То, что текст означал, в основном не отличается от того, что он означает сегодня. Это значит, что Писание является межкультурным и межвременным. Но нам все еще необходимо решить вопрос с уместностью. Какие части в Писании являются уместными сегодня даже в деталях, а какие содержат только неизменный принцип? Кроме того, каковы критерии, которые могут помочь нам определить это различие? Более внимательный взгляд на различные виды библейских текстов может оказаться здесь полезным.

а. Отрывки, связанные с библейскими доктринами. Писание содержит отрывки и главы, в которых, по сути, изложены библейские доктрины. Так, Быт. 1, 2 представляет Творца и описывает сотворение земли. В Мф. 24 Иисус говорит Своим последователям о Своем Втором пришествии. В Послании к римлянам Павел объясняет тему праведности по вере в Божью благодать, а в 1 Кор. 15 он излагает доктрину о воскресении.

Библейские доктрины не зависят от времени и культуры. Да, библейское учение может не быть полностью понято конкретным поколением, но учение о Втором пришествии Христа, например, не может быть правильным сегодня и неправильным завтра. В какой-то степени библейские доктрины могут быть сформулированы в терминах культуры. Так, в Евр. 1 Иисус представлен как царь, а остальная часть книги представляет Его как Первосвященника, но даже сегодня мы понимаем, что царь является верховным правителем, а священник — посредником.

Таким образом, когда дело касается библейских доктрин, нет никакой разницы в том, что текст означал когда-то и что он означает сегодня. Персонализируя эти доктрины, следует спросить себя: что для меня значит Второе пришествие? Как надежда на будущее воскресение изменит мою жизнь? Какое влияние на меня и мою церковь оказывает

доктрина Творения? Применение указывает на значимость библейских доктрин, но не меняет их. Оно показывает взаимосвязь доктрины со Христом, подчеркивает ее значимость и указывает на связанные с ней духовные благословения.

б. Пророческие отрывки и обетования. Подобная же картина возникает и в отношении библейских пророчеств, предсказаний и обетований. В Ис. 53 описывается страдающий слуга Божий, псалмы 2 и 109 указывают на Мессию. Отрывки в Дан. 2 и 7 излагают историю мира от времени Даниила до окончательного завершения. Все эти отрывки не ограничены временем и культурой.

Кроме того, мы должны различать, адресованы ли предсказания определенному человеку, группе людей или всему человечеству. Первое не может напрямую применяться к нам сегодня, последнее же распространяется и на нас. Когда Иисус объявляет об отречении Петра и о возможности его последующего обращения (Лк. 22:32, 34), Он обращается не к нам, хотя косвенно призывает нас не следовать примеру Петра. С другой стороны, когда Иисус обещает вечную жизнь тем, кто верит в Него (Ин. 3:36), это относится и к нам.

Универсально сформулированные обещания должны изучаться в непосредственном контексте, а также в общем контексте Писания, и церковную общину следует призывать принимать эти обетования и видеть их исполнение. Применение глобальных пророчеств может указывать на верховенство Бога. Как Господь, контролирующий ход истории, Он также является Господином над нашей жизнью, исполняя Свою волю и Свой план спасения.

в. Повествовательные отрывки. Священное Писание содержит много описательных текстов. Как они могут применяться?

Основной принцип, лежащий в основе повествования, должен быть раскрыт и применен к современному читателю. Но иногда истории не могут быть сведены только к од-

ному принципу и должны рассматриваться с разных точек зрения, которые дополняют друг друга.

Персонажи библейских повествований могут служить примером для последующих поколений. Они также могут проявлять черты характера, которым не следует подражать. Тем не менее читатель может извлечь личные уроки из повествования, даже если это будет лишь пример того, чего нельзя делать. Практическое применение повествования, которое указывает на отсутствие доверия к Богу, сводится к тому, что человек учится доверять Богу сегодня и пытается развивать это доверие.

г. Тексты мудрости. Философско-поэтические тексты встречаются в Ветхом Завете, например, в книге Притчей и в книге Экклезиаста. Какова их практическая значимость? «Есть ли в притчах истина, которая неизменно работает без каких-либо исключений? Или они содержат общие принципы, из которых иногда бывают исключения? В большинстве случаев притчи отражают то, что является типичным или нормальным, не предполагая или подразумевая, что никогда не бывает исключений»⁽¹⁴⁾. Например, в Притч. 14:11 говорится: «Дом беззаконных разорится, а жилище праведных процветет», что часто бывает верно. Однако иногда верующие недоумевают, когда видят «благоденствие нечестивых» (Пс. 72:3). Конечно, есть будущее измерение, в котором это утверждение сбудется. Действительно, благословения Ветхого Завета «обычно более духовны по своей природе и направлены прежде всего в будущее»⁽¹⁵⁾ в Новом Завете.

Многие изречения в притчах настолько просты и настолько важны независимо от культуры и времени, что их практическая значимость остается несомненной и сегодня.

д. Отрывки, содержащие указания. Настоящая проблема возникает с отрывками, содержащими указания. Все ли Божественные указания в Библии непреложны или нет? Как мы можем различить постоянные и временные указания? Как нам относиться к Божьим постановлениям,

которые больше не действительны? Как выполнять постоянные указания?

К счастью, само Писание говорит нам, что некоторые заповеди или установления непостоянны по своей природе. Жертвенные и церемониальные законы, указывающие на Иисуса, были исполнены, когда Иисус как Агнец Божий умер на кресте за грешников. Тип достиг своего исполнения в антитипе — Иисусе (Евр. 10:1–18). Таким же образом, соблюдение теократических и гражданских законов ветхозаветного Израиля прекратилось, когда закончилась теократия. Сам Ветхий Завет указывает на их ограниченность. Некоторые законы были лишь временными уступками жестокости сердец израильтян, но не отражали идеал Бога, например, правила развода во Втор. 24:1–4. В Своей Нагорной проповеди Иисус подчеркивал неразрывность брака (Мф. 5:31, 32), а в Мф. 19:1–12 и Мк. 10:1–12 Он утверждал, что Божий идеал был представлен в Быт. 1–3, и указал на эту часть Писания. Уступка не отменяет первоначального плана Божьего относительно брака.

Новый Завет ясно учит, что Десять заповедей остаются в силе (Мф. 5:21–32; Иак. 2:8–13) и что некоторые христианские установления, такие как крещение, ногоомовение и Вечеря Господня, не могут заменяться другими обрядами, потому что они «коренятся в явном примере и указании Иисуса»⁽¹⁶⁾.

3. Дополнительные размышления. При переходе от текста к его применению могут быть полезны три дополнительных вопроса⁽¹⁷⁾. Следующий вопрос особенно важен для нашего обсуждения: «Что это меняет?»⁽¹⁸⁾ Этот вопрос сосредоточен на применении. Когда речь идет о применении библейского отрывка, современный читатель сталкивается не только с Благой вестью, но и вызовами текста.

Применение текста не дает нам свободы использовать текст только для поддержания наших собственных идей и «излюбленных коньков». Применение должно соответствовать цели и намерению текста. И к этому мы должны

подходить вполне практично и конкретно. Необходимо использовать современные примеры и нынешние проблемы, чтобы донести весть Слова Божьего. Толкователь должен показать значение Писания для нынешнего поколения. Чтобы быть в состоянии сделать это, он должен (1) знать Слово Божье, (2) знать нужды церкви и (3) знать нужды современного общества.

Притчу о богатом глупце (Лк. 12:16–21) можно резюмировать и применить следующим образом: не деньги спасают нас, а Бог. Поэтому мы живем не ради денег, а для Бога. Этот отрывок призывает нас сегодня правильно расставлять приоритеты, не полагаться на материальные блага и не жить ради них, но принадлежать Богу и быть частью Его миссии в мире. Именно такое применение текста отражает его основную цель.

Шаг девятый: использовать ресурсы

Многие библейские авторы не только хорошо знали книги своих предшественников, но и были знакомы с небиблейской литературой и использовали ее для иллюстраций, провозглашая Евангелие. Мы уже упоминали Павла, который ссылается на греческих поэтов (Деян. 17:28) и критского пророка (Тит. 1:12). Им была известна неканоническая литература, а некоторые источники, по-видимому, косвенно рекомендовались к прочтению (2 Пар. 9:29). Вместе с тем ясно, что языческая и апокрифическая литература служила лишь средством иллюстрации посланий библейских авторов, а не их толкованием.

При интерпретации библейского текста необходимо использовать дополнительные материалы. Они могут быть особенно полезны для получения исторической, экзегетической и богословской справочной информации. Тем не менее комментарии следует использовать только после тщательного анализа текста и его контекста. Почти вся вторичная литература передает элементы чисто человеческих

построений и должна использоваться с определенной осторожностью.

Труды Эллен Уайт имеют особое значение. Часто они дают ценную информацию; в других случаях в них ничего не говорится об определенных текстах или вопросах. В любом случае адвентистам следует знать, что ее труды могут рассказать нам о том или ином отрывке Священного Писания. Часто Эллен Уайт использует библейские тексты как иллюстрации. Мы могли бы назвать это гомилетическим использованием Писания. Иногда она толкует тексты, но чаще — библейские темы. Тем не менее даже ее богодухновенные труды не должны использоваться как легкое решение, заменяя надлежащее толкование текста.

Симфонии являются исключением из правила. Их можно использовать уже тогда, когда исследуются лексика и богословские темы. Те, кто сразу начинает читать вторичную литературу, чтобы понять, как другие понимают определенный текст, или получить информацию об историческом контексте этого отрывка, часто избегают серьезного самостоятельного изучения Писания. Хотя результаты могут быть более быстрыми, понимание остается поверхностным, и смысл текста не становится частью их жизни. Они не «боролись» с текстом и не извлекли из него драгоценного камня. Другая опасность заключается в том, что человек больше не открыт для этого текста, но подходит к нему с предубеждением и собственным мнением.

Даже когда вторичная литература правильна в своих выводах и толкованиях, она может не представлять полного объема того, что может передать текст. Мы должны учиться для себя. С другой стороны, вторичные источники могут оспаривать наши выводы и обострить наше восприятие. Если же мы настаиваем на правильности своего толкования, несмотря на мнение других, мы должны убедиться, что оно является библейски оправданным.

Другим важным ресурсом является сообщество верующих. Если мы находим новые идеи и толкования, которые

отличаются от общепринятого понимания, важно обсудить их с другими, особенно с теми, кто обладает опытом в толковании Писания. Кроме того, мы должны быть готовы отказаться от наших толкований или мнений, если другие люди показывают, что наши интерпретации сомнительны. Много вреда было нанесено церкви теми, кто защищает неприемлемые позиции и считает, что они правы, а все другие ошибаются. Кто слушает совета, тот мудр (Притч. 12:15). Бог редко раскрывает новое понимание Писания только одному человеку.

Ссылки

Библейские цитаты взяты из Синодального перевода Библии, если иное не указано особо.

- (1) К примеру, женитьба на жене соседа неприемлема в любом народе. Опыт страданий, болезни, отвержения и смерти знаком почти всем людям. Желание быть принятым, любимым, наслаждаться дружбой и социальным взаимодействием присуще всем. См. также иерархию потребностей по Маслоу в in James F. Engel, *Contemporary Christian Communications: Its Theory and Practice* (Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1979), pp. 112–114.
- (2) См., например, Мф. 5:17–48; 24:20 и Исх. 20.
- (3) Особо см. статью Ричарда М. Дэвидсона «Истолкование Библии» в *Настольной книге по теологии*, Библейский комментарий АСД, т. 12, с. 56 (Заокский, Источник жизни, 2010).
- (4) Библия *Clear Word* Джека Бланко — очень свободный парафраз, более похожий на подстрочный комментарий.
- (5) Gerhard Pfandl, *The Authority and Interpretation of Scripture* (Wahroonga, Australia: South Pacific Division of Seventh-day Adventists, n.d.), p. 9.
- (6) Так, первая буква еврейского алфавита стоит в самом начале стиха 1, вторая используется в начале стиха 2 и т. д. В Пс. 118 первая буква алфавита используется как первая буква стихов 1–8. Следующие восемь стихов начинаются со второй буквы еврейского алфавита и т. д.
- (7) Казуистический закон обычно использует фразу «если кто-то...», тогда как аподиктический закон использует «ты должен» и «кто» или начинается с анафемы.
- (8) См. Ekkehardt Müller, “Microstructural Analysis of Revelation 20,” *Andrews University Seminary Studies* 37 (1999): 235, 236.
- (9) Дэвидсон приводит несколько вариантов решений того, как быть с «кажущимися несоответствиями в параллельных библейских текстах». «Осознать разные цели разных авторов... Осознать, что каждый автор мог говорить о какой-либо части того или иного события, которые необходимо объединить, чтобы получить целостную картину... Осознать, что некоторые стихи являются частью более широкого контекста...»

знать, что историческая достоверность не требует, чтобы разные отчеты о событии были идентичными... Осознать, что приемлемые традиции написания истории в первом веке были иными.. Осознать, что некоторые схожие чудеса и высказывания Иисуса, описанные в параллельных Евангелиях, могли происходить в разное время.. Осознать, что в Писании встречаются незначительные ошибки в переводе... Наконец, признать, что порой необходимо воздерживаться от скорых суждений относительно кажущихся несоответствий, пока мы не получим больше информации».

- (10) С. Т. Fritsch, "Principles of Biblical Typology," *Bibliotheca Sacra* 104 (1947): 214.
- (11) Метонимы — это слова, которые заменяют другие слова. В Рим. 3:30 слова «обрезанные» и «необрезанные» означают иудеев и язычников.
- (12) Очень часто это может отличаться в книге Откровение, где греческий текст в 1:1 может указывать на более символический подход. Переносное или небуквальное значение часто встречаются в метафорах, таких, например, где слово Божье сравнивается с огнем и молотом (см. Иер. 23:29).
- (13) Pfandl, p. 13.
- (14) Robert B. Chisholm, Jr., *From Exegesis to Exposition: A Practical Guide to Using Biblical Hebrew* (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 1998), p. 258. See also Chapter 10 "Reading Psalms and the Wisdom Literature."
- (15) Там же.
- (16) Davidson, p. 86.
- (17) Haddon W. Robinson, *Biblical Preaching: The Development and Delivery of Expository Messages* (Grand Rapids, MI: Baker Book House, 1980), pp. 79–96.
- (18) Другие вопросы: «Что это значит?» и: «Правда ли это?» Согласно Робинсону, первый вопрос не просто фокусируется на приведенных выше экзегетических шагах. Он касается как отрывка, так и читающей аудитории. Он нацелен на объяснение. Что необходимо разъяснить аудитории? Как люди, посещающие мою церковь, реагируют на это? Поймут ли они это и как они поймут? Второй вопрос сосредоточен на достоверности. «Психологическое приятие часто происходит от одного цитирования Священного Писания, хотя его необходимо также получать через доводы, доказательства и иллюстрации. Даже вдохновленные авторы... основывают достоверность не только на Ветхом Завете, но и на повседневной жизни» (там же, с. 83, 84). Робинсон цитирует и разъясняет 1 Кор. 9:6–12, чтобы показать, что библейские авторы следовали этому принципу. Этот второй пункт не оспаривает принцип *solā scriptura* (только Писание), согласно которому Писание является окончательным и наивысшим мерилем истинности. «Это не означает, что мы доказываем библейскую истину, изучая социологию, астрономию или археологию, это значит, что достоверная информация из этих наук следует за истиной, которой учит Священное Писание» (там же, с. 86).

ТОЛКОВАНИЕ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ПРОРОЧЕСТВ

*Ричард Дэвидсон, доктор теологии, профессор
кафедры ветхозаветных исследований семинарии
Университета Андрыуса*

Введение

Основное внимание в статье сосредоточено на толковании пророчеств в Ветхом Завете за исключением апокалиптических пророчеств в книге пророка Даниила. Весть ветхозаветных пророков включает в себя как «рассказ» (непророческая весть) так и «предсказание» (Божественное пророчество). Здесь наше внимание направлено на «предсказания», многочисленные пророчества, которые, по оценкам исследователей, составляют почти тридцать процентов Ветхого Завета⁽¹⁾. Их можно найти не только в книгах больших и малых пророков, но также и в Пятикнижии, исторических книгах и псалмах/книгах мудрости.

1. Общие замечания

При изучении предсказательных пророчеств Ветхого Завета основополагающими являются несколько общих и предварительных наблюдений, проистекающих из собственного свидетельства Библии.

Во-первых, в Библии говорится, что Бог способен предсказать ближайшее и отдаленное будущее (Втор. 18:22; Ис. 46:10), и толкователь не должен подвергаться влиянию современных критических предположений, которые отвер-

гают концепцию предсказания будущего и Божественного знания грядущего.

Во-вторых, пророческие предсказания давались не просто чтобы удовлетворить чье-то любопытство относительно будущих событий, но для нравственных целей, таких как развитие веры в Бога (Ис. 45:21; 46:9–11; см. Ин. 14:29) и побуждение к благочестивой жизни (Быт. 17:7, 8; Исх. 19:4–6).

В-третьих, при толковании пророческого предсказания необходимо выполнять те же основные шаги по тщательному анализу, что и при толковании любого библейского текста, включая внимательное изучение исторических условий, литературной структуры и других литературных характеристик, грамматических и синтаксических элементов, значения слов в непосредственном контексте и богословского послания.

В-четвертых, следует учитывать, что в Ветхом Завете содержится два жанра пророческих предсказаний: апокалиптические (например, видения Даниила) и неапокалиптические (часто называемые «классическими» или «общими» пророчествами). Как классические, так и апокалиптические пророчества обладают особыми герменевтическими правилами толкования, проистекающими из анализа библейских свидетельств. Основные различия между классическими и апокалиптическими пророчествами можно суммировать в следующей таблице:

Два жанра пророческих предсказаний в Ветхом Завете	
Общее (классическое) пророчество	Апокалиптическое пророчество
1. В центре внимания: местное/ национальное, временное	1. В центре внимания: вся мировая история с упором на последние дни
2. Эсхатология: в рамках истории (национальная, геополитическая, этническая)	2. Эсхатология: происходит вне истории (окончательная, универсальная)
3. Не ярко выраженные контрасты	3. Яркие контрасты (дуализм): <ul style="list-style-type: none"> ▪ Временной (эта эра/грядущая эра) ▪ Пространственный (земное/ небесное) ▪ Этический (праведный/грешный)
4. Ограниченная символика с жизненными образами	4. Богатая, сложная символика
5. Основа: «Слово Господа» (плюс некоторые видения)	5. Основа: видения/сны, ангельское толкование
6. Условность (для поколения самого пророка указываются два возможных сценария: путь благословения и проклятия, в зависимости от ответа народа на завет), хотя окончательное исполнение обетований завета для народа Божьего несомненно.	6. Детерминизм (действительный ход событий в жизни человечества, сформированный в истории Божественной рукой, признанный Божественным предвидением решений, которые принимают люди, определен, запечатлен и будет раскрыт поколению последнего времени) с положительным окончательным результатом для детей Божьих.
7. Пророческое «телескопирование»; пророк часто перескакивает от местного, временного кризиса к эсхатологическому Дню Господню (например, Иоил. 2, 3) или от одной вершины исполнения пророчества к другой, без упоминания пространства между ними.	7. Видения дают полный обзор истории от времени пророка до конца времен без разрывов между локальной ситуацией и окончательным концом истории или между разными стадиями исполнения пророчества.

Пятое общее наблюдение: в Ветхом Завете есть несколько различных пророческих форм. Наиболее распространенной формой является устное пророчество (начинающееся словами «Слово Господне было ко мне...» или другими подобными выражениями), которое может быть записано в прозе или поэзии и может использовать как очень образный язык, так и простой и буквальный. Пророчества также могут проявляться символически, как, например, в жизни Иеремии (13:1; 19:1; 27:2) и Иезекииля (2:8–3:3; 4:1–17; 5:1–17), хотя действия-знаки обычно сопровождаются вербальным Божественным толкованием их значения. Типология также является видом пророческого предсказания, поскольку Божественно определенный ветхозаветный прообраз (человек, событие или заведение) указывает на свое эсхатологическое исполнение в Иисусе Христе и порожденной Им евангельской реальности. Сам тип обычно «безмолвствует» о своем пророческом характере. Тем не менее, как и в случае со знаковыми действиями, тип постоянно сопровождает некоторый словесный индикатор (или, по крайней мере, появляющийся где-то в Ветхом Завете перед исполнением в Новом Завете), который указывает на его пророческий характер⁽²⁾.

Шестое наблюдение: всегда следует проявлять осторожность в отношении конкретных *неисполненных* пророчеств Ветхого Завета, особенно если Новый Завет не говорит напрямую об этих текстах. Здесь уместно вспомнить слова Иисуса относительно пророчества: «Я сказал вам *о том*, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется» (Ин. 14:29). Прежде чем ветхозаветное пророчество исполнится, мы можем не понимать его детально, хотя основной ход событий или суть дела понятны.

Наконец, в Ветхом Завете (кроме книги пророка Даниила) есть три основные категории пророческих предсказаний: (1) мессианские пророчества; (2) пророчества против других государств; (3) обетования царства, основанные на завете/пророчестве, данные Израилю как геополити-

ческому образованию, включая предсказания о последнем времени, в том числе о последнем всемирном столкновении между Израилем и его врагами. Далее мы последовательно рассмотрим каждую из этих категорий пророчеств.

2. Мессианские пророчества

Пересказ конкретных пророчеств о Мессии встречается в различных частях Ветхого Завета. Здесь мы можем привести лишь несколько примеров. Предсказания о том, что Мессия обязательно придет, чтобы выполнить Свою спасительную работу, не зависящую от человеческого выбора, в классических пророчествах являются безусловными, хотя описание *результата* Его работы как для людей завета, так и для остального мира зависит от выбора, который делает человек.

Первое обетование о Мессии — Бытие 3:15

Этот текст содержит первое мессианское обетование в Священном Писании. Вся третья глава книги Бытие построена в соответствии с хиастической структурой. В самом центре этой структуры, в кульминации хиазма, в стихах 14, 15 содержится первое евангельское обетование.

Последняя часть стиха Быт. 3:15 показывает, что обетование сосредоточено на Человеке. Бог говорит змею: «Ее *Потомок* будет разить тебя в голову, а ты *Его* — в пяту»⁽³⁾. В этом стихе конфликт сужается от множества потомков во второй строчке стиха к существительному мужского рода в единственном числе в конце стиха — «Потомку», сражающемуся против змея. Во всем Священном Писании, когда прилагательные, относящиеся к еврейскому слову *zera* — «семя, потомство», стоят в единственном числе, подразумевается один человек, а не собирательный образ множества потомков⁽⁴⁾. Таким образом, здесь обещанная Богом победа сосредоточена на одном Человеке, на «Нем» — главном Потомке женщины, позже описанном как Мессия, Который «будет разить тебя [сатану] в голову», «а ты Его — в пяту».

Согласно этому гротескному описанию в Быт. 3:15, обещанный Потомок обнажит Свою пяту и добровольно наступит на ядовитого змея. Это сильное пророческое описание Христа, добровольно отдающего Свою жизнь, чтобы повержен был «древний змий, называемый диаволом и сатаной» (Откр. 12:9). Здесь уже подразумевается заместительная жертва Христа ради грешного человечества. Быт. 3:15 также предсказывает усиление вселенского конфликта, конец зла и истребление змея в завершение земной истории. Пята Представителя мессианского Семени будет поражена, но это будет лишь раной на пяте. Далее библейское повествование ясно показывает, что хотя Христос умирает, на третий день Он возвращается к жизни. Но змей, сатана, повержен в голову, получает смертельную рану без надежды на исцеление. Великая борьба не будет длиться вечно. В Рим. 16:20 Павел, ссылаясь на этот текст, говорит: «Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре». Сатана получает смертельное ранение в голову от рук Мессии на Голгофе и потерпит окончательное поражение в конце времен.

Важно отметить, что в этом отрывке, как и в большинстве других мессианских пророчеств в Ветхом Завете, нет четкого разделения между событиями первого, второго и даже третьего (после Тысячелетнего царства) пришествия Мессии; между Его страданиями и Его славой и окончательным уничтожением зла. События «последних дней» сливаются воедино в то, что называют «пророческим телескопированием», так же как несколько высоких вершин с простирающимися между ними долинами с расстояния часто кажутся одной горой. Задача указать различие между Царством благодати Мессии и Его Царством славы оставлена для исполнения пророчества в Новом Завете.

Мессия как Царь — псалом 2

В псалме 2, написанном Давидом (Деян. 4:25), мы видим поразительное свидетельство того, что помазанный царь, описанный Давидом в Ветхом Завете, должен считаться

пророческим типом, указывающим на будущего Мессию. Псалом 2 переходит от локального уровня земного «Помазанника» (евр. *mashiah*, ст. 2), установленного в Иерусалиме как царь из рода Давидова и «сын» Яхве (ст. 6, 7), до космического уровня Божественного Сына, Мессии. Последний стих (ст. 12) указывает на этот переход: «Почтите Сына, чтобы Он [Сын] не прогневался и чтобы вам не погибнуть в пути *вашем*, ибо гнев Его [Сына] возгорится вскоре. Блаженны все, уповающие на Него [Сына]». Слово, переведенное как «сын», — это арамейское *bar*, используемое в других местах Священного Писания для обозначения царских сыновей. Но в этом тексте, как в ссылке на «Мессию» в Дан. 9:26, нет определенного артикля, поэтому это существительное следует понимать в абсолютном, безоговорочном смысле Божественного титула — «Сын» (с большой буквы в русском языке): «Почтите [наивысшего] Сына!» Подтверждением такого толкования слова «Сын» является фраза «уповающие на Него», используемая в других псалмах около двух десятков раз и всегда относящаяся к Божеству. Посему использование этого слова по отношению к «Сыну» в ст. 12 указывает на то, что этот Сын — не кто иной, как Божественный Сын Божий. В свете последнего стиха этого псалма весь псалом должен восприниматься не только как описание восшествия, правления и победы ветхозаветного давидического царя, но и как типологическое указание на царственную миссию Мессии.

Внутренние типологические индикаторы в псалме 2 задают тон остальной части давидического псалтыря: в других псалмах Давида, таких как псалмы 15, 21 и 68, лексика выходит за пределы того, что применимо к ветхозаветному Давиду, и указывает дальше него — на нового Давида, на Мессию. Новозаветные авторы признают исполнение псалма 2 в смерти Иисуса (Деян. 4:25, 26), Его воскресении (Деян. 13:33), Его воцарении как Первосвященника после вознесения (Евр. 5:5) и уничтожении Им грешных во время Его Второго пришествия (Откр. 2:26–28; 19:15; см. 12:15).

Мессия как страдающий Раб — книга пророка Исаии 53

В книге Исаии 42–53 часто происходит переход между отсылками к собирательному рабу (народу израильскому) и к определенному Рабу (Мессии), и в обоих случаях используются одни и те же выражения, указывая тем самым, что Мессианский Раб представляет и резюмирует опыт ветхозаветного Израиля. В то же самое время из контекста ясно, что Раб как личность, представленный в этих главах, не синоним собирательному Израилю, поскольку говорится, что Мессианский Раб принесет спасение народу Израилеву, так же как и язычникам (Ис. 49:5, 6). В Ис. 42–53 содержится четыре «Песни Раба», которые предсказывают пришествие Мессии и описывают разные фазы Его служения: (1) Ис. 42:1 (Его призвание), (2) Ис. 49:2, 3 (Его поручение), (3) Ис. 50:4–11 (Его посвященность) и (4) Ис. 52:13–53:12 (Его миссию). Хотя первые три Песни Раба содержат лишь аллюзии на страдания Мессии, эта тема составляет самую суть последней Песни. Ис. 53 — вероятно, наиболее четкий портрет Мессии в Ветхом Завете — ясно показывает, что страдания и смерть Раба вызваны не Его собственными грехами, а тем, что Он принимает на Себя вину, проклятия завета и наказание «всех нас» как Носитель грехов и дает им заместительное искупление (см. особенно ст. 4–6, 8, 10–12). Эта четвертая Песнь Раба описывает восхождение Мессии, заступническое служение Первосвященника и царственное возвышение (52:13; 53:11, 12). Пророчества Ис. 52 (вместе с другими Песнями Раба в Ис. 42–53) часто цитируются в Новом Завете как исполненные во Христе (например, в Мф. 8:17; Ин. 12:38; 1 Петр. 2:20–25). Помимо точных цитат Ис. 53 формирует концептуальный фон большей части учения Нового Завета об искупительной миссии Христа.

Мессианский акцент всего Ветхого Завета

Можно рассмотреть и другие мессианские пророчества в Ветхом Завете. Все они свидетельствуют о том, что Ветхий Завет является мессианским по сути. Иисус намекает на это в Своем диалоге с учениками по дороге в Эммаус в первый день недели, когда Он воскрес: «И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во *всем* Писании» (Лк. 24:27). Это утверждение — не просто гипербола.

При тщательном анализе литературной структуры Пятикнижия и Ветхого Завета в целом обнаруживается, что весь Ветхий Завет действительно сосредоточен на появлении и служении Мессии в последние дни⁽⁵⁾. К примеру, кульминацией каждого из крупных повествовательных блоков в Пятикнижии является длинный поэтический текст, который резюмирует сказанное ранее и недвусмысленно связывает эту прошлую историю с предсказанным пришествием Мессии «в последние дни» (Быт. 49 [особенно ст. 1, 10–12, 22–26]; Исх. 15 [особенно ст. 16, 17]; Числ. 23, 24 [особенно 23:22 и 24:8–17] и Втор. 32, 33 [особенно 33:8–10, 13–17]). И вновь в хиастическом центре, кульминации левитского закона и всего Пятикнижия, которая отчетливо видна в Лев. 16, представлена антитипическая работа Христа как Первосвященника в эсхатологический День искупления.

Акцентируя мессианский аспект всего Ветхого Завета, богодухновенный пророк (вероятно, Ездра) разделил еврейский порядок канона на три важные секции — Тора (Пятикнижие), Пророки и Писания, расположил во введении и заключении каждой из этих секций пророческие тексты, которые указывают на приход Мессии в последние дни. Так, в начале и в конце Торы располагаются Бытие 3:15 и Второзаконие 33 соответственно (упомянуты выше); в начале и конце Пророков мы видим Иисуса Навина (представленного как тип Мессии), в конце Пророков располагается Малахия 3 (русская и английская версии разделяют ее на две главы, 3 и 4, которые предсказывают пришествие мессиан-

ского «Вестника завета» во времена «великого и ужасного Дня Господня»); в начале Писаний расположены псалмы 1 и 2 (двухчастное введение в Псалтирь, которое, как уже сказано выше, предсказывает пришествие Мессиянского Царя); и в конце Писаний располагается 2 Паралипоменон 36, где предсказывается пришествие Кира, представленного как тип Мессии. Эти примеры эсхатологических мессиянских текстов, расположенных на «швах» между «отрезами» иудейского канона, ясно указывают на всеохватывающий мессиянский каркас всего Ветхого Завета. Иисус хорошо резюмировал весть ветхозаветных Писаний: «Исследуйте Писания... они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39).

3. Пророчества о других народах

В Библии много говорится о других народах, кроме народа Израилева, в том числе приводится множество обетований/пророчеств относительно их будущего статуса. Чтобы понять эти пророчества и истолковать их должным образом, мы должны охватить более широкую библейскую картину отношений Яхве с другими народами.

Согласно Ветхому Завету, Яхве является «Владыкой неба и земли» (Быт. 14:19, 22), т. е. Владыкой всего мира. Он Царь над всеми народами (Пс. 46:2–8). Он «сотворил» их (Пс. 85:9), раздает и контролирует их территории и границы (Втор. 32:8; см. 2:5, 9, 19), направляет их кочевье (Ам. 9:7), возвеличивает и низлагает их (Иер. 1:10; Дан. 2:21). Народы мира — часть единой семьи (Быт. 10), и Бог желает их благополучия и спасения. Авраам и его потомки призваны быть благословением народов (Быт. 12:2, 3; 22:18; 26:4). На горе Синай Израиль основан как «царство священников», чтобы передавать Божье благословение другим народам мира (Исх. 19:5, 6), и те из других народов, кто принимает поклонение Яхве, становятся желанными членами сообщества завета (например, Нав. 6:22–25; Ис. 56:3–8). Особая миссия Мессиянского Раба — быть «светом для язычников» (Ис. 42:6, см. 42:1; 51:4, 5). Бог порой ис-

пользует эти иные народы как орудие осуждения для Израиля, Своего особого народа завета (Ис. 10:5; Иер. 51:7, 20; см. Авв. 1:5–7).

В то же самое время как Правитель над всей землей Яхве требует от каждого народа отвечать за свои действия. Бог говорит, что вся земля под «вечным заветом» (Ис. 24:5), универсальным законом или кодексом человеческого поведения (Ам. 1, 2), согласно которому у всех народов есть нравственные обязательства учтивости и человечности. Яхве в Своей универсальной власти является Гарантом справедливости и благопристойности среди народов по отношению друг к другу. Те народы, которые нарушают универсальные нормы правильного поведения, получают Божественное наказание за свои грехи. Множество пророчеств относительно иных народов говорит об их прегрешениях и о наказании для них (Числ. 24:17–24; Ис. 13–24; Иер. 46–51; Иез. 25–32; Ам. 1, 2). В некоторых случаях целые книги Библии сосредоточены на прегрешениях и наказании других народов (например, Ассирии в книгах Ионы и Наума и Едома в книге пророка Авдия). Хотя другие народы являются «миссионерским полем», на которое Израиль призван нести весть о спасении, тем не менее эти народы, особенно проявляющие враждебное отношение к Израилю и Богу Израилеву, считаются грешными и врагами (Исх. 15:9; Пс. 9:6 [Евр. 6]; 58:6, [7]; 105:41, 42).

Отдельные исследователи усматривают в библейских пророчествах об иных народах два противоречивых и даже несовместимых отношения к ним: с одной стороны, это желание Бога о спасении всех и условные пророчества, раскрывающие Божье милосердие и стремление простить и принять иные народы, если они раскаются (как описано в книге Ионы), с другой — национализм и Божественное верховенство, выражающие жесткую ненависть по отношению к чужеземным силам без возможности к покаянию и прощению (как в книге пророка Наума). Хотя отдельные представители израильского народа и считали эти две пер-

спективы несовместимыми (см. личную борьбу пророка Ионы по этому поводу), богодухновенные пророческие высказывания не являются противоречивыми, если рассматривать их как часть общей картины.

Отношение Бога к аморреям в Ханаане показательное в том, как соотносятся условность и владычество Бога в пророчествах против других народов. Бог предрек Аврааму, что его потомки будут пришельцами в земле чужой 400 лет, пока не получат во владение Ханаан: причиной отсрочки было названо то, что «мера беззаконий Аморреев доселе еще не наполнилась» (Быт. 15:16). Аморреям был дан длительный испытательный срок, в течение которого сам Авраам свидетельствовал им, и другие люди, истинно верующие во всевышнего Бога, использовали свое влияние, чтобы направить их к истине (например, Быт. 14:18–24). Но когда аморреи наполнили чашу беззаконий и полностью отделились злу (Лев. 18:24–28), их испытательный срок завершился, и Бог изгнал их и отдал их землю народу израильскому (Исх. 13:5; Втор. 7:1–5, 16–26).

Пророчества, касающиеся других народов в испытательную фазу их национальной истории, должны рассматриваться в свете общего принципа условности, изложенного в Иер. 18:7–10: «Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему. А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое пред очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его».

Предсказание Ионы «Еще сорок дней — и Ниневия будет разрушена!» (Ион. 3:4) — это явный пример условного пророчества, хотя принцип из Иер. 18 и не выражен здесь явно. Действительно, так народ Ниневии его и воспринял; они раскаялись в совершенном зле, и Бог отказался от Своего намерения разрушить город (Ион. 3:5–10).

С другой стороны, когда народы наполняли чашу беззаконий, более не отвечая на Божественные призывы к покаянию, обещанный суд однозначно свершался. Пророк Наум писал о Ниневии примерно веком позже, чем пророк Иона, в то время, когда Ниневия и народ Ассирии вернулись к жестокости, высокомерию и идолопоклонству. Чаша беззакония этого народа переполнилась. Науму ничего не оставалось, кроме как разоблачить чудовищные грехи ассирийцев и провозгласить окончательный приговор всевышнего Господа о гибели этого народа.

Не всегда возможно определить, дано ли пророчество о чужеземном народе тогда, когда испытательный срок для этого народа еще длится и угроза суда условна, или этот народ уже перешел границу Божьего долготерпения и судьба его уже решена. В Ам. 1, 2 пророчества о каждом из народов начинаются со слов: «За три преступления [народа X] и за четыре не пощажу его» (Ам. 1:3, 6, 9, 11, 13; 2:1). Использование формулы 3+4 [=7], вероятнее всего, означает завершенность или полноту прегрешений, и слова о том, что Господь не пощадит их, вероятно, означают, что их осуждение однозначное, то есть безусловное.

Однако это однозначное Божественное осуждение не всегда может включать в себя полное и окончательное или незамедлительное уничтожение наказываемого народа. Если в Ам. 1, 2 предрекается уничтожение и/или пленение политических сил, окружающих Израиль и Иудею (Сирии, Филистии, Тира, Едома, Аммона и Моава), в Иеремии указывается, что по крайней мере в случае Аммона и Моава Бог в конечном итоге «возвратит плен» этих народов (Иер. 48:47; 49:6). Относительно других народов, таких как Едом и Египет, пророк предсказал, что эти народы станут относительно незначительными игроками в будущей мировой политике (Иер. 49:15; Иез. 29:14–16). Полное и окончательное уничтожение предсказано Тиру (Иез. 26:1–14) и Вавилону (Ис. 13:20–22; Иер. 50:3, 13).

Несколько ветхозаветных текстов относятся к последнему суду над всеми народами мира в связи с эсхатологическим спасением Израиля (Ис. 24–27; Иез. 38–39; Зах. 9–14). Эти схожие с апокалиптическими тексты мы обсудим в связи с первоначальным планом и целью Бога для Израиля, к которым мы сейчас и переходим.

4. Царские обетования/пророчества относительно Израиля

Некоторые богословы считают, что обещания завета, данные Израилю, являются не пророческими предсказаниями, а лишь описаниями двух альтернативных путей, доступных Израилю (основополагающее описание их приведено в Лев. 26 и Втор. 27, 28): путь верности завету, ведущий к процветанию (благословения завета), и путь неверности завету, приводящий к катастрофе (проклятие завета). С технической точки зрения этот взгляд может показаться верным, в то же самое время Бог подробно описывает результаты участия Израиля в Своем плане использовать избранный народ в качестве агента для спасения всего мира. Поскольку здесь задействованы конкретные пророчества и поскольку этот Божий план для Израиля охватывает столь значительную часть Ветхого Завета, будет уместно включить эти обетования завета в наше обсуждение ветхозаветных пророчеств. Хотя следующий раздел очерчивает основные контуры Божьего плана для Израиля, нельзя быть полностью уверенным в точной последовательности событий, входивших в намерения Бога, потому что, как отмечено выше в таблице, в отличие от апокалиптического пророчества классическое пророчество не дает подробной и непрерывной летописи истории. Его «пророческая телескопия» часто перескакивает с локального непосредственного кризиса (например, язва саранчи в Иоил. 2) к эсхатологическому Дню Господню (Иоил. 3 [Евр. 4]), без перечисления всех исторических событий между этими двумя моментами.

Божественная миссия для Израиля

Бог с самого начала представил родоначальнику народа израильского, Аврааму, вселенскую миссию Израиля: «Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение... и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12:2, 3). Когда Израиль был формально основан как народ на горе Синай, Бог повторил Свой план, обещав сделать Свой народ «царством священников» (Исх. 19:6), передающим благословения завета миру.

На границе Ханаана Моисей получил и передал своему преемнику Иисусу Навину детальный Божий план миссии для народа израильского. После входа в Ханаан Ангел Господень будет идти перед ними и рассылать шершней, чтобы изгнать жителей этой земли (Втор. 7:17–20; см. Исх. 23:23, 28). Израиль должен был изгнать народы, теперь полностью отдавшиеся злу (Втор. 9:4; см. Быт. 15:16), но отдельные люди, все еще чуткие к могучим делам Божиим, должны были спастись и объединиться с Его народом (Нав. 6:22–25). Пока Израиль остается верным и послушным Богу в земле обетованной, благословения завета будут изливаться на народ (Втор. 28:1–14; см. Лев. 26:1–13). Люди будут настолько здоровы (Втор. 7:15; Исх. 15:26), счастливы (Втор. 28:2–8), святы (28:9), мудры (4:6, 7), нравственно просвещены (4:8) и преуспевающие (28:6, 7, ср. Лев. 26:4, 5, 10), что станут главою, а не хвостом (Втор. 28:13) над всеми народами земли «в чести, славе и великолепии» (Втор. 26:19). Все другие народы увидят, что имя Господа наречено на них (Втор. 28:10).

Во время объединенного Царства этому Божественному плану для Израиля уделялось более пристальное внимание с духовной точки зрения. Царь Давид, первым назначая людей прославлять Бога в скинии, призывал их провозглашать Божью славу среди народов (1 Пар. 16:24 = Пс. 95:3). Другие псалмы описывают, как Божья слава, пути и спаси-

тельная сила провозглашаются или достигают всех народов, даже до края земли (Пс. 47:11; 56:10; 65:4). То, о чем пел левитский хор, Соломон повторяет в своей молитве посвящения иерусалимского храма (3 Цар. 8:41–43). Это кажется близким к исполнению в карьере сына Давида, поскольку «все цари на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его» (3 Цар. 10:24), и богатства мира текли в его расширяющееся царство (ст. 14–29).

Ветхозаветные пророки (особенно Исаия как пророк Евангелия) усиливали видение Божьей масштабной программы для раскаивающегося и верного Израиля после вавилонского плена. Это славный план! Когда народ израильский вновь собирается в земле обетованной, Бог прощает и очищает его от грехов и дает ему новое сердце, вкладывает Дух Свой в людей и оставляет их ходить в Его заповедях (Иез. 36:24–28; см. Иер. 31:31–34). Разрушенные города восстановлены, и земля Израиля обновлена, словно Едем (Ис. 44:24–28; Иез. 36:33–35), и другие народы знают, что Яхве сделал все это для них (Иез. 36:22, 36). Пока Израиль верно служит Богу и получает соответствующие благословения завета, все народы видят его праведность и славу и называют его благословенным (Ис. 61:9; Мал. 3:12); Иерусалим становится хвалою и честью перед всеми народами (Иер. 33:9).

В результате и другие народы приходят к свету (Ис. 60:3)! Они собираются вместе, они текут, да, они бегут в Иерусалим (Ис. 66:18–20; см. 2:2) искать Господа (Зах. 8:20–23) и присоединиться к Нему (Ис. 56:7, 8; Зах. 2:11). Народ за народом идет к дому Господню, который называется «домом молитвы для всех народов» (Ис. 56:7), чтобы искать наставления в Его путях и служить Ему «плечом к плечу» (Ис. 2:3 = Мих. 4:2). Ворота Иерусалима открыты постоянно, чтобы принять богатства других народов, которые вкладываются в то, чтобы привлечь все новые народы (Ис. 60:1–11; см. 45:14; Агг. 2:7). В конечном итоге «все народы»

собираются в Иерусалиме и называют его «престолом Господа» (Иер. 3:17). Эти чужаки из других народов, «присоединившиеся к Господу», т. е. отдавшие свою преданность Яхве и держащиеся Его завета с Израилем, считаются в полном смысле частью сообщества завета Израиля (Ис. 56:1–8; Иез. 47:22, 23).

Таким образом, Израиль, совместно с небесными силами, подготавливает путь для грядущего Мессии. Мессия приходит и как представитель Израиля (Ис. 42:53) обобщает историю Израиля в Своей жизни (Мф. 1–5), принося спасение. В целом народ Израиля принимает Его как Мессию. Хотя Его все же предают некоторые из Его предполагаемых друзей (Зах. 13:6) и Он умирает за грехи человечества (см., например, Ис. 53), большая часть народа израильского, включая его вождей, принимает Его; и после Своего воскресения Он возвращается на небеса. Он занимает трон Давида и правит вновь объединенным царством израильским вечно (Иез. 37:22–25; Ис. 9:6, 7). Святилище и город Иерусалим, теперь отстроенный заново, также существуют вечно (Иер. 17:24, 25; Иез. 37:26). По мере того как народы принимают Господа и Его Мессию, Израиль расширяет свои границы (Ам. 9:12), пока его власть не охватывает весь мир (Ис. 27:6; Зах. 9:10). Таким образом, земля обетованная для Израиля расширяется за пределы Ханаана и включает в себя теперь весь мир.

Несколько ветхозаветных текстов описывают предреченное Богом завершение земной истории в финальной битве между Израилем и его врагами (Ис. 24–27; Иез. 38, 39; Зах. 9–14). Эти тексты в некоторых апокалиптических пророчествах ставятся на один уровень с пророчествами Даниила, поскольку описывают Божье окончательное, универсальное вмешательство в историю извне. Однако, поскольку эти схожие с апокалиптическими пророчества в первую очередь связаны со спасением Израиля как национальной, геополитической единицы, я считаю, что лучше считать их кульминацией обетований/пророчеств царства,

данных Израилю, и не рассматривать их как полностью апокалиптические.

Согласно универсальному сценарию конца истории, предсказанному в этих текстах, оставшиеся противники Израиля и его Бога из других народов мира начнут последнюю атаку на Иерусалим. Во время осады Иерусалима нечестивых израильтян убивают враги (Зах. 13:8; 14:2). Затем Бог призывает суды на мятежные народы, и они уничтожаются Господом в последней эсхатологической битве (Зах. 14; Иез. 38, 39). Господь поднимает праведников из мертвых и завершающими прикосновениями дает живущим бессмертие (Ис. 25:8; 26:19). Грешники также восстанут, предстают перед судом и после определенного периода времени (Тысячелетнего царства — Ис. 24:22) получают наказание, уничтоженные навечно (Ис. 24:20–23). Господь затем воссоздает новое небо и новую землю, воссоздает «Иерусалим веселием и народ его радостью» (Ис. 65:17, 18). Мир становится восстановленным Эдемом, и провозглашается универсальное и вечное Божье Царство (Зах. 14; Ис. 24:27; 35; 51:3). «Тогда из месяца в месяц и из субботы в субботу будет приходить всякая плоть пред лицо Мое на поклонение, говорит Господь» (Ис. 66:23). Грех и грешники полностью уничтожены, и зло больше не восстанет никогда (Ис. 66:24; см. Наум. 1:9).

Эсхатологическое исполнение Божественного обетования/плана для ветхозаветного Израиля

Один из наиболее важных вопросов в данном исследовании связан с исполнением (или неисполнением) различных ветхозаветных классических пророчеств, предсказывающих славное эсхатологическое будущее для Израиля. Ясно, что спустя более чем два тысячелетия после ветхозаветной эры многие пророчества, касающиеся будущего Израиля как народа, не исполнились так, как было предсказано в Ветхом Завете. Стали ли эти пророчества об Израиле действительными? Они уже не исполнятся? Или они все еще

являются частью Божественного плана на будущее? Если они исполнятся в будущем, какова природа этого эсхатологического исполнения?

На эти вопросы были получены очень разные ответы. Диспенсационалисты уверены, что в Библии изложено две явно различимые программы спасения для человечества — одна для этнической (геополитической) группы Израиля и одна для язычников (церкви). Божественные предсказания патриархам относительно геополитических аспектов израильской истории, так же как и духовных благословений, считаются безусловными, основанными на неотменяемых Божественных обетованиях (Быт. 12:1–7; 17:8; 26:3–5; см. 2 Цар. 7:12–17 и т. д.). Хотя ветхозаветный Израиль пережил проклятия завета в виде разрушения и пленения (описанные в Лев. 26:14–39 и Втор. 28:15–68), в то же самое время во исполнение этих же библейских текстов Израиль никогда не будет полностью отвержен и уничтожен, но в последние дни будет собран как геополитическая единица и вновь получит во владение свою землю (Лев. 26:40–45; Втор. 30:1–10).

Согласно этому сценарию, мы сейчас живем в эпоху господства церкви, которая представляет собой хронологический разрыв во всеобъемлющем Божьем плане для Израиля, вызванный изначальным отвержением Христа израильским народом. Хотя некоторые (прогрессивные) диспенсационалисты допускают частичное, духовное исполнение ветхозаветных обетований завета Израилю церковью, все они согласны, что полное и буквальное исполнение произойдет через восстановленное государство народа израильского. Государство Израиль, созданное в 1948 году, считается ключевым в завершении Божьего плана для Израиля как геополитического образования, и завершение этого плана считается неизбежным, происходящим буквально так, как описано в ветхозаветных пророчествах Царства.

Богословы христианского завета, с другой стороны, утверждают, что обетования/пророчества относительно

Израиля как народа были условными и зависели от верности народа завету. Согласно этой точке зрения, поскольку еврейский народ оказался неверным завету, отвергнув Мессию, ветхозаветный Израиль получил проклятия, описанные во Втор. 28, вместо благословений и был навсегда замещен церковью, которой принадлежит исполнение ветхозаветных обетований завета духовной природы. Тексты, описывающие славное будущее для народа израильского, обещанное на условии верности завету, более не действительны, а замещены духовным и универсальным исполнением в духовном Израиле — церкви.

Многие пророчества, сделанные ветхозаветными классическими пророками, действительно заключены в рамки отношений завета, в которых народ Божий всегда свободен оставаться верным завету и пожинать благословения завета или упорствовать в неверности и получить проклятия завета. Таким образом, как мы уже отмечали, классические пророки предлагают два возможных варианта: Божий план для благословения Израиля, если он следует пророческому призыву оставаться верным Его завету, но также осуждение и проклятия завета, если Израиль упорствует в неверности завету. В классическом пророчестве содержатся повторяющиеся призывы к покаянию, чтобы Бог мог излить Свои благословения, и предупреждения о суде, если Израиль не раскается. В этом отношении пророчества о царстве классических пророков могут считаться условными по своей природе.

В отношении завета мы должны помнить следующее: во-первых, на наиболее базовом уровне все Божественные заветы в Писании являются частью безусловного обетования Божьего организовать спасение для человечества, высказанного впервые в Быт. 3:15 и расширяемого в каждом последующем случае развития этого единого завета (см. например, обетования в Быт. 12, позже включенные в завет Авраама в Быт. 15 и 17). Таким образом, как мы уже отметили, приход Мессии для исполнения Божьего иску-

пительного заветного обетования является безусловным и абсолютно не зависит от человеческого выбора. Однако актуализация Божественного обетования в жизни людей зависит от ответа каждого человека и его принятия дара спасения от Мессии.

Вторая характеристика ветхозаветных заветов, в частности, заветов Авраама и Давида, — это их параллельность древним ближневосточным дарственным заветам⁽⁶⁾, когда царь дарует землю или владения одному из своих подчиненных и его потомкам навечно в качестве признания верности этого слуги. Бог обещал Аврааму и его потомкам вечное владение землей, основываясь на верности патриарха завету (Быт. 17:8; 26:3–5 и т. д.). Давиду Бог дал дополнительное обещание нескончаемого царства (2 Цар. 7:12–16; Пс. 88:34–37).

Третья характеристика библейских заветов также параллельна древним ближневосточным дарственным заветам, в которых только те потомки одариваемого, кто остался верным короне, на самом деле получают долю в подаренном навечно имуществе. Поколение за поколением потомков могут быть лишены права на владение этим имуществом, но в конечном итоге подаренное будет возвращено верному потомку. Так же и в Писании Бог завещает навечно землю Аврааму и его потомкам и царственный престол и царство Израильское Давиду и его сыновьям (2 Цар. 7:12–16). И хотя на протяжении многих поколений Божественный дар с его национальной составляющей удерживался, но в будущем все, что было обещано в рамках Божественного дара, будет возвращено потомкам Авраама, верным «вечному завету», заключенному с ним (Быт. 17:7, 13, 19).

Это подводит нас к последней и, на мой взгляд, наиболее важной характеристике ветхозаветных заветов. Кто является народом завета, который должен получить царство, обещанное Аврааму? Включает ли Израиль в себя только прямых, этнических потомков Авраама, чье родословие ведется от его сына Исаака и сына Исаака Иакова? Ответ

на это — громкое «нет»! Как мы видели выше, во всем Ветхом Завете говорится о том, что Божий план для Израиля заключался в привлечении народов и государств, окружающих Израиль, и приглашении их стать частью Божьего народа завета. Ветхозаветный Израиль состоял из прямых физических потомков Иакова плюс множества других людей из различных народов, принявших израильского Бога Яхве и решивших стать частью сообщества завета (к примеру, множество египтян во времена исхода [Исх. 12:38], Сепфора, мидяне и хушиты [Исх. 2:16, 21], хананеянка Раав и ее семья [Нав. 6:22–25], моавитянка Руфь [Руфь 1:16, 17], хеттеянин Урия [2 Цар. 11] и множество персов, присоединившихся к Израилю [Есф. 9:27]). Все они назывались Израилем, никто из них не считался людьми второго класса в народе израильском (Ис. 56:1–8; Иез. 47:22, 23). В Ветхом Завете не существовало двух разных планов для двух разных групп людей, боящихся Бога; все были призваны присоединиться к библейскому Израилю, всегда был остаток тех, кто не только назывался израильтянином, но также ясно демонстрировал истинную верность завету с Богом Израиля (например, Ис. 16:22, 23; Иер. 23:3; Мих. 2:12; Соф. 3:3)⁽⁷⁾.

Теперь в свете этих аспектов ветхозаветных заветов, которые будут дополнены информацией из Нового Завета, давайте посмотрим, как данные Израилю обетования Царства находят свое трехступенчатое эсхатологическое исполнение — в связи с Первым пришествием Иисуса и в связи с церковью на протяжении всей новозаветной эры, в том числе и в конце времен. Выше мы отметили, что уже в ветхозаветные времена обетования царства начали исполняться в эпоху Соломона и еще раз после возвращения Израиля из вавилонского пленения. Кульминацией этих обетований стало Первое пришествие Мессии в «последние дни» (Евр. 1:2). Когда Мессия, главный Царь Израиля и Представитель израильтян, пришел на землю, Он явил Собой основное исполнение этих обетований Царства (Мф. 12:28; 2 Кор.

1:20). Через Свою жизнь, смерть и воскресение Он провозгласил «власть» или «правление» Бога на земле («Царство благодати», которое Иисус называл «Царством Божьим»).

Во время Первого пришествия Христа народ израильский в целом «слушал Его с услаждением» (Мк. 12:37), и, хотя многие неверно понимали Его миссию, считая, что она заключается в политическом избавлении Израйля от оккупации Рима, они широко превозносили Его как Мессию (Мф. 21:1–11). В день Его воскресения ученики по пути в Еммаус утверждали, что Иисус «был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом» (Лк. 24:19). В день Пятидесятницы, через десять дней после Его вознесения, в один день были обращены тысячи иудеев (Деян. 2:41), и стабильно растущее новозаветное сообщество завета, как и в Ветхом Завете, состояло в первую очередь из иудеев — множества из них, к которым присоединилось другое множество язычников, ответивших на проповедь последователей Иисуса (Деян. 2:47; 4:4; 5:14; 6:1, 7 и т. д.).

Таким образом, Новый Завет не рисует картины двух отдельных планов спасения для двух отдельно взятых народов Божьих. Есть одно-единственное оливковое дерево, символизирующее истинных детей Божьих, которое состоит из естественных ветвей (верующих иудеев, духовного Остатка «по избранию благодати» — Рим. 11:5) и привитых (язычников, Рим. 9–11, особенно 11:17, 24), как и в ветхозаветные времена. Хотя во время Первого пришествия Иисуса многие из оливковых ветвей были сломаны, однако Павел ожидал эсхатологическую прививку к иудеям до Второго пришествия, чтобы таким образом «весь» истинный Израиль (и иудеи, и язычники) был спасен (Рим. 11:26).

С отходом израильского народа от теократии, вызванным отвержением Христа руководителями Иудеи, национальные (геополитические) обетования завета больше не могли быть исполнены в еврейском народе, как то изначально планировал Бог. В течение всей истории христианства духовные благословения завета были воплощены людьми

Божьего Завета, которые были как из иудеев, так и из язычников, собранных благодаря проповеди со всего мира. Духовный Израиль, церковь, как Тело Христово получает все обещанные благословения Царства (Гал. 3:29), но это только духовное исполнение; и то, что относилось к народу, теперь приобретает духовное, универсальное и/или небесное значение. Например, гора Сион используется как символ вселенской церкви (Рим. 9:33; 1 Петр. 2:6), которая теперь является «царственным священством, народом святым» (1 Петр. 2:9; ср. с Исх. 19:6), или отсылает читателей к небесному городу Иерусалиму, к которому устремлен дух земных верующих (Гал. 4:26; Евр. 12:22–24).

Но буквальность обетований завета не исчезает полностью. По истечении времени «эсхатологический Израиль», состоящий из всех верных Богу людей, живших на протяжении всех веков, включающий в себя и иудеев, и язычников, будет воскрешен и собран, чтобы увидеть и пережить окончательное, всеобщее, славное и буквальное исполнение обетований Ветхого Завета. На небесах в течение тысячи лет они будут царствовать со Христом в Новом Иерусалиме, а после окончания тысячелетия обретут наконец свое вечное наследство — обновленную землю (Откр. 20–22). Хотя культурно-специфические аспекты обетований геополитического ветхозаветного завета будут универсализированы, тем не менее их окончательное буквальное исполнение является определенным.

Книга Откровение подтверждает это окончательное и буквально-универсальное исполнение пророчеств Ветхого Завета, когда у Иезекииля (Иез. 38, 39) описывается история после Тысячелетнего царства и битвы сил зла. «Гог и Магог», символизирующие всех врагов Божьих, живших на протяжении истории земли, терпят поражение в нападении на святой город Божий и Его народ, а затем гибнут в озере огненном (Откр. 20:8, 9). Подобным же образом и Новый Иерусалим, вечный дом святых на обновленной земле, в значительной степени описан языком Иезекииля

(Иез. 40–48), а опыт, о котором писал Исаия (Ис. 25:8), исполняется в том виде, что «Бог отрет всякую слезу с очей их» (Откр. 21:4). Семя Авраама унаследует землю обетованную, которая уже и в Ветхом Завете была расширена, чтобы включить в себя всю землю. Кроткие в конце концов «наследуют землю» (Пс. 36:11, ср. Мф. 5:5)!

Подводя итог, можно отметить, что классические ветхозаветные пророчества имеют одно эсхатологическое (относимое к последнему времени) исполнение в три этапа: 1) инаугурационная эсхатология: основное исполнение ветхозаветных эсхатологических надежд, кульминацией которых стали земная жизнь и служение Иисуса, Представителя израильтян, при Его Первом пришествии; 2) апропрированная эсхатология, затрагивающая духовные аспекты служения церкви (состоящей как из иудеев, так и из язычников), Тела Христова, в период между Первым и Вторым пришествием Христа, но не имеющая национальных аспектов исполнения; 3) завершенная эсхатология: аспект окончательного, всеобщего исполнения пророчества эсхатологическим Израилем (всеми искупленными, включая и евреев, и язычников) в связи с вступлением в период, который наступит после Второго пришествия и будет включать в себя не только духовное измерение исполнения, но и буквальное⁽⁸⁾.

Способ исполнения на каждом из этих этапов различается в зависимости от физического и/или духовного присутствия Христа-Царя по отношению к Его Царству. На первом этапе, во время земного служения, Христос, будучи представителем народа Божьего, физически присутствовал на земле, и исполнение обетований было буквальным и локальным, сосредоточенным на Нем. Например, пророчества о собирании (Втор. 30; Иез. 36, 37) получили первоначальное буквальное исполнение, поскольку Он буквально призвал двенадцать учеников к Себе (Мф. 5:1; Ин. 10:14–16; 11:52).

На втором этапе, во времена церкви, для которой Христос универсален, но присутствует лишь духовно (посредством Его Духа), исполнение является уже и универсальным, и духовным. Например, в этот период ветхозаветные пророчества о собирании исполняются, поскольку народ Божий собран духовным образом (не физически) и повсюду, объединенный верою во Христа (Мф. 18:20; Евр. 12:22).

Наконец, во время Второго пришествия, когда Христос физически вернется и буквально объединит весь народ Божий, призвав Его к себе, воссоединит Царя и Его Царство, исполнение будет буквальным во славе и универсальным. Вновь возвращаясь к ветхозаветным пророчествам о собирании, во время Второго пришествия и после Тысячелетнего царства в преддверии вечности, Христос буквально и со славой собирает всех Своих людей к Себе (Мф. 24:31; 2 Фес. 2:1; Откр. 21, 22).

В книге Откровение различные ветхозаветные фрагменты окончательного исполнения соединяются и находят свое буквальное славное и всеобщее исполнение во Христе, Царе побеждающем, и Его народе, эсхатологическом Израиле.

5. Практические шаги для толкования

Следующие шаги могут стать полезным практическим руководством по толкованию пророческих предсказаний в Ветхом Завете.

1. Определить исторический фон пророчества: кто написал пророчество, когда и при каких обстоятельствах. Определить случаи, когда описание могло перейти от непосредственного локального кризиса, как приведено в книге или в конкретном тексте, к эсхатологическому «Дню Господню» в конце времен (к примеру, описание местной язвы саранчи Иоилем, а затем переход к эсхатологическому «Дню Господню»).

2. Проанализировать литературную структуру книги и рассматриваемого текста, определить место отрывка и его

роль в общей структуре главы или книги (к примеру, Быт. 3:15 является хиастическим центром Быт. 3).

3. Внимательно рассмотреть естественное грамматическое построение текста — слова, фразы, времена глаголов, структуру предложений, чтобы понять, что именно было предсказано (к примеру, в Быт. 3:15 переход от собирательного «потомки» [духовные потомки Евы] к «Потомку» в единственном лице [Мессии], этот переход также заметен в Быт. 33:17, 18, как отметил Павел в Гал. 3:6, 16).

4. Обратит внимание на любые очевидные символы или любой иносказательный язык и определить значение каждого символа или фигуры речи в свете непосредственного контекста и использования их в других частях Писания (например, множество знаков-действий в книге Иезекииля).

5. Определить, какой это тип пророческого предсказания: мессианский, пророчество против других народов или обетование Царства для теократического Израиля. Если это мессианское пророчество, обратит внимание, какие аспекты этого предсказания *не* зависят от выбора человека и поэтому являются безусловными и какие из них описывают результат пришествия Мессии, который зависит от реакции Израиля. Также обратит внимание на то, является ли предсказание напрямую мессианским (как в Пс. 109) или не напрямую (типологически) мессианским (как в Пс. 2). Если это типологически мессианское пророчество, следует искать указания в самом тексте на то, что язык предсказания выходит за то, что актуально для ветхозаветного человека, события или института, и указывает на Мессию. Можно использовать Симфонию, чтобы обнаружить связи между ветхозаветным пророчеством и жизнью Иисуса, описанной в евангелиях.

6. Если это пророчество Царства, касающееся будущего Израиля, важно проанализировать конкретные данные обетования или пророчества, проверить Симфонию, чтобы найти схожие пророчества в других частях Ветхого Завета.

Неплохо было бы представить первоначальный Божественный план для народа израильского, если бы он остался верным Богу, а также проклятия завета, которые грозят народу в случае неверности завету, что нарушит Божественный план.

7. Стараясь понять новозаветное исполнение этих обетований Царства, следует помнить, что Иисус — Представитель израильтян — воплощал Собой базовое, первоначальное, буквальное исполнение этих пророчеств о Царстве. (К примеру, пророчество о «собрании» народа получило свое буквальное первоначальное исполнение, когда Он собрал двенадцать учеников).

8. Важно осознать, что эти же самые обетования/пророчества завета нашли свое духовное исполнение в церкви, Теле Христовом (к примеру, церковь духовно объединена верой в Иисуса).

9. Стоит обратить внимание на то, что эти пророчества о Царстве найдут свое окончательное, универсальное и буквальное исполнение во время Второго пришествия и после него (к примеру, Христос в глобальном и буквальном смысле собирает всех Своих людей к Себе во время Второго пришествия и после Тысячелетнего царства).

10. В отношении национального/геополитического значения образа Израиля в пророчествах о Царстве важно помнить, что эта терминология (Иерусалим, гора Сион, Израиль и т. д.) в Новом Завете часто используется в более универсальном смысле и означает христианский Израиль, небесную реальность или Новый Иерусалим после Тысячелетнего царства.

11. Обетования Царства, описывающие врагов Израиля, в Новом Завете точно так же должны толковаться в отношении Христа (как в шагах 7–9): буквальные земные враги Христа во время Его Первого пришествия (например, Ин. 13:18), духовные, глобальные враги церкви в христианскую эру (Откр. 12:13–16) и буквальные, глобальные враги во время Второго пришествия и после него (Откр. 20:8, 9).

12. Ветхозаветные пророчества о Царстве, похожие на апокалиптические, относящиеся непосредственно к последней эсхатологической битве между Израилем и его врагами (Иез. 38, 39; Зах. 12–14; Иоил. 3; Ис. 24–27), должны также толковаться в соответствии с ориентированными на Христа принципами, изложенными выше. Окончательное исполнение *буквально* (например, враги Божьи в буквальном смысле пойдут против Иерусалима, и Масличная гора в прямом смысле разделится надвое [Зах. 12:1–9; 14:4; см. Откр. 20:9]), но упоминание Израиля и его врагов используется в более универсальном смысле: Израиль относится к истинному народу Божьему во все века; Гог и Магог относятся ко всем их врагам (Иез. 38–39; см. Откр. 20:8).

Ссылки

Библейские цитаты взяты из Синодального перевода Библии, если иное не указано особо.

- (1) См. J. Barton Payne, *Encyclopedia of Biblical Prophecy: The Complete Guide to Scriptural Predictions and Their Fulfilment* (Grand Rapids, MI: Baker, 1973), pp. 13, 674, 675. Согласно анализу Пейна, из 23 210 стихов в Ветхом Завете пророческую информацию содержат 6 641 или 28,5%.
- (2) Обсуждение библейской типологии см. в гл. 13 и Richard M. Davidson, *Typology in Scripture: A Study of Hermeneutical Typo Structures* (Andrews University Dissertation Series, 2; Berrien Springs, MI: Andrews University Press, 1981).
- (3) Перевод Института перевода Библии в Заокском.
- (4) См. Jack Collins, "A Syntactical Note (Genesis 3:15): Is the Woman's Seed Singular or Plural?" *Tyndale Bulletin* 48 (1997): 139–148; и Afolarin O. Ojewole, "The Seed in Genesis 3:15: An Exegetical and Intertextual Study" (Ph.D. Dissertation, Andrews University, 2002), 190–207.
- (5) Более полное обсуждение и доводы см. в Richard M. Davidson, "The Eschatological Literary Structure of the Old Testament," in *Creation, Life, and Hope: Essays in Honor of Jacques B. Doukhan*, ed. Jiri Moskala (Berrien Springs, MI: Old Testament Department, Seventh-day Adventist Theological Seminary, Andrews University, 2000), 349–366; см. например John H. Sailhamer, "The Messiah and the Hebrew Bible," *JETS* 44 (2001): 5–23.
- (6) См. Moshe Weinfeld, "The Covenants of Grant in the Old Testament and the Ancient Near East," *JAOS* 90 (1976): 184–203.

- (7) См. Gerhard F. Hasel, *The Remnant: The History and Theology of the Remnant Idea From Genesis to Isaiah* (Berrien Springs, MI: Andrews University Press, 1972); и Kenneth Mulzac, "The Remnant Motif in the Context of Judgment and Salvation in the Book of Jeremiah" (Ph.D. dissertation, Andrews University, 1995).
- (8) Более подробное рассмотрение этих принципов см. Davidson, "Sanctuary Typology," in *Symposium on Revelation –Book I, Daniel and Revelation Committee Series*, vol. 6, ed. Frank B. Holbrook (Silver Spring, MD: Biblical Research Institute, 1992), pp. 99–111, и Hans K. LaRondelle, *The Israel of God in Prophecy: Principles of Prophetic Interpretation* (Berrien Springs, MI: Andrews University Press, 1983).

ГЕРМЕНЕВТИКА И КУЛЬТУРА

Лаэль Цезарь, доктор теологии, помощник главного редактора журнала «Adventist Review»

Введение

В прошлом антропологи определяли культуру как заученные формы социально приемлемого человеческого поведения. Позже акцент сместился с заученных форм поведения на передачу заученных и незаученных форм поведения. Лесли Ньюбигин определяет культуру как «полную совокупность образов жизни, принятых в группе людей и передаваемых из поколения в поколение»⁽¹⁾. Поскольку религия является частью этой совокупности образов жизни, христиане задаются вопросом, как весть Священного Писания может передаваться разным культурам и поколениям. Эта глава познакомит читателя с некоторыми подходами к толкованию Библии, основанными на гендерных и культурных различиях.

Предпосылки библейской герменевтики

В практике библейских исследований проблему предпосылок вряд ли можно игнорировать или даже минимизировать, поскольку различные предпосылки естественно ведут к радикально различающимся выводам.

Хотя личные предпосылки не определяют реальность, они отражают то, как человек переживает эту реальность. В данной статье мы рассмотрим, как проблема личных предпосылок связана с принципом библейского толкования *sola scriptura*. В вопросах поиска спасительной истины

и вечной жизни предпосылки намного важнее, чем в абстрактной логике и играх с мячом. Неверные предположения тренера о том, какая стратегия будет наилучшей и кого выпустить на поле против другой команды, могут привести к поражению в игре или серии. Но в библейских исследованиях неправильный образ мыслей может привести к потере веры и жизни. Несмотря на важность этого факта, кажется, что нет конца многообразию мыслительных установок, существующих в нынешних подходах к толкованию Библии.

Руководители, служащие всемирной церкви, подтверждают на основании личных наблюдений то, что многие современные верующие уже знают из своего опыта. Местные общины, равно как и руководящие конференционные и унионные церковные организации, являются сегодня фактически той главной силой, которая формирует восприятие, возвращает сознание и определяет богословскую позицию и идентичность членов церкви. К примеру, «консерваторы» могут объединиться и собраться, чтобы поддержать предпочитаемую ими культуру, «культуру благоговения». В то же самое время их психологические и порой хронологические оппоненты, которых, вероятно, можно назвать «более просвещенными либералами», могут собраться в другом месте, чтобы создать и осуществить на практике свой собственный кодекс поклонения. Благодаря этому постоянному процессу вера и традиции двух общин адвентистов седьмого дня со схожим этническим и расовым составом в Северной Америке может отличаться так же сильно, как отличаются между собой общины Северной Америки и Западной Африки.

Все эти различия, проявляющиеся в местных общинах благодаря региональным, национальным, экономическим и гендерным факторам, в настоящий момент используются и в толковании Библии. Это разнообразие ведет к формированию латиноамериканского, афроамериканского, южнокорейского, индийского, феминистического и других под-

ходов к толкованию Библии. Мы не будем рассматривать здесь все эти варианты, но, познакомившись с некоторыми важными участниками этой мультикультурной симфонии библейского толкования, постараемся подчеркнуть определенные ценные преимущества чтения Библии с учетом культуры, класса и гендерной принадлежности в отношении принципа *sola scriptura*, остерегаясь при этом возможных ошибочных заключений.

Ценность такого исследования можно измерить по двум параметрам: (1) уважение к искренности и интенсивности всех представленных точек зрения и (2) степень, в которой диалог всех участников приводит к более четкому богословскому пониманию, которое прославляет Бога, поистине чтит Его Слово и приносит духовную пользу участвующим в нем людям. Что касается первой из них, многие богословы, говорящие в мультикультурном контексте, — это глас, вопиющий против боли несправедливости. Говоря о чувстве подчиненности, которое вызывает такой протест, Альбер Камю писал, что «между рабом и господином и впрямь нет ничего общего; с подневольным существом невозможно ни говорить, ни общаться»⁽²⁾. В отношениях господина и раба обычно не происходит сочувственного слушания. Чтобы наилучшим образом оценить взгляды, высказываемые в таком герменевтическом диалоге, читатель должен желать услышать его участников как коллег, а не как начальников или подчиненных.

Отношения диалога не могут быть исчерпывающими. Мы можем упустить некоторые нюансы теологии минджун (*minjung*)⁽³⁾, богословия черных, феминистского богословия или теологии освобождения. От силы эмоций, глубин чувствительности и сострадания или от чувства отрицания дорогих им идей они чувствуют и вопиют еще больше. Чувственные страдания, которые испытывают эти богословы, формируют реальную часть логики их доводов.

Мультикультурные определения библейского Бога: избранные примеры

Черная теология (афроамериканцев)⁽⁴⁾

Джеймс Кон считал уместным определять богословие чернокожих в связи с их историей и так называемой «черной силой». История чернокожих пересматривает прошлое и создает новые символы взамен уничтоженных рабовладельцами. Идеология «черной силы» означает, что афроамериканцы принимают неэффективность одного лишь богослужения и призывают людское сознание покончить с их угнетенным положением. Молитвы, гимны и проповеди, пассивное сопротивление и взывание к рассудку и философии никогда на самом деле не изменяют доли эксплуатируемых. «Напрасно мы ждем Духа Святого в этом вопросе!»⁽⁵⁾ Почему? Потому что «у угнетателей нет иной совести, кроме как защищать свои интересы»⁽⁶⁾. Поэтому «черная сила» должна прекратить угнетающий контроль хозяина над жизнью, историей и судьбой чернокожих.

Черная теология помещает усилия по освобождению темнокожих в богословский контекст⁽⁷⁾. И поскольку освобождение является основной темой богословия чернокожих, история об исходе народа израильского служит наиболее сильным повествованием и символическим выражением в теологии чернокожих. Для Кона «говорить о христианском Боге — значит говорить о Том, Кто определил Себя в отношении освобождения угнетаемых»⁽⁸⁾. В целом Кон хочет показать, что Бог Священного Писания определяет Себя как Спаситель-Освободитель.

Взгляд Кона на спасение как на трансцендентное измерение библейского Бога в целом служит типичным примером широкого спектра прочтений Священного Писания в контексте культуры. Обзор других региональных и местных видов богословия указывает на объединяющую силу этой концепции. Это понимание Бога освобождающего созда-

ет платформу для библейского толкования, при котором южноафриканцы, афроамериканцы и субконтинентальные индейцы могут объединиться. Это своеобразный якорный трос, за который держатся как корейские минджун, так и индийские метисы (англо-индийцы), это вера, которая объединяет латиноамериканцев в Чикаго и Нью-Йорке с мигрантами из Западной Индии в Лондоне. Якорем всех этих богословских судов является уверенность в связи с Богом, Который освобождает женщин, рабов и детей от личного порабощения и от социальной тирании, Богом, Который достаточно заботится о справедливости, чтобы защитить презираемых, попираемых, отвергаемых и забытых.

Теология минджун

Теология минджун прочитывает Библию с позиции минджун — идеологии «политически угнетенных, социально оторванных, экономически эксплуатируемых и остающихся без образования в культурных и других важных вопросах»⁽⁹⁾. Ан Бьюнг Му, один из теоретиков теологии минджун, рассматривает толпу [*ochlos*] в Евангелии от Матфея как синоним минджун⁽¹⁰⁾. Ан заключает, что слова Иисуса в Мк. 3:34: «Вот мать Моя и братья Мои» объединяют толпу как новое сообщество или семью взамен Его кровных родичей⁽¹¹⁾. В Мф. 12:49 подчеркивается, что Иисус, произнося эти слова, указывал на Своих учеников [*mathetai*], а не на толпу [*ochlos*]. Но поскольку для богословия Ан идея *ochlos* важна, он утверждает, что слово *mathetai* в Евангелии от Матфея было просто заменой слова *ochlos*, чтобы смягчить неприятность радикализма Иисуса. Таким же образом, утверждает Ан, параллельный текст в Евангелии от Луки полностью опускает утверждение «Вот мать Моя и братья Мои»⁽¹²⁾.

Сочувствие Ан к минджун кажется отражением сочувствия Иисуса к толпе, следовавшей за Ним. В соответствии с этим псевдоревизионистским прочтением Священного Писания Ан сумел истолковать блуждание Израиля по пу-

стыне, общину Моисея в пустыне (Числ. 27:17) как толпу нуждающихся верующих, голодных и следовавших за ним, но отделившихся от своих правителей⁽¹³⁾.

Феминистское богословие

В своей статье «Второе прочтение Библии для женщин»⁽¹⁴⁾ Эльза Тамез жалеет об освящении «древних традиций еврейской культуры, направленных против женщин»⁽¹⁵⁾. Идеализирование этих традиций как «так говорит Господь» сегодня делает социальное отчуждение женщин нормальной частью повседневной жизни. Тамез определила три проблемы, возникающие, по ее словам, из неправильного прочтения Библии: во-первых, пагубное влияние на женщин и мужчин, усвоивших антиженское прочтение Библии, во-вторых, легитимность текстов, требующих отчуждения женщин, и в-третьих — в основном среди протестантов — принцип авторитета Библии в традиционном понимании.

Есть интересное соответствие между взглядом Тамез на протестантскую проблему библейского авторитета и ее решением всех трех упомянутых дилемм. Протестанты запинаются о классическое высказывание Павла, которое «требует, чтобы женщина подчинялась мужчине», поскольку, каким бы неприятным ни казалось это требование, оно встречается в книге, которую они считают непогрешимой. Но ни протестантская проблема, ни какая-либо другая не существовали бы, если бы Библию считали тем, чем она на самом деле является: «свидетельством иудео-христиан с определенной культурой, для которых святое откровение всегда действует в угоду тех, кто обладает наименьшим»⁽¹⁶⁾. Понимая это, женщины бы знали, что призваны «отвергнуть авторитет такого прочтения, которое идет им во вред»⁽¹⁷⁾.

Поэтому, вместо того чтобы отвергать Библию (как это было с некоторыми феминистками в развитых странах) и то, что она критикует как «преувеличенную реакцию»⁽¹⁸⁾, Тамез предлагает ключ к прочтению Библии, который от-

меняет и запрещает тексты, найденные враждебными по отношению к женщинам. Ее ключ раскрывает Библию с женской точки зрения и приветствует мир бедных. Он действует через главную тему освобождения, подчеркивая принцип, что «Бог на стороне угнетаемых»⁽¹⁹⁾. Поскольку Тамез не сомневается в том, что Бог «предпочитает быть на стороне бедных», ее видение не делает различий между потребностями феминисток и кризисом бедности.

Каждое освободительное чтение с точки зрения латиноамериканской женщины должно пониматься в рамках, возникающих из ситуации бедности. В контексте страданий, недостаточного питания, репрессий, пыток, индейского геноцида и войны — иными словами, в контексте смерти — нет большего приоритета, чем очертить и четко проговорить прочтение [Библии] в соответствии с этими ситуациями⁽²⁰⁾.

Подобно другим видам герменевтики, основанным на гендерных и культурных различиях, Эльза Тамез, при всей ее сдержанности, толкует весть Священного Писания таким же образом — с точки зрения бедных и угнетаемых, будь то женщины, чернокожие или индейцы, и ради их освобождения.

Мультикультурное прочтение Библии

Изложенные выше примеры афроамериканской, южнокорейской и феминистской герменевтики могут умножаться как внутри каждой из этих сфер, так и по всему спектру мультикультурного прочтения Библии. Они предлагают взгляд на мир определенных специальных толкователей, чьи взгляды отличаются и резко контрастируют с традиционным пониманием, доминировавшим в христианском богословии до середины двадцатого века. Они также предлагают взгляд на Священное Писание и Бога Священного Писания, особенно Иисуса, связанный с этим миром. В некоторых случаях читатели высказывают озабоченность влиянием Библии на продвижение процесса колонизации. Стэнли Дж. Самарта задает вполне законный вопрос отно-

сительно чужеродности европейского толкования источника, имеющей семитское происхождение.

Как может Библия, семитская книга, сформированная через устную и письменную традицию в абсолютно ином географическом, историческом и культурном контексте, принимаемая и истолковываемая Западом в течение столетий веков с помощью герменевтических инструментов, предназначенных для удовлетворения иных нужд и сформированных иными историческими факторами, теперь толковаться в Азии азиатскими христианами для их собственного народа?⁽²¹⁾

Но вопрос не просто в противопоставлении азиатского и западного писания. По сути дела, сам английский язык, даже более чем сама Библия, рассматривается как главный инструмент процесса богословской колонизации. Хотя это язык почти всего азиатского христианского богословия, он, в основном, является вторым языком для азиатских христиан, которые, таким образом, принуждаются к богословскому взаимодействию в среде, отодвинутой от их естественных побуждений и родной культуры. «Деколонизация речи намного сложнее, чем деколонизация территории»⁽²²⁾.

Социально-психологический анализ Андреа Нг'вешеми продолжает это исследование авторитета западной библейской традиции. Автор считает, что сам процесс обращения в христианство уже обладает серьезными недостатками. Она отмечает, что вопросы для кандидатов на крещение требуют, чтобы они отреклись от себя, своей религии и культурных традиций, чтобы «соответствовать религии, культуре и цивилизации миссионера»⁽²³⁾. Нг'вешеми утверждает, что в противоположность этому отрицанию себя новая судьба кандидата подразумевала, что он должен стать подобным миссионеру. «Это подразумевало, что быть подобным миссионером значило быть человеком»⁽²⁴⁾. Она считает, что африканско-освободительное богословие является естественной и логичной реакцией против подобного обесчеловечения всего африканского через обращение в христи-

анство. Через такое освобождение африканского человека и африканского духа Бог демонстрирует присутствие и работу Своего Царства в мире. Ибо, как показывает служение Христа, Царство Божье означает «полное исчезновение отчуждения, полное изменение, независимую жизнь, жизнь „сполна“, направляемую Богом»⁽²⁵⁾.

Приведенное только что определение Царства Божьего из влиятельной книги по богословию освобождения взято из главы под названием «Из угнетенных: новое человечество»⁽²⁶⁾. Рассуждая о важности слова «освобождение», Леонардо и Клодовис Бофф отмечают, что это слово включает в себя одновременно и спасение человека, и спасение всего мира⁽²⁷⁾. Авторы, очевидно, говорят о потерянном и обретенном рае. Несколько удивительно, что богословие, основанное на культурных и гендерных различиях, включает в себя сокращенную версию возврата к первоначальному состоянию ныне потерянного мира. С необходимым уважением к ценности контекстуализации кажется, что по меньшей мере тема человеческой ориентации и судьбы должна включать в себя вопрос: «Как мы здесь оказались?»

Библейская оценка

Незнание корней часто приводит к дезориентации. Поэтому важные евангельские инициативы должны включать в себя знание корней. Служение Павла говорит о его абсолютной чувствительности к вопросу мультикультурности, а его труд указывает на твердую поддержку данной позиции. Он был всем для всех народов. «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:20–22). Этот отрывок показывает, что необходимо прилагать все усилия,

чтобы провозглашать Евангелие соответствующим и значимым образом для современных подгрупп, разделенных как по гендерному, так и по географическому или этническому признаку. Однако контекстуализация евангельской вести в проповеди, произнесенной в афинском ареопаге (Деян. 17), показывает, что Павел понимал и важность сохранения «столпов».

В проповеди Павла в Афинах выделяются пять фактов, напрямую связанных с нынешней дискуссией. Павел представляет своего Бога просвещенным, но духовно невежественным афинянам с точки зрения (1) Его личности, (2) Его власти творить и поддерживать жизнь, (3) Его причастности к сотворению всех «от одной крови», (4) Его судейской власти и (5) Его искупительной цели.

Мы попытаемся кратко прокомментировать эти пять моментов.

(1) Павел хотел, чтобы афиняне узнали его Бога как личность. Использование Павлом слова среднего рода «*которого вы чтите*» по отношению к понятному им божеству явно контрастирует с использованием местоимения мужского рода в единственном лице по отношению к Богу, Которого он хочет им представить (Деян. 17:24).

(2) Творение — это отличительная черта Бога. По Его творческой силе мы знаем, что Он — Бог. Его ежедневная забота обо всем творении — это не что иное, как постоянная демонстрация той Божественности, которая присуща лишь Ему. Он не нуждается ни в чем и не требует служения рук человеческих, но все зависит от Него. Он Сам [подчеркивается в греческом тексте] дает всему творению жизнь, дыхание — всё.

(3) Бог сотворил всех «от одной крови». Павел должен был знать, что это утверждение потрясет греческую исключительность до мозга костей. Но ни его ученость, ни чувствительность, ни его гибкость не позволили ему изменить всю мощь этого факта. Он говорит просто и без прикрас: Бог создал нас «от одной крови» (17:26).

Ни один грек, а тем более афинянин не принял бы этого утверждения. Для них различие между греками и варварами было радикальным и существенным. Одному природой было предназначено быть рабом другого (Аристотель, Политика i. 2. 6). Но в богословии Павла не было места для «высшей» расы. Он верил в историю сотворения человека, записанную в книге Бытие. Он видел единство в физическом строении, способностях и реальном развитии людей, которое не позволяет ни одному народу — евреям, эллинам, римлянам или германцам — считать себя сливками человечества⁽²⁸⁾.

Это означает, что как греки и варвары были едины по своему происхождению, точно так же едины и все люди в нынешнем мире. Любое пренебрежение этим фактом или его принижение на основании экономических, этнических или гендерных различий препятствует решению общей дилеммы человечества.

(4) Поскольку Бог — Господь всего, поскольку Он поддерживает все Своей непрестанной заботой, Бог может призвать всех к ответу. Он Судья всего мира.

(5) Судебная власть Бога подтверждается Его искупительным чудом — чудом, доступным каждому желающему «ошутить Его» (Деян. 17:27). Господь гарантирует, что мы найдем Его, если будем искать всем своим сердцем (Иер. 29:13). Иисус, Сын Божий и воскресший из мертвых Спаситель, есть кульминация всего Евангелия. Его спасительная работа, Его творение нового человечества — эти кульминационные возможности проистекают из того, Кем на самом деле Он является.

Сравнение

Павел, великий проповедник Евангелия, всегда был приверженцем контекстуализации. Поэтому его методология обосновывает нынешние усилия по созданию богословия, имеющего значение для людей различных групп. Его подход достоин подражания, и его отправная точка имеет боль-

шое значение. В этом смысле он отличается от современных представителей определенных групп, говорящих об освобождении на основании библейских категорий. Сопоставление отправных точек деятельности Павла и современного богословия выявило следующие различия:

1. Отправная точка контекстуализации Джеймса Кона — его принадлежность к чернокожей расе.

Отправная точка контекстуализации Павла в Деян. 17:24 — Бог.

2. Отправная точка богословия Кона — освобождение. Отправная точка богословия Павла — Творение.

Мультикультурализм и авторитет Библии

Личный опыт — это отправная точка практического богословия, будь то азиатское, африканское, латиноамериканское или феминистское. Хотя это и не универсальное правило, но в подавляющем большинстве случаев это именно так. Аргументы за южноазиатов против семитов и европейцев, латиноамериканских феминисток против «антиженского» Священного Писания или афроамериканцев против белых поднимают серьезные вопросы: если, к примеру, феминизм прав, противостоя патриархату, или африканизм прав, противостоя европоцентризму, должен ли в этом случае феминизм или африканизм заместить силы, которым они противостоят? Не делает ли уничтожение патриархата феминистов виновными в том же самом насилии, за которое они критикуют доминирующих мужчин?

Один главнейший вопрос заменяет все остальные: учитывая враждебность их риторики друг к другу, какая из этих конкурирующих точек зрения является правильной, исходя из которой можно читать Библию? Мы не можем отрицать, что эти герменевтики имеют много общего. Это тема привилегий против непривилегий. Тем не менее следует отметить, как последовательно враждебное отношение Священного Писания благоприятствует мне, конкретному экзегетику, осуждая тех, кого я считаю своим политико-экономиче-

ским или социально-культурным противником или врагом. Достоин похвалы, что библейские экзегеты, толкующие Писание с точки зрения культурных и гендерных различий, открывают Божью весть для себя и своего народа посредством изучения Библии. В то же время трудно признать благом чтение Библии, которое последовательно оправдывает меня лично или мою группу и принижает моих соседей. Такие результаты благодаря их явной направленности на самоугождение могут обесценивать само исследование, из которого они произошли. Более того, они предполагают, что толкование и применение Библии больше связано с внешними и видимыми элементами, отличающими одну культуру от другой, чем с общими аспектами человеческой природы, присущими всем.

Поскольку внешние проявления культуры важны и материальные артефакты также являются выразительным средством нашей культуры и поскольку люди и сообщества познаются «по плодам их» (Мф. 7:16), толкование не должно их игнорировать. Тем не менее разумное исследование не подрывает моральный авторитет Библии, разделяя людей на категории «мы и они», в которых «мы» оправдываемся в силу нашего пола, расы или богатства, тогда как «они» осуждаются за свой пол, расу или благосостояние.

И вновь осознанная, подсознательная или бессознательная заведомая приверженность самооправданию и настроенность против других людей в чтении Библии подрывает авторитет Священного Писания и нарушает трансцендентность принципа *sola scriptura*. Предсказуемо и правильно, что чтение Библии основывается на собственном опыте. Опасно и неверно, что собственный опыт становится основой или лакмусовой бумажкой для доказательств Священного Писания. Мультикультурные подходы к прочтению Библии часто понимаются именно таким образом, даже если такая цель не ставилась. Достаточно часто они являются реакцией на кажущиеся перекосы в богословии. Независимо от того, обвиняют ли они церковь или Библию в этих

перекосах, они хотят исправить существующие ошибки и перекосы, придавая вес точкам зрения, которые давно игнорируются.

Но если отправной точкой является личный опыт, а не Божественное откровение, их выводы вряд ли могут быть сбалансированными или безусловно полезными для них или для кого-либо еще. Ирония такой культурно обусловленной точки зрения в том, что их чрезмерный упор на Иисусе как на *Спасителе*, а не на *Творце* становится самой значительной теологической слабостью многокультурных библейских интерпретаций. Не имея основополагающей уверенности в богооткровенном авторитете Библии в целом, в том числе и первых одиннадцати глав книги, они вынуждены бороться за точку опоры.

Тема Седьмой ассамблеи Всемирного совета церквей может восприниматься некоторыми как подтверждение четкого креационистского богословия⁽²⁹⁾. «Приди, Дух Святой, — призывала она, — обнови все творение». К этому прибавилась молитва, с которой делегаты обращались время от времени: «Податель жизни, поддержи Свое творение!» Однако богослов и феминистка Чунг Хюн Кюннг, представительница пресвитерианской церкви, усомнилась в истинном значении этого языка. Профессор Чунг, которой было поручено выступить на пленарном заседании по теме ассамблеи, начала свое выступление, обратившись к различным духам — мучеников, студентов на площади Тяньаньмэнь, духам земли, воздуха и воды и «Духу Освободителя, нашего брата Иисуса, замученного и убитого на кресте»⁽³⁰⁾. Возможно, в ВСЦ есть те, кто превозносит непогрешимую власть Библии, но, учитывая заметную роль Чунг и ее изложение темы ассамблеи, кажется разумным задать вопрос, насколько Бог-Творец из книги Бытие 1–11 является Господом такого богословия. По словам профессора Чунг, те, кто обвиняет ее в синкретизме, являются частью западного мужского интеллектуализма и власти, людьми, которые устанавливали пределы деятельности Духа в течение двух

тысяч лет. Но «богословие третьего мира, — утверждает она, — это новая парадигма»⁽³¹⁾. Какова бы ни была ее новизна, парадигма Чунг, охватывающая множество духов, не основана на Библии и не направлена на подтверждение трансцендентности и уникальности Писания.

Возвращаясь к мнениям Тамеза и Самарты, следует напомнить о том, что протестантская уверенность в авторитете Библии не является ни реакцией против папской власти, ни источником проблем в толковании Библии. Протестанты не реакционны, потому что знают, что Святой Дух, а не церковь является сверхъестественным источником Писания. Тамез считает, что антиженские тексты Библии следует игнорировать или истолковать заново⁽³²⁾; уважение Самарты к индуистским и буддийским писаниям, его упоминание устных семитских традиций как сложности для библейского толкования; мнение Ан, что богословие апостола Луки потребовало удалить слова Иисуса, — все эти высказывания выдают ограниченный и неадекватный взгляд на авторитет Библии. Все эти заявления неудивительны, поскольку, как объясняет редактор Сугиртараджах, его авторы используют историко-критические методы толкования⁽³³⁾. Эти методы сводят Библию к статусу документа, пусть и почитаемого, но написанного смертными, который мы, такие же смертные, можем судить с позиции человеческого разума. Но причастность человека к написанию Библии не позволяет нам считать ее обусловленной ограничениями нашего разума.

Хотя Бог обращался к определенным поколениям, Он видел, что будущие поколения, читающие Слово Божье, поймут в нем ход мыслей, учений и доктрин, выходящих за пределы местных и ограниченных обстоятельств, в контексте которых эти тексты были созданы⁽³⁴⁾.

Более того, Слово Божье непогрешимо и стоит вечно. Христос провозгласил: «Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта

не преидет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5:18). Слово Божье пребудет вечно.

Заключение

Многое можно было бы еще сказать относительно личных и/или групповых предпосылок в контексте этнических, гендерных и других способов прочтения Священного Писания. Наш разговор не был исчерпывающим ни в общем спектре герменевтики, ни в плане изучения какого-либо конкретного вида герменевтики из этого спектра. Много лет назад, говоря о «черном богословии», Марк Чепмен отметил, что «ни в каком из моментов своего развития оно не было монолитным предприятием»⁽³⁵⁾. То же самое, без сомнения, относится к каждому из видов культурно обусловленной или гендерно обусловленной герменевтики, рассмотренных здесь. Смысл их, возможно, был упрощен.

Следует признать, что богословие, созданное этими герменевтиками, не является статическим богословием. Как отмечает Тинико Сэм Малулук, «африканские бедняки с презрением относятся к „риторике освобождения“ вне зависимости от кварталов, в которых она родилась, потому что... они остаются бедными...»⁽³⁶⁾ Ни политико-экономические, ни богословские цветастые речи не принесли им того, на что они надеялись. Поэтому богословы вынуждены продолжать поиск того, что будет работать. Появившиеся новые парадигмы могут вскоре подвергнуться той же критике. Целостный подход к проблемам, присущий Седьмой ассамблее Всемирного совета церквей, привлек значительно большее внимание к экологическим проблемам, увязав их в том числе и с такими вопросами, как феминизм и языческая духовность. Под этим холистическим зонтом нашли себе пристанище и теология ЛГБТ-сообщества.

И все же мы можем предложить обобщающие комментарии, имеющие отношение к области. В целом отправной точкой для контекстуализации ученых является личность и группа личностей. Даже в видении Малулэка будущего

африканского богословия оно по-прежнему основывается на коллективном «я», каким бы иным и разнообразным оно ни было. Но Павел показывает, что нашей отправной точкой должен быть Бог, как Он открыл Себя нам. Библия — наш авторитетный источник информации, уникальное откровение Бога о Себе Самом. Опять же, отправная точка для исследователей, упомянутых выше, находится здесь и сейчас. Павел показывает, что нашей отправной точкой должно быть начало, в котором Бог сделал все творение весьма хорошим. Хотя грех искажил Его совершенное творение, Он стремится к его восстановлению.

В Божьей программе восстановления миссия Церкви адвентистов седьмого дня по-прежнему заключается в том, чтобы исправить нарушение Закона Божьего и Его Слова. Это возможно только в случае перехода от человеческих средств спасения к Божьему пути и к Его Слову. Подобная программа основывается на понимании, проистекающем из Библии. Дезориентированное человечество должно восстановить истину относительно своего происхождения от рук любящего Бога-Творца. Только с этой точки зрения спасение Христа может проявиться в своем истинном величии. Для достижения этих целей требуется самое твердое соблюдение принципа *sola scriptura*.

Ссылки

Библейские цитаты взяты из Синодального перевода Библии, если иное не указано особо.

- (1) Lesslie Newbigin, *Foolishness to the Greeks: The Gospel and Western Culture* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1986), p. 3.
- (2) Albert Camus, *The Rebel: An Essay on Man in Revolt*. With a foreword by Sir Herbert Read; *L'Homme Revolte*, rev. & trans., Anthony Bower (New York, NY: Vintage Books, 1956), p. 283.
- (3) Скорейского *minjung* — народное богословие. Сформировалось в 1970-х гг. в южнокорейском христианстве в контексте борьбы за социальную справедливость.
- (4) Мы признаем разницу между афроамериканским и африканским богословием, о котором говорили Джон Мбиби и Дезмонд Туту. См. J. Mbiti "An African Views American Black Theology," in James H. Cone and Gayraud

- S. Wilmore, eds., *Black Theology: A Documentary History*, 2 vols. (Maryknoll, NY: Orbis, 1993); 1:379–384. Мбити утверждает, что «богословие чернокожих не может стать и не станет африканским богословием» (с. 382). В отличие от него, Дезмонд Туту рассматривает богословие чернокожих (афроамериканское) как внутренний круг чего-то более обширного, заключающегося в африканском богословии. См. Desmond M. Tutu, “Black Theology/African Theology—Soul Mates or Antagonists?,” in Cone and Wilmore, 1:385–392.
- (5) Cone and Wilmore, 1:108.
- (6) Там же.
- (7) Там же, 1:109.
- (8) Там же.
- (9) Из предисловия редактора к статье Ahn Byung-Mu “Jesus and the Minjung in the Gospel of Mark,” *Voices from the Margin: Interpreting the Bible in the Third World*, ed. R. S. Sugirtharajah (Maryknoll, NY: Orbis Books, 1995), p. 85.
- (10) Там же, с. 84–104.
- (11) Там же, с. 90.
- (12) Там же.
- (13) Там же, с. 88.
- (14) Elsa Tamez, “Women’s Rereading of the Bible,” in Sugirtharajah, pp. 48–57.
- (15) Там же, с. 50.
- (16) Там же, с. 51.
- (17) Там же, с. 52.
- (18) Там же.
- (19) Там же, с. 55, 56.
- (20) Там же, с. 55.
- (21) Stanley J. Samartha, “Scripture & Scriptures,” in Sugirtharajah, p. 21.
- (22) Там же, с. 23.
- (23) Andrea Ng’weshemi, “‘Who Am I? Who Are We?’ Religious Conversion and Identity Crisis: Case of Africa,” in *Africa Theological Journal*, 24, no. 2 (2001): 25.
- (24) Там же, с. 30.
- (25) Leonardo Boff and Clodovis Boff, *Introducing Liberation Theology*, (Maryknoll, NY: Orbis Books, 1987), p. 90.
- (26) Там же, с. 90–95.
- (27) Там же, с. 91.
- (28) F. D. Nichol, ed., *Seventh-day Adventist Bible Commentary*, rev. ed., 7 vols. (Washington, D.C.: Review and Herald, 1980), 6:352, 353.
- (29) См. *Michael Kinnamon, ed., Signs of the Spirit: Official Report of the Seventh Assembly of the World Council of Churches, Canberra, Australia 7–20 February 1991 (Geneva: WCC, 1991), pp. 54–59.*
- (30) Chung Hyun Kyung, “Come Holy Spirit—Renew the Whole Creation,” in Kinnamon, p. 39.
- (31) Kinnamon, p. 16.

- (32) Адекватное обсуждение так называемых «антиженских текстов» см. Richard M. Davidson, "Headship, Submission, and Equality in Scripture," in Nancy Vyhmeister, ed., *Women in Ministry: Biblical and Historical Perspectives*(Berrien Springs, MI: Andrews University Press, 1998), pp. 259–295.
- (33) R. S. Sugirtharajah, "Introduction: The Margin as a Site of Creative Revisioning," in Sugirtharajah, p. 4.
- (34) Gerhard F. Hasel, *Understanding the Living Word of God*(Mountain View, CA: Pacific Press, 1980), p. 72.
- (35) Mark Chapman, "Annotated Bibliography of Black Theology: 1966–1979," in Cone & Wilmore, 1:441.
- (36) Tinyiko Sam Maluleke, "The Rediscovery of the Agency of Africans: An Emerging Paradigm of Post-Cold War and Post-Apartheid Black and African Theology," *Journal of Theology for Southern Africa* 108.1 (2000): 26.

Приложение 1

МЕТОДОЛОГИЯ БИБЛЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение

Настоящий документ был разработан «Комитетом библейских исследований» Генеральной Конференции. Свой вклад в работу над документом внесли также и различные дивизионы по всему миру. Беспокойство, которое привело к написанию данного документа, обусловлено теми разрушительными последствиями, которые вызвал и продолжает вызывать историко-критический метод исследований в сфере изучения Библии.

Документ был принят на Годичном совещании Исполнительного комитета ГК в 1986 году в Рио-де-Жанейро, Бразилия. Документ был опубликован в *Adventist Review* (22 января 1987 г.), с. 18–20. Полный текст документа приведен ниже.

Библейские исследования: предпосылки, принципы и методы

1. Преамбула

Настоящее заявление адресовано всем членам Церкви адвентистов седьмого дня — как обученным исследователям Библии, так и всем, кто заинтересован в данном вопросе, с целью обеспечения их руководящими принципами по изучению Библии.

Адвентисты седьмого дня признают и ценят вклад библейских исследователей, которые на протяжении всей ис-

тории церкви развивали полезные и надежные методы изучения Библии в соответствии с требованиями и учением Священного Писания. Адвентисты привержены принятию библейской истины и желают следовать ей, используя все методы интерпретации в соответствии с тем, что говорит о себе само Священное Писание. Эти методы изложены в предпосылках, подробно описанных ниже.

В течение последних десятилетий наиболее известным методом в области библейских исследований был так называемый историко-критический метод. Исследователи, использующие данный метод в его классической формулировке, действуют на основе предположения, которое, прежде исследования библейского текста, отвергает достоверность повествований о чудесах и других сверхъестественных событиях, описываемых в Библии. Даже видоизмененное использование данного метода, сохраняющего принцип критицизма, который подчиняет Библию человеческому разуму, для адвентистов неприемлемо.

Историко-критический метод сводит к минимуму необходимость веры в Бога и послушания Его заповедям. Более того, поскольку данный метод ослабляет внимание к присутствию Божественного элемента в Библии как вдохновенной книге (включая в том числе и ее внутреннее единство) и обесценивает или неверно истолковывает апокалиптические пророчества и эсхатологические части Библии, мы призываем всех адвентистских исследователей Библии не полагаться на использование предпосылок и проистекающих из них заключений, связанных с историко-критическим методом.

В отличие от историко-критического метода и его предпосылок, мы считаем, что будет полезным изложить принципы изучения Библии, согласующиеся с учением самого Священного Писания и сохраняющие его единство, а также основывающиеся на предпосылке, что Библия является Словом Божьим. Именно такой подход способен привести к живому и приносящему внутреннее удовлетворение опыту с Богом.

2. Предпосылки, следующие из утверждений самого Священного Писания

А. Возникновение Священного Писания

(1) Библия является Словом Божиим, первостепенным и авторитетным средством, благодаря которому Бог открывает Себя человеку.

(2) Святой Дух вдохновлял авторов Библии мыслями, идеями и фактами, а они, в свою очередь, выражали все это своими собственными словами. Таким образом, Священное Писание является неделимым союзом человеческого и Божественного факторов, ни один из которых не должен превозноситься над другим (2 Петр. 1:21; Э. Уайт. *Великая борьба*, v, vi).

(3) Все Писание богодухновенно, оно было создано благодаря работе Святого Духа. Тем не менее оно не пришло в непрерывной цепи нерушимых откровений. Так как истину библейским авторам передавал Святой Дух, каждый из них писал под Его водительством, обращая внимание на те аспекты истины, которые ему было вверено донести. Таким образом, исследователь Библии получит всеобъемлющее понимание любого вопроса, признавая, что Библия сама по себе является своим лучшим интерпретатором, при ее целостном исследовании отображается последовательная гармоничная истина (2 Тим. 3:16; Евр. 1:1, 2; *Избранные вести*, т. 1, с. 19, 20; *Великая борьба*, v, vi).

(4) Хотя Библия была дана тем, кто жил в древнем ближневосточном/средиземноморском контексте, она выходит за пределы своего культурно-исторического фона, чтобы служить в качестве Слова Божьего всем культурным, расовым и ситуативным контекстам во все века.

Б. Авторитетность Священного Писания

(1) Шестьдесят шесть книг Ветхого и Нового заветов являются ясным, непогрешимым откровением Божьей воли и Его спасения. Библия — это Слово Божье, которое являет-

ся мерилom, определяющим истинность всех учений и практик (2 Тим. 3:15, 17; Пс. 118:105; Притч. 30:5, 6; Ис. 8:20; Ин. 17:17; 2 Фес. 3:14; Евр. 4:12).

(2) Писание является подлинной, надежной летописью деяний Бога в истории. Оно же предлагает и соответственную богословскую интерпретацию этих деяний. Сверхъестественная активность Божья, открывающаяся в Писании, представляет собой историческую реальность. К примеру, главы 1–11 книги Бытие описывают основанные на фактах исторические события.

(3) Библия не похожа на другие книги. Она представляет собой неделимое единство Божественного и человеческого факторов. Библия повествует о многих подробностях вековой истории, что является неотъемлемой частью ее всеобъемлющей цели — передачи истории спасения. Время от времени появляются альтернативные методы, представляемые исследователями Библии для определения исторических данных. Однако любые исторические исследования, основанные на человеческих предположениях и сосредоточенные только на человеческом факторе, являются недостаточными для интерпретации Библии, которая представляет собой сочетание Божественного и человеческого. Только тот метод, который полностью признает неделимую природу Священного Писания, может избежать искажения его вестей.

(4) Человеческий разум должен быть подчинен Библии, он не равен ей и не может превзойти ее. Любые предположения касательно Священного Писания должны находиться в гармонии с его требованиями и проверяться ими (1 Кор. 2:1–6). Бог желает, чтобы человеческий разум использовался в полной мере, но в контексте и под руководством авторитетности Его Слова, а не вне зависимости от него.

(5) Общее откровение Божье в природе находится в гармонии с написанным Словом и должно интерпретироваться во свете Священного Писания.

3. Принципы правильной интерпретации Священного Писания

А. Святой Дух побуждает верующего к принятию, пониманию и применению Библии в практической жизни, когда он ищет Божественной силы, чтобы повиноваться всем требованиям Священного Писания и применять к себе его обетования. Только те, кто уже следуют за полученным светом, могут иметь надежду на обретение последующего освящения Святым Духом (Ин. 16:13, 14; 1 Кор. 2:10–14).

Б. Священное Писание не может быть правильно истолковано без содействия Святого Духа. Именно Дух Святой помогает верующим понимать и применять Писание в жизни. Поэтому изучение Слова должно начинаться с молитвы о руководстве и освящении Святым Духом.

В. Изучающие Слово должны делать это с верой, в смиренном духе ученика, который стремится услышать то, что говорит Библия. Они должны быть готовы подчинить все предположения, мнения и заключения оценке и исправлению самим Словом. При подобном подходе исследователь Библии сможет прикоснуться непосредственно к самому Слову и при тщательном его изучении может прийти к пониманию сути спасения, независимо от любых человеческих доводов, какими бы полезными они ни казались. Тогда библейская весть становится действительно значимой.

Г. Исследование Священного Писания должно характеризоваться искренним желанием найти волю Божью и Его Слово и повиноваться им, а не стремлением найти поддержку или доказательство своим ранее принятым убеждениям.

4. Методы библейских исследований

А. Выберите для исследования перевод Библии, который будет максимально схож по значению с языком оригинала, отдавая предпочтение переводам, осуществленным широкой группой исследователей и напечатанным крупным издательством. Не стоит рассматривать переводы, финан-

сируемые отдельной деноминацией или узкоспециализированной группой исследователей.

Проявляйте осторожность в том, чтобы не выстраивать основные доктринальные вопросы только на одном переводе Библии. Опытные библейские исследователи будут также использовать греческий и еврейский тексты, позволяющие им сравнить различные толкования древних библейских манускриптов.

Б. Выберите определенный план исследования, избегая бесцельного и случайного подхода. Ниже предложены возможные планы исследований:

1. Анализ библейской вести с помощью изучения книги за книгой.
2. Метод изучения стиха за стихом.
3. Исследование, направленное на библейское решение конкретной жизненной проблемы, библейское удовлетворение конкретной нужды или библейский ответ на конкретный вопрос.
4. Тематическое исследование (вера, любовь, Второе пришествие и др.).
5. Исследование значения слов.
6. Биографическое исследование.

В. Стремитесь охватить простое, самое очевидное значение изучаемого библейского текста.

Г. Стремитесь к исследованию основополагающих тем Священного Писания, содержащихся в отдельных текстах, отрывках и книгах Библии. Две основные, связанные друг с другом темы проходят через все Писание: (1) личность и служение Иисуса Христа и (2) великая борьба, включающая в себя авторитет Слова Божьего, грехопадение, Первое и Второе пришествие Христа, тема оправдания Бога и Его закона и восстановление Божественного плана для Вселенной. Эти темы должны исследоваться с учетом всего библейского материала (принцип *tota scriptura*) и не навязываться священному тексту.

Д. Следует признать, что Библия истолковывает сама себя, и смысл слов, текстов и отрывков лучше всего определяется тщательным сравнением Писания с Писанием.

Е. Изучите контекст рассматриваемого отрывка, связывая его с предложениями и абзацами, непосредственно предшествующими ему и следующими за ним. Попробуйте связать идеи отрывка с линией мысли всей книги Библии.

Ж. Насколько это возможно, выясните, при каких исторических обстоятельствах авторы Писания, будучи водимы Святым Духом, записывали тот или иной текст.

З. Определите литературный стиль, используемый автором. Некоторые библейские материалы содержат притчи, пословицы, аллегории, псалмы и апокалиптические пророчества. Поскольку многие библейские авторы представили большую часть своего материала в виде поэзии, было бы полезно использовать перевод Библии именно в поэтическом стиле. Отрывки, использующие поэтические образы, не должны интерпретироваться таким же образом, как и проза.

И. Признайте, что конкретный библейский текст может не соответствовать детально нынешним литературным категориям. Будьте осторожны при использовании этих категорий в интерпретации значения библейского текста. Люди склонны находить в тексте то, что ищут, даже если сам автор ничего подобного не имел в виду.

К. Обращайте внимание на грамматику и конструкцию предложения, чтобы раскрыть смысл, вложенный автором. Исследуйте ключевые слова в отрывке, сравнивая их использование в разных частях Священного Писания с помощью Симфонии и библейских словарей.

Л. Изучая библейский текст, постарайтесь проследить его исторический и культурный фон. Археология, антропология и история могут способствовать пониманию смысла текста.

М. Адвентисты седьмого дня верят, что Элли Уайт писала под вдохновением Божьим. Поэтому ее интерпретация

определенных библейских отрывков представляет собой богодухновенное руководство в поиске значения текстов, не исчерпывающее, однако, их смысла и не вытесняющее задачу экзегезы (см. например, *Евангелизм*, с. 256; *Великая борьба*, с. 193, 595; *Свидетельства для Церкви*, т. 5, с. 665, 682, 707, 708; *Советы авторам и редакторам*, с. 33–35).

Н. После изучения, описанного выше, обратитесь к различным комментариям и вторичным источникам, таким, например, как научные работы, чтобы посмотреть, каким образом исследовали отрывок другие. Затем тщательно оцените различные точки зрения, выраженные с позиции Священного Писания в целом.

О. При интерпретации пророчеств помните следующее:

1. Библия утверждает, что Бог способен предсказывать будущее (Ис. 46:10).
2. Пророчества имеют нравственную цель. Они даются не просто для того, чтобы удовлетворить любопытство человека касательно будущего. Цель пророчеств заключается в укреплении веры (Ин. 14:29), а также в способствовании к святой жизни и готовности к пришествию Христа (Мф. 24:44; Откр. 22:7, 10, 11).
3. Центром большинства пророчеств является Христос (Его Первое и Второе пришествие), Церковь и события последнего времени.
4. Критерии для интерпретации пророчеств находятся в самой Библии: Библия указывает время пророчеств и их исполнение в истории; Новый Завет говорит об исполнении определенных ветхозаветных пророчеств о Мессии; а сам Ветхий Завет представляет отдельных людей и события в качестве образа Мессии.
5. В новозаветных упоминаниях ветхозаветных пророчеств некоторые буквальные названия становятся духовными: к примеру, Израиль представляет церковь, Вавилон — отступническую религию и т. д.
6. Есть два основных типа пророческих писаний: неапосталиптические пророчества, их можно обнаружить

у пророков Исаии и Иеремии, и апокалиптические пророчества, которые содержатся в книге Даниила и Откровении. Эти два типа пророчеств имеют различные характеристики:

- 1) Неапокалиптические пророчества обращены преимущественно к народу Божьему; апокалиптические пророчества по своей сути являются более универсальными и касаются всех живущих на земле.
- 2) Неапокалиптические пророчества зачастую носят условный характер, излагая Божьему народу альтернативы благословений за послушание и проклятий за непослушание; апокалиптические же пророчества подчеркивают власть Бога и Его контроль над историей.
- 3) Неапокалиптические пророчества имеют тенденцию переходить от локального кризиса ко дню Господнему; апокалиптические пророчества представляют ход истории со времен пророка и до конца мира.
- 4) Время, указанное в пророчествах неапокалиптического характера, как правило, продолжительное, например, 400 лет рабства израильтян (Быт. 15:13) и 70 лет вавилонского плена (Иер. 25:12). Время пророчеств апокалиптического характера, как правило, выражено в коротких сроках, например, 10 дней (Откр. 2:10) или 42 месяца (Откр. 13:5). Апокалиптические временные периоды символически указывают на более длительный период названного фактического времени.
7. Апокалиптические пророчества имеют большое символическое значение и должны истолковываться соответствующим образом. При интерпретации символов могут быть использованы следующие методы:

- 1) Ищите интерпретацию (явную или неявную) внутри самого отрывка (например, Дан. 8:20, 21; Откр. 1:20).
 - 2) Ищите интерпретацию в другом месте исследуемой книги или в других книгах того же библейского автора.
 - 3) Используя Симфонию, изучите употребление тех же символов в других частях Священного Писания.
 - 4) Изучение древних ближневосточных текстов может пролить свет на смысл символов, хотя библейское использование этих символов может изменять их значение.
8. Литературная структура книги часто является вспомогательным средством для ее интерпретации. Примером тому могут служить параллельные линии пророчеств Даниила.

П. Иногда параллельные повествования в Писании содержат различия в деталях и акцентах (например, Мф. 21:33, 34; Мк. 12:1–11 и Лк. 20:9–18; или 4 Цар. 18–20 и 2 Пар. 32). При исследовании подобных отрывков убедитесь, что в параллельных повествованиях имеется в виду одно и то же историческое событие. Например, многие из притчей, произнесенных Иисусом, возможно, относились к различным ситуациям, были обращены к разной аудитории и имели разное содержание.

Однако при обнаружении подобных различий в параллельных повествованиях следует признать, что целостная весть Библии является синтезом всех ее частей. Каждая книга или каждый библейский автор сообщают о том, что Дух Святой побудил их сообщить. Каждый библейский писатель делает свой особый вклад в богатство и многообразие Священного Писания (Э. Уайт. *Великая борьба*, v, vi). Читатель должен позволить каждому библейскому автору быть услышанным, признавая при этом основополагающее единство Божественного откровения.

Когда параллельные отрывки, на первый взгляд, указывают на несоответствие или противоречие, ищите лежащую в их основе гармонию. Помните, что несоответствия могут быть связаны с незначительными ошибками переписчиков (*Избранные вести*, т. 1, с. 16) или могут быть результатом по-разному расставленных акцентов или выбора материалов различными авторами, писавшими под вдохновением и руководством Святого Духа для различной аудитории и при разных обстоятельствах (*Избранные вести*, т. 1, с. 21, 22; *Великая борьба*, vi).

Может оказаться невозможным согласовать незначительные расхождения в деталях, которые, однако, не имеют отношения к основной и ясной вести отрывка. В некоторых случаях вынесение окончательного суждения стоит приостановить до тех пор, пока не будет больше доступной информации для разрешения кажущегося несоответствия.

Р. Священное Писание было написано с практической целью — открыть волю Божию человеческой семье. Однако для того, чтобы не исказить определенные утверждения в Библии, важно признать, что они были адресованы народам восточных культур и выражены в соответствии с их образом мысли.

Такие выражения, как «Господь ожесточил сердце фараона» (Исх. 9:12), «злой дух от Бога...» (1 Цар. 16:15), псалмы проклятия или «три дня и три ночи» Ионы (сравнение со смертью Христа — Мф. 12:40) зачастую понимаются неверно ввиду того, что сегодня они интерпретируются с совершенно иной точки зрения.

Для понимания таких выражений важно знать культуру Ближнего Востока. К примеру, еврейская культура налагает ответственность на человека за те дела, которые он не совершал, но которые позволил совершить кому-то другому. Таким образом, вдохновенные авторы Священного Писания обычно приписывают Богу определенные активные действия, тогда как в западной культуре сказали бы, что Он позволил совершить эти действия либо не предот-

вратил их. Примером таких действий является ужесточение сердца фараона.

Еще один аспект Священного Писания, приводящий в замешательство современный разум, заключается в Божественном повелении Израилю вступить в войну и истреблять целые нации. Израиль изначально был организован как теократическое государство, гражданское правительство, напрямую управляемое Богом (Быт. 18:25). Такое теократическое государство было уникальным. Оно более не существует и не может рассматриваться как прямая модель христианской практики.

Священное Писание содержит истории о том, что Бог принимал людей, чьи действия и утверждения не соответствовали духовным принципам Библии в целом. В качестве примера можно привести случаи, связанные с употреблением алкоголя, полигамией, разводом и рабством. Хотя осуждение подобных глубоко укоренившихся в обществе обычаев явно не выражено, это вовсе не означает, что Бог одобряет все то, что Он позволял и с чем мирился в жизни патриархов Израиля. Иисус ясно дал это понять, например, в Своем отношении к разводу (Мф. 19:4–6, 8).

Дух Священного Писания — это дух восстановления. Бог действует терпеливо, чтобы поднять падшее человечество из глубин греха к Божественному совершенству. Следовательно, нам не нужно брать пример с действий грешных людей, о которых записано в Библии.

Писание представляет собой разворачивающееся откровение Бога к человеку. Нагорная проповедь Иисуса, к примеру, расширяет некоторые концепции Ветхого Завета. Сам Христос является откровением характера Божьего человечеству (Евр. 1:1–3).

Несмотря на внутреннее единство, присутствующее в Библии от Бытия до Откровения, и несмотря на то, что все Писание в равной степени богодухновенно, Бог нашел нужным открывать Себя людям через них же самих и общаться с ними согласно их духовным и интеллектуальным способ-

ностям. Сам Бог не меняется, но Свое откровение Он разворачивал перед людьми постепенно, тогда, когда они были способны принять его (Ин. 16:12; *Библейский комментарий АСД*, т. 7, с. 945; *Избранные вести*, т. 1, с. 21). Каждый жизненный опыт или утверждение в Священном Писании были записаны под водительством Святого Духа, однако сегодня не каждый из этих опытов нужно рассматривать в качестве примера христианского поведения. Следует правильно понимать и дух, и букву Священного Писания (1 Кор. 10:6–13; *Желание веков*, с. 150; *Свидетельства для Церкви*, т. 4, с. 10–12).

С. В качестве конечной цели попытайтесь определить практическое значение текста. Задайтесь следующими вопросами: «Каковы весть и цель, которые Бог желает передать через Священное Писание?», «Какое значение данный текст имеет лично для меня?», «Как я могу применить его касательно моей ситуации и жизненных обстоятельств?» При этом помните, что, хотя многие библейские отрывки имели локальное значение, они, тем не менее, содержат вечные принципы, применимые к любому времени и культуре.

5. Заключение

Эллен Уайт во введении к своей книге «Великая борьба» пишет: «Библия в целом являет собой союз Божественного и человеческого, поскольку истины, данные Богом, выражены в ней человеческим языком. Подобный союз существовал и в естестве Христа, Который был Сыном Божьим и Сыном Человеческим. Таким образом, библейский текст «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин. 1:14) может быть применен как к Христу, так и к Библии».

Как тем, кто не принимает Божественности Христа, невозможно понять цель Его воплощения, так и тем, для кого Библия является просто человеческой книгой, невозможно понять ее весть, какими бы тщательными и скрупулезными ни были методы ее исследования.

Даже христианские исследователи, принимающие Божественно-человеческую природу Священного Писания, но чьи методологические подходы побуждают их размышлять в большей степени над его человеческими аспектами, рискуют лишиться библейскую весть ее силы, отодвигая ее на задний план и сосредоточившись лишь на средстве передачи вести. Они забывают, что средство передачи и весть неотделимы друг от друга и что первое без второго подобно пустой оболочке, неспособной удовлетворить жизненно важные духовные потребности человечества.

Посвященный христианин будет использовать только те методы исследования, которые в состоянии отдать должное дуальной (двойной), неделимой природе Священного Писания, которые умножат его способность понимать его и применять библейскую весть в своей жизни, укрепляя веру.

12 октября 1986 г.

*Комитет Генеральной Конференции
Годичное совещание в Рио-де-Жанейро, Бразилия*

Приложение 2

ДЕВЯТЬ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРИНЦИПОВ АДВЕНТИСТСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

*Уильям Джонсон, доктор богословия, редактор
журнала «Adventist Review»*

Наиболее важной и срочной задачей, стоящей сегодня перед адвентистскими исследователями Библии, является достижение согласия относительно принципов истолкования.

Среди всех христианских конфессий мы являемся той церковью, которая от самого своего основания рассматривала Библию как источник и мерило веры. Именно понимание того, чему Библия учит, а чему нет, и стало причиной выхода наших пионеров из других церквей. По причине этой же убежденности адвентисты седьмого дня и по сей день сохраняют особое понимание своей сущности, основные пункты вероучения и смысл своей миссии.

Но, к сожалению, сегодня среди адвентистских богословов произошло разделение по вопросам герменевтики. Как кажется, они еще не окончательно разошлись в своих взглядах, и разрыв, о котором многие сегодня говорят, не так уж и велик. Однако следует признать, что между ними все же существуют значительные разногласия.

Конечно, было бы интересно проследить историю развития таких разногласий. Но главной целью этой статьи является разрешение проблемы расхождения по вопросам герменевтики и нахождение пути скорейшего и подлинного согласия.

Положительным начинанием в этом направлении являются статьи профессоров Джонстона и Гейна, опубликован-

ные в журнале «Ministry». Как глубоко мыслящие и хорошо аргументирующие свои доводы исследователи, они скорее стоят на позициях принятия, чем открытого противостояния. И это прекрасная предпосылка для плодотворного диалога. Используя некоторые содержащиеся в статьях выводы, наряду со своими собственными размышлениями на эту тему я хочу предложить девять основных принципов адвентистской герменевтики.

Приведенные ниже пункты не являются некой золотой серединой или компромиссом между позициями Джонстона и Гейна. Это скорее квинтэссенция тех убеждений, которые укоренились в моей душе в течение сорока лет служения в Церкви АСД, двадцать из которых были посвящены преподаванию Библии.

1. В церкви как для рядовых ее членов, так и для ученых-исследователей должна быть только одна адвентистская герменевтика.

Как один из тех, кто имел возможность заниматься богословскими исследованиями, я надеюсь, что мы рассматриваем наших богословов не как потенциальную опасность, но как положительный актив; не как сомнительных функционеров, а скорее как специально дарованных церкви служителей. С другой стороны, я также надеюсь, что и наши богословы не считают свои знания самоценностью, но видят в них преимущества, которые дают им возможность делиться богатством Священного Писания с членами церкви. Кроме этого я надеюсь, что мы не будем воспринимать богословов как неких экспертов, которым принадлежит последнее слово в определении истины.

Как протестанты адвентисты не признают никаких «экспертов» Писания. Любой человек может открыть Библию и получить наставления единственного эксперта — Святого Духа. Богословы могут предлагать свои знания и помогать нам в понимании Библии, но они никогда не могут —

и не должны — становиться между верующим и Богом Библии.

В адвентистской церкви не должно быть никакой элиты! Не может быть герменевтики, которая требует, чтобы исследователь имел степень доктора философии или богословия; ничего, что делает обязательным знания греческого, еврейского, арамейского языков. Адвентистская герменевтика должна быть одной для всей церкви!

2. Божественный фактор в Писании.

Эллен Уайт, голос которой является наиболее авторитетным для адвентистов, предлагает, как я считаю, наиболее краткое и сильное определение Священного Писания: «Десять заповедей были произнесены Самим Богом и написаны Его рукой. Это творение Господа, а не человека. Но Библия, представляющая собой Божественные истины, выраженные на языке людей, свидетельствует о союзе между Божьим и человеческим естеством. Подобный союз существовал и в естестве Христа, Который был Сыном Божьим и Сыном Человеческим. Таким образом, библейский текст „Слово стало плотию и обитало с нами“ (Ин. 1:14), говорящий о Христе, верен и в отношении Библии»⁽¹⁾.

Мы должны говорить о Библии прежде всего как о Слове Божьем, так же как, говоря о Христе, мы должны в первую очередь подчеркивать, что Он — Сын Божий. Тем не менее многие сегодня рассматривают Библию прежде всего как писания человеческие, так же как и во дни Христа люди видели Его человеческое естество. Истинная же вера в обоих случаях должна сосредоточиваться на Божественном, придавая меньшее значение человеческому. Такая предпосылка требует и соответствующих изменений в подходах к толкованию Писания.

По этой причине я не могу согласиться с теми, кто пытается изучать Слово Божье точно так же, как любое другое древнее или современное литературное произведение. Исследователи в любой области признают, что используе-

мый ими метод должен соответствовать содержанию. Удивительно, но, тем не менее, многие современные критически настроенные богословы пытаются изучать Писание, исключая при этом любую возможность Божественного влияния, что на самом деле является весьма существенным фактором. Как дети века Просвещения, стремящиеся к свободе от церковных догм, они отвергают то, что находится в самом сердце изучаемого предмета. Таким образом, если мы хотим правильно истолковывать Писание, мы должны со смирением и молитвой внимать Слову Божьему.

3. Человеческий фактор в Писании.

Говоря о природе Библии, мы утверждаем, что она есть Слово Божье и слово человеческое. И это является Божьей тайной. Мы естественно воспринимаем личность Спасителя как соединение Божественного и человеческого. Мы можем пытаться понять этот парадокс, но в конечном счете мы должны просто принять его как тайну. Если же следовать исключительно логике в этом вопросе, то это приведет к ошибочному выпячиванию одной составляющей природы Христа в ущерб другой.

Мы должны прямо признать существование человеческого фактора в Писании, что проявляется в несовершенстве языка и представлений, в ошибках при переписывании и переводе, в недостаточной последовательности и кажущихся нарушениях единства текста. При этом очевидным является то, что «не слова Библии, но люди, ее писавшие, были вдохновляемы Богом»⁽²⁾. В этом утверждении мы расходимся с позицией фундаменталистов.

Эти слова могут звучать пугающе. Для нас проще было бы иметь дело с Библией, в которой каждое слово было бы продиктовано Богом. Так же как легче было бы принимать тайну природы Христовой, если бы Его человеческое естество заключалось только во внешней оболочке или форме. Так же как одни христиане в действительности никогда не видят во Христе настоящего человека, другие

считают, что богодухновенность Писания пострадает, если мы со всей серьезностью будем принимать во внимание человеческий фактор в его написании.

Вот один пример из моей личной практики как исследователя Нового Завета. Большая группа ученых-критиков собралась на семинар по проблеме личности Иисуса Христа в евангелиях. Один из участников поднял вопрос о том, что же Христос говорил на самом деле и что церковь вложила в Его уста. В ходе обсуждения в разряд мифов были отнесены такие события, как чудесное рождение Христа, чудеса, которые Он творил, и Его воскресение. И только одно ученые готовы были признать как имевшее место: то, что Христос умер на кресте.

Обратите внимание, как в каждом Евангелии передаются слова Пилата, которые тот повелел написать над головой Христа. На первый взгляд это кажется удивительным, но каждый евангелист приводит свою версию надписи. Как это возможно? Какие слова на самом деле написал Пилат? Но давайте посмотрим на эту проблему по-другому. Что бы ни говорил Матфей («Сей есть Иисус, Царь Иудейский», Мф. 27:37), Марк («Царь Иудейский», Мк. 15:26), Лука («Сей есть Царь Иудейский», Лк. 23:38) или Иоанн («Иисус Назорей, Царь Иудейский», Ин. 19:19), все они отмечают одно: Он был Царем Иудейским. Память ненадежна и избирательна, но главная мысль, которую Бог хотел донести до нас, передана очень ясно.

4. Позвольте Библии истолковывать саму себя.

Поскольку Библия является Словом Божьим, она имеет одного Автора и множество писцов. Это означает, что в Писании есть глубокое духовное единство, которое открывается искреннему, внимательному исследователю. Часто это единство Библии затмевается человеческим фактором: слабостями писавших, местом и временем, в которое было дано Богооткровение, но мы всегда должны стараться видеть картину целиком. Мы должны читать и изучать все

книги Библии, не пренебрегая ни одной главой или книгой, которая может нам показаться малозначительной.

Позволить Библии истолковывать саму себя означает, что мы не имеем права подходить к истолкованию текста, уже имея готовые выводы. Мы слушаем, что говорит Писание, а не утверждаем, к примеру, что богодухновенность означает то и это или что наше богословие требует того или этого и поэтому текст не может означать то, о чем он говорит.

Адвентистская герменевтика должна формироваться посредством серьезного изучения Слова Божьего. Возможно, для нас полезно будет знать, что другие написали о Библии, но наш подход должен основываться на глубоком изучении самой Библии.

5. Интерпретация — это больше искусство, чем наука.

Бог открывает Себя в Библии, которая является Его Словом, и Он не скрывает ту весть, которую желает сообщить. Посредством молитвы и прилежного изучения всего библейского откровения искренно ищущие узнают, Кто такой Бог и как они могут вступить с Ним в спасительные отношения.

Но изучение Библии — это больше искусство, чем наука. Мы приступаем к исследованию Писания с особенностями нашей личности и нашего прошлого. Мы воспринимаем Библию через призму нашего жизненного опыта. Писание удивительным образом может обращаться прямо к нам — один на один. Поэтому ни в коем случае нельзя говорить, что кто-то из нас может претендовать на то, что его толкование является единственным. Я много раз убеждался в истинности этой мысли, слушая, как разные люди комментировали один и тот же стих. Так однажды я был свидетелем, как афроамериканский проповедник раскрыл совершенно новое богатство и глубину текста, говорящего об избавлении Израиля из египетского рабства.

Это приводит нас к следующему принципу.

6. Мы нуждаемся друг в друге.

Библия является книгой, принадлежащей церкви, а не только университетам. Мы как члены этой церкви должны прислушиваться друг к другу и учиться друг у друга в познании Библии. Рядовые члены церкви нуждаются в знаниях богословов, а богословы, в свою очередь, нуждаются в том особом взгляде на Писание, который сложился у рядовых членов в течение многих лет практического его использования и личного восприятия. Ученым-исследователям также необходимо принимать во внимание и мнения друг друга, чтобы иметь возможность возводить мосты диалога и общения.

Этот совместный поиск истолкования является дополнением к личностному и предназначается не только для взаимного обогащения, но и для защиты истины. При множестве советников мы обретаем мудрость, а каждый христианин является таким учителем в церковной семье.

7. Отвергайте многозначную терминологию.

Я вынужден сделать вывод, что адвентистским студентам, изучающим Слово Божье, полезно было бы исключить из своего словаря термин «историко-критический метод». Мне не нравится создавать новые термины, описывающие наш подход к истолкованию, да и нужны ли нам новые термины? Но в этом случае я убежден, что термин «историко-критический метод» стал для нас неким пугалом, который возбуждает споры и скорее накаляет обстановку, чем несет свет. Адвентистские богословы не достигнут единства, пока не откажутся от этого термина.

Для меня совершенно ясно, что основные предпосылки этого метода, такие как исключение сверхъестественного или утверждение, что история развивается без всякого вмешательства извне, то есть чисто «объективный» подход, совершенно неприемлемы для адвентистской герменевти-

ки. Такой подход выхолащивает текст и лишает его сердца и души.

Но я также убежден, что, поскольку Библия является и писанием человеческим, ее можно изучать и с этой точки зрения. Я писал докторскую диссертацию в университете Вандерbilt и, как многие адвентистские ученые до меня, посещал обязательный курс метода библейских исследований у ставшего позднее очень известным профессора Дж. Филлипа Хайета. Первой темой наших исследований при изучении историко-критического метода был текстуальный критицизм. На сегодняшний день я не знаю ни одного адвентистского богослова, который бы не видел ценности текстуальной критики и не использовал бы ее. Тем не менее я вижу, что сам термин порождает нескончаемые дебаты, поскольку, используя метод текстуального критицизма, адвентистские ученые так или иначе вовлекают себя в применение историко-критического метода.

8. *Сосредотачивайтесь на понятном учении Священного Писания, а не на «крепких орешках».*

Я не хочу сказать, что мы должны отвергнуть все то, что представляется нам «крепким орешком». Такие «орешки» могут содержать ядра, которые Бог использует, чтобы встряхнуть наше сознание и изменить наш образ жизни. Но нам не следует концентрироваться на трудных для понимания отрывках Писания, позволяя им забирать все наше внимание и уводить от общего видения темы.

Человек, для которого Библия уже не содержит никаких трудностей, перестал думать. Но и тот, кто постоянно задерживается на «крепких орешках», становится непоследовательным в герменевтике и, возможно, колеблющимся в вере.

9. *Изучайте, применяйте и действуйте.*

Адвентистская герменевтика не может замыкаться только на истолковании. Апостол Иоанн говорит о предназна-

чении Писания: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20:31).

Смысл этого текста можно понять по-разному: он говорит о необходимости поверить в Иисуса как Христа или о том, что надо продолжать верить в Иисуса как Христа (древние рукописи расходятся во времени глагола). В обоих случаях неоспоримо одно: Библия предназначена для того, чтобы приводить к вере.

Таким образом, кем бы мы ни были — пастором, богословом, рядовым членом церкви — наше изучение Библии не должно останавливаться только на исследовании. Изучение подразумевает интеллектуальную активность, но не может ограничиваться только этим. Божий замысел состоит в том, чтобы стремление понять Его Слово овладело всем нашим существом и в результате произвело в нас решительные перемены. Мы будем насыщаться Его Словом, испытывать на себе действие Святого Духа и таким образом возрастать духовно. И, кроме того, мы будем более подготовлены к тому, чтобы делиться Его Словом с другими.

Настоящим проклятием для многих современных библейских исследователей является их позиция сознательной отстраненности от веры и действий, которых требует библейский текст. Мы все склонны преткаться на этом — спорить о значении текста, вместо того чтобы жить согласно тому, что он говорит; или вести дискуссию о том, как толковать Библию, в то время как должны с ее помощью общаться с Богом.

Пусть Господь сделает нас такими людьми, которые действительно разделяют Слово истины и живут соответственно каждому слову, сошедшему с уст Божьих.

Ссылки

⁽¹⁾ Э. Уайт. Великая борьба, с. 7.

⁽²⁾ Э. Уайт. Избранные вести, т. 1, с. 21.

**Слово Твое есть истина: основы
библейской герменевтики.**
Сборник статей

Составитель **Е. Зайцев**
Ответственный редактор **А. Евграфов**
Переводчик **Э. Сулайманкулова**
Технический редактор **А. Сущенко**
Корректоры **В. Мелешкина, Н. Лукьянова**

Подписано в печать 16.10.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Октава. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 1 800 экз. Изд № К-0770.
Заказ № 5535.

Издательство «Источник жизни»
301000 Тульская обл., п. Заокский, ул. Восточная, 9
Тел. (48734) 2-01-01, 2-01-02
Факс (48734) 2-01-00
E-mail: solph@lifeforce.ru
Книга — почтой: books@lifeforce.ru
Интернет-магазин: www.7knig.org
Тел. горячей линии: 8-800-100-54-12 (звонок бесплатный для жителей РФ)
E-mail: inmarket@lifeforce.ru
Типография издательства «Источник жизни»